

ДЕТЕКТИВ

ДЛЯ УЮТНОЙ ОСЕНИ

ТРИ РОМАНА ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!

Татьяна УСТИНОВА
Татьяна ПОЛЯКОВА

Великолепные детективные истории

Татьяна Полякова

Детектив для уютной осени

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Детектив для уютной осени / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-114236-0

Что нужно для того, чтобы со вкусом встретить и провести осень? В первую очередь, конечно же, хорошее настроение, ведь первые холода – это вовсе не повод унывать! А его вам обеспечит прекрасная книга, которая так и называется – «Детектив для уютной осени». В нее вошли лучшие романы самых известных современных российских писательниц, работающих в жанре остросюжетной литературы, – Татьяны Устиновой и Татьяны Поляковой, – действие в которых разворачивается уютной осенью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114236-0

© Полякова Т. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Татьяна Устинова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Детектив для уютной осени

Татьяна Устинова
Призрак Канта

Разговаривали двое.

Голоса – тонкий и погуще – звучали взволнованно.

– Если дома не станет, – пищал один, – нас не станет тоже!.. Куда мы денемся? Мы не можем...

– Не можем, не можем! – передразнивал второй. – А что делать?! Что предпринять?..

– Раньше нужно было думать!

– О чем?! Ничего не должно было случиться! Триста лет и три года ничего не менялось, а тут такое!..

– Если бы пораньше, если бы сразу, – сокрушался писклявый, – мы бы подготовились!

Что угодно можно отдать, лишь бы время вернуть!

– Пустая болтовня! Что отдать?! Да и что мы можем сделать, отравы ему подмешать?

– Да хоть бы отравы, – воинственно пищал первый. – За этот дом ничего не жалко.

Собеседники помолчали.

– А если не жалко, – осторожно начал второй, – то я тут кое-что измыслил.

– Что, что?..

– погоди, расскажу. Нам же не просто так!.. Нам надо, чтобы никто, ни одна живая душа не заподозрила, что мы в этом... замешаны.

– Это да, это чистая правда.

– Так вот. Мы сделаем все чужими руками.

– А как, как?..

– Да погоди ты!.. Надобно все обставить так, словно нас нет и не было.

Первый тоненько захихикал:

– Так нас ведь и вправду нет. А были, нет ли... Какая уж теперь разница!

Василий Васильевич Меркурьев из окна машины смотрел, как ноябрьская Балтика катит тяжелые, ртутные, волны – до самого горизонта, до неба. Песчаные пляжи залиты серым дождем. Должно быть, летом этот песок бывает веселым, солнечным, горячим!.. Должно быть,

на нем приятно валяться и ходить, загребая его босыми ногами. Сейчас он был весь исхлестан дождем и ветром, и трудно вообразить, что на этих берегах возможны лето и солнце.

Василий Васильевич вздохнул.

Дорога все время шла по берегу моря, лишь иногда разросшиеся деревья скрывали его от глаз, но гул – тревожный, неумолчный гул осеннего моря – никуда не исчезал, заполнял собой весь мир, и в голове у Василия Васильевича тоже шумело море.

– В первый раз у нас? – спросил водитель, поглядывая на пассажира в зеркало заднего вида. – Время уж больно неподходящее для отпускников-то!..

– Не первый, – сказал Меркурьев. – Я каждый год тут.

– И все в ноябре?.. – удивился водитель.

– Осенью, да, – подтвердил пассажир. – Я летом отпуск не беру.

– Чего это?!

Пассажир опять уставился в окно.

– Я работаю в Бухаре на газовой станции. Газопровод через пустыню тянем, – пояснил он. – Так от жары этой окочуриться можно, веришь, нет?.. Как в апреле начинается каждый день сорок градусов, так жарит до октября. И ни одного дождя! В октябре двадцать пять, это уже подарок судьбы! Поэтому я в отпуск только по осени и только на холодное море езжу, отдохнуть малость.

– Да, – сказал водитель с сочувствием, – тогда понятно. Ну, у нас тут дожди каждый день, наслаждайся!..

Бухарец кивнул.

– А чего в глухомань такую? Твоя гостиница – это ж дыра захолустная!.. Полтора часа едем, никак не доедем. Вроде нефтяники – народ небедный, можно себе позволить!..

– Да какой я нефтяник? – возразил бухарец. – Я инженер на газопроводе!

– И чего? Нормальную гостиницу не мог снять, вон хоть в Светлогорске! Там по крайней мере культурно, есть где пивка попить, есть где пройтись с барышней под ручку. Чего тебя в самый глухой угол-то несет?..

Василий Васильевич опять вздохнул. Оправдываться перед водителем ему не хотелось, но он чувствовал, что... должен.

– Я картинки в интернете посмотрел, мне понравилось, – сказал он. – И море прямо под окнами, и маяк, и буковая роща.

– Маяк не действует уже сто лет.

– Так ведь и я не пароход! Какая мне разница, действует, не действует!.. Главное – красиво.

– Красоту, значит, любишь, – заключил водитель.

– Люблю красоту, – покаялся Василий Васильевич. – И пустыня надоела. Хочу, чтоб море и лес. И дождь.

Водитель покрутил головой – чудно!

– Ну, получай свой лес и дождь. Вон гостиница твоя.

Трехэтажный, узкий, как готический собор, старый немецкий дом с двумя круглыми башенками и черепичной крышей почти терялся на фоне буйных красок осеннего леса. К нему вела узкая дорожка, засыпанная красным гравием. Дорожка петляла по лугу, обходя ручей, и у самой решетки пересекала его по горбатому каменному мостику. Ворота стояли настежь, и похоже было, что они никогда не закрываются.

– Поселок с той стороны, – продолжал водитель. – На тот случай, если в лесу сидеть надоест!.. Там и кафешка есть, и ресторан «Беккер» приличный, и продовольственный – водочки взять.

Василий Васильевич смотрел в окно и кивал.

– Остановка автобусная в километре, можно и до Калининграда доехать. А хочешь, меня вызывай, я тебе телефончик оставлю! Слышь, бурильщик?

– Оставь, – согласился Меркурьев.

Шурша шинами по красному гравию, машина подъехала к островерхому дому и остановилась. Водитель заглушил мотор, и сразу стало слышно, как дождь барабанит по крыше, как шумит лес, и гул моря тоже надвинулся, словно расширился.

Василий Васильевич вылез из салона, накинул капюшон и выудил из заднего кармана джинсов кошелек. Водитель уже поставил под чугунный козырек две его сумки.

– Ну, бывай, бурильщик! Соскучишься, звони, не стесняйся! Покатаю!..

Василию Васильевичу хотелось, чтоб он поскорее уехал.

– День добрый, – пробасили у него за спиной, и бабахнула тяжелая дверь. – Мы вас ожидаем. Самолет опоздал?

– Ехали долго, – Меркурьев повернулся.

Крепкий краснолицый старик в вельветовых брюках и твидовой куртке с кожаными заплатами на локтях протягивал руку, вид у него был приветливый.

– Виктор Захарович, хозяин гостиницы. Вы, стало быть, мой гость. Добро пожаловать.

– Меркурьев Василий Васильевич. – Гость тоже протянул руку. Твидовая куртка и вельветовые брюки его поразили – хозяин выглядел точь-в-точь как английский помещик. – Из Бухары.

– Живете там?

– Работаю. Уже два года.

– Ну, расскажете, – неожиданно заключил хозяин. – Пойдемте под крышу, холодно сегодня. Того гляди снег пойдет.

И взялся за сумки.

– Да я сам!..

Одну сумку Меркурьев отбил, а вторая осталась у старика, который все повторял, что обслуживание у них на высоте.

Двойная тяжелая дверь открывалась в вестибюль, где было полутемно из-за деревянных стенных панелей и закопченных балок на потолке. Возле единственного узкого и высокого окна с витражом помещались два кресла и столик, на столике лежали какие-то журналы и книжка страницами вниз. Широкая чугунная лестница с поворотом вела на второй этаж, под лестницей стояла цветочная подставка, в ней разноцветный лохматый букет – астры. По левой стене зияла огромная пасть камина с наборной полкой разноцветного мрамора. Василий Васильевич вновь удивился – как и твидовой куртке. Он никогда не видал каминов в прихожих!..

Лестница неожиданно загудела, вздрогнула, и по чугунным ступенькам скатилась девица. И гость, и хозяин, задрав головы, уставились на нее.

Красивая девушка, подумал Меркурьев.

– Виктор Захарович! – закричала девица. – Интернета опять нет! Что такое, а?

– Должен быть, Кристина.

– Должен, а нету!.. Где Стас?

Хозяин подтолкнул Меркурьева к лестнице.

– Познакомьтесь, молодые люди. Кристина, это Василий Меркурьев, приехал к нам погостить из Бухары.

Девица уставилась на гостя. Глаза у нее были темные и любопытные, как у мыши.

– А Кристиночка здесь, в Калининграде, учится в университете. Будущий историк!..

– Фу, как вы скучно говорите, Виктор Захарович! – фыркнула девица и с лестницы протянула Меркурьеву руку, как для поцелуя. Он подошел и осторожно ее пожал, удивившись перстню. На безымянном пальце у девицы было диковинное кольцо с огромным зеленым камнем. – А что вы там делаете, в Бухаре? Работаете в медресе?

– На газопроводе, – сказал Меркурьев и отступил от лестницы на безопасное расстояние. Девушка оказалась ему очень бойкой.

– Все, кто работает на газопроводе, – провозгласила девушка, – должны отдыхать в казино Монте-Карло! А интернета нету, Виктор Захарович! И Стаса тоже нет?

– Я точно не знаю, Кристиночка, но, по-моему, он катается на велосипеде.

– В такую дождину?! – ужаснулась Кристиночка. – Ну, бог ему судья. Тогда я сервер сама посмотрю. Может, его просто перезагрузить надо. А?..

– Сколько хотите, – разрешил хозяин. – Пойдемте, Василий Васильевич, провожу вас в комнату.

Узкий коридор привел их в просторную гостиную, окнами смотревшую на море. Стеклопакетные двери с чугунными запорами выходили на залитую дождем лужайку. Меркурьев подошел и посмотрел. Слева был мокрый буковый лес, о котором он так мечтал в пустыне, справа, далеко на мысу, старый маяк. Волны подкатывали к самому его подножию, выхлестывали вверх, почти до стен, отступали, собираясь с силами, и снова накатывали.

– Здесь можно выйти к морю, – сказал хозяин и подвигал чугунную задвижку. – Мы двери на зиму не запираем. Да вы не думайте! У нас тоже погода бывает прекрасная, не то что сейчас.

– Сейчас как раз прекрасно, – пробормотал Меркурьев.

Створка распахнулась, ворвался соленый и плотный ветер, отбросил легкую занавеску, растрепал волосы.

– Шу-уф, – очень близко сказала море. – Шу-уф!..

Меркурьев зажмурился.

– По пляжу променада идет, – продолжал Виктор Захарович, закрывая дверь. – Пять километров, для прогулок отличнейше!.. Мимо маяка и дальше, к поселку. Вы непременно воспользуйтесь, Василий Васильевич. Ну, здесь у нас завтраки, – хозяин распахнул дверь в следующую комнату.

Меркурьев заглянул.

Тут стояли столы, четыре или пять, все разные и потому интересные, старинные кресла, лампы с фарфоровыми пастушками и охотничьими собаками, буфет, на нем тарелки, за резными стеклами бутылки и хрусталь. На отдельном столике – кофемашина, новенькая, сверкающая, самодовольная. Меркурьеву немедленно захотелось кофе.

– Это всегда пожалуйста, – проговорил хозяин. – В смысле кофейку попить!.. Приходите в любой момент, мы за это денег не берем. А завтрак каждый день с семи до одиннадцати часов. Обед с часу до трех, а ужинаем с семи.

– То, что нужно, – одобрил Меркурьев.

– Там библиотека, вы сами заглянете. Это дело небыстрое – книги смотреть. Небольшая, но вполне приемлемая. Еще отец мой в свое время начал собирать, а я продолжил. А вам сюда. По этой лестнице на второй этаж.

«Эта» лестница оказалась деревянной, со скрипом, как положено. Истоптанные ступени были широкими, пологими, перила отполированы, начищены медные завитки.

– Нинель Федоровна старается, – заметил Виктор Захарович, когда Меркурьев сказал, что дом у него превосходный. – Ее усилиями и молитвами держимся. Она здесь всем хозяйством управляет, никому спуска не дает!.. Если б не она, давно бы дом развалился.

Меркурьев не понял, всерьез говорит хозяин или нет.

В коридоре на втором этаже было всего три или четыре двери. Виктор Захарович отпер ближайшую, пропустил Меркурьева вперед, зашел и поставил сумку.

Василий Васильевич тоже скинул с плеча надоевшую ношу, вошел и огляделся.

Комната оказалась большой – ничего подобного гость не ожидал. Одним окном она смотрела на лес, а двумя другими – на море. На море выходила и балконная дверь. Пол был деревянный, ничем не застланный, только небольшой коврик перед камином.

– Если совсем похолодает, затопим, – сказал про камин Виктор Захарович. – Вот здесь рукоятка, видите? Это заслонка. На себя – открыть, от себя – закрыть. Если замерзнете, закроете. Дует из него, из камина, сильно. Так раньше строили!..

Меркурьев кивнул.

– Ну, располагайтесь, располагайтесь!.. Народу у нас немного, живем мы дружно, я вас со всеми познакомлю.

Должно быть, Василий Васильевич слегка дрогнул лицом, потому что хозяин засмеялся и похлопал его по плечу.

– Живем, – повторил он, – но друг дружке стараемся не мешать! Вот только сейчас спиритические сеансы практикуем, а так...

– Что такое?..

Хозяин махнул рукой.

– Сами все увидите. Велосипеды, если хотите кататься, в подвале. Скажете, я достану. Отдыхайте.

Вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Василий Васильевич прислушался.

Ничего не было слышно за толстыми стенами старого дома, да и море шумело прямо за окном – шу-уф! Шу-уф!..

Первым делом он в разные стороны отдернул шторы – сразу стало светлее, – открыл дверь на балкон и вышел.

Дождь перешел в мелкую морось, и непонятно было, сыплется эта морось с небес или летит от волн. Ветер немного улегся, и буковый лес шелестел спокойно, легко. Внизу по деревянным доскам настила кто-то шел – в длинном плаще и островерхом капюшоне, Меркурьев подумал рассеянно: должно быть, монах из близлежащего монастыря отправился на пристань встречать рыбацкую лодку. Или таможенную!.. Может, настоятель велел передать письмо для епископа.

И засмеялся с удовольствием.

Монах, епископ, таможенная лодка под дождем, ныряющая носом в волну, – все это так легко и приятно придумывать в старом немецком доме на взморье!

Какие же тут еще гости, о которых Виктор Захарович сказал, что они – дружные?.. Кто еще здесь наслаждается холодом и ненастьем?..

Островерхая тень исчезла из виду, и снова никого.

Нужно будет непременно сходить на маяк. И в лес!.. Наверняка в траве и опавших листьях еще можно разыскать увесистые, крепкие осенние грибы!..

Обеими руками он стряхнул влагу с волос, зашел в комнату и плюхнулся в кресло. Дверь на балкон закрывать не стал, с наслаждением вытянул ноги, одну о другую стащил кроссовки, повозился немного и закрыл глаза.

Перелеты всегда давались ему с трудом. Спать в самолетах он не мог, сильно уставал, мечтал побыстрее добраться.

На паспортном контроле в Бухаре он проторчал часа полтора – среди полосатых тюков, ящиков, заматанных пленкой баулов и громогласных людей, обливающихся потом. Дети и женщины в отдельной очереди – как положено на Востоке – кричали и гомонили, мужчин из его очереди всех пропустили, а Меркурьев застрял. Он всегда застревал на этом проклятом контроле!.. Усатый пограничник сначала в одиночку, а потом, призвав на помощь сотоварищей, все что-то искал в его ноутбуке, телефоне, паспорте.

– Запрещенное возьмешь? – спрашивал по очереди каждый из стражей, Меркурьев честно отвечал, что ничего запрещенного у него нет, но они не отвязались, пока не открыли и не просмотрели все папки, все файлы с фотографиями и даже книжку Богомолова «Момент истины», скачанную из интернета.

Почему-то книжку смотрели особенно тщательно, чуть не каждую страницу.

Меркурьев знал, что ищут они «порнографию» – сколько раз он летал, столько раз искали!..

От поисков «порнографии» Василий Васильевич совершенно изнемог, но на борту все равно не спал. Попутчики, объединившись с женщинами и детьми, шумели и кричали по-узбекски, хохотали и переговаривались из одного конца салона в другой.

Потом переезд из Внукова в Шереметьево, снова самолет, и вот наконец можно открыть дверь в осень, вытянуть ноги, дремать, никуда не спешить и ни о чем не думать.

Ветер теребил штору, тихонько позвякивали деревянные кольца, море вздыхало, и время от времени шелестели деревья.

Хорошо бы накрыться. На диване лежало свернутое лоскутное одеяло, совершенно здесь неуместное, но Меркурьеву было лень вставать.

Кажется, он заснул и проснулся оттого, что кто-то разговаривал совсем близко.

– ...чем меньше, тем лучше, – сердито говорил один. – А они все прибывают!

– Никакой разницы, – возражал второй. – Наоборот, чем их больше, тем удобней! Нам удобней! Никто не должен догадаться.

– Кольцо нужно забрать сразу. Чтоб его не было, и все тут.

– Кольцо заберем. Это я сам сделаю. Поручать никому не буду.

Меркурьев открыл глаза. Ему вдруг показалось, что разговаривают у него в комнате.

Что за ерунда? Никого здесь нет и быть не может.

Сумерки сгустились, окна и распахнутая балконная дверь светлели в предвечерней мгле, будто немного светились.

– Времени мало, – продолжал сердиться первый голос. – А тут и кольцо, и... все остальное! А отсчет уже начался.

– Успеем, – говорил второй. – Вот увидишь.

Меркурьев приподнялся и огляделся с изумлением.

Ну нет никого! Кто здесь может быть?!.

Он встал, нашарил кроссовки и вышел на балкон.

На улице было светлей, чем в комнате, и море почти успокоилось, на нем лежал ровный жемчужный свет. Лес, наоборот, потемнел и надвинулся. Меркурьеву показалось, что в глубине, за деревьями, возится и двигается что-то большое.

По брусчатке со стороны моря поднимался человек. Он вел велосипед и, заметив на балконе Меркурьева, приостановился, поздоровался и прошел дальше, к дому.

– Добрый вечер, – сказал с балкона Василий Васильевич.

А что еще сказать-то?.. Это не вы тут сейчас разговаривали о делах?

Он постоял немного, вернулся в комнату, задернул штору, но дверь закрывать не стал – пусть пахнет дождем и морем!.. Сумки, набитые вещами, стояли одна под дверью, другая возле столика, но Василию Васильевичу скучно было думать о вещах.

Обустроиваться – раскладывать барахло, вытаскивать зарядники, рассовывать их по розеткам, выставлять к двери башмаки – он будет завтра.

Отпуск только начинается, сегодня даже не первый день. Отсчет начнется с завтрашнего!..

Кажется, те двое тоже говорили что-то про отсчет.

Василий Васильевич с трудом выпростал из тугого брюха сумки чистую рубаху и безразмерные полотняные штаны с карманами на всевозможных местах – очень удобная штука! –

босиком прошлепал в ванную и долго стоял под душем, отогреваясь. Он и не подозревал, что сильно замерз, пока не влез под горячую воду!..

Потом, пытаясь разглядеть себя в запотевшем зеркале, прикинул, бриться или не бриться. По-хорошему, стоило бы, тем более... девушка Кристина, будущий историк из Калининграда, присутствует!.. Но лень страшно!..

С одной стороны – будущий историк, с другой – лень. И что делать?

Меркурьев решил ничего не делать.

Не буду бриться. Отсчет начинается с завтрашнего дня.

Он сунул босые ноги в кроссовки – холодные и слегка влажные внутри, – и это доставило ему удовольствие.

В пустыне никто не ходит на босу ногу. В пустыне надевают длинные носки и еще заправляют штаны в высокие ботинки, завязывают их и зашнуровывают!.. В пустыне в самую жару сидят в брезентовых куртках и панамах с жесткими полями, непременно прикрывающими шею. Местные умеют наматывать платки и тряпки и так защищаются от зноя, а приезжие европейцы изнемогают, истекают потом, безостановочно пьют воду, и все равно ничего не помогает. Сохнет во рту, сохнут глаза, в уши и в нос набивается мелкий песок и потом долго, месяцами, не вымывается. Меркурьев пробовал принимать какие-то американские таблетки, которые продавали контрабандисты. Таблетки эти вроде бы выдавали морским пехотинцам, воюющим на Ближнем Востоке, для «восстановления водно-солевого баланса», но «баланс» и от таблеток не восстанавливался.

Э-эх, я же в отпуске!.. И мои окна выходят на море, в комнате темно и влажно, блестит под балконом в свете фонарей мокрая брусчатка, что может быть лучше!..

Василий Васильевич пригладил волосы, торчавшие в разные стороны, и, прихорошившись таким образом, вышел в коридор.

Снизу слышалось звяканье посуды и тянуло запахом вкусной еды.

Оказывается, есть хочется!.. И уже давно хочется!.. Что там Виктор Захарович говорил про кофе? Может, выпить до ужина, чтобы с голоду не перекинуться?..

– Вы кто? – спросили из угла.

Меркурьев вздрогнул от неожиданности.

Темнота в углу коридора, куда не доставал свет торшеров, зашевелилась, и из нее выступила темная фигура.

– Вы не из наших, – продолжала фигура, не приближаясь. – Зачем вы приехали?

Василий Васильевич слегка откашлялся.

– Добрый вечер, – сказал он громко.

– Здесь скоро начнутся серьезные события, – продолжала фигура. – Вы хотите быть свидетелем?..

– Я поужинать хочу, – признался Василий Васильевич. – Разрешите представиться, Меркурьев. Инженер.

Фигура колыхнулась, темное пятно поплыло ему навстречу.

– Антипия, – произнесла фигура.

– Где? – не понял инженер Меркурьев.

– Перед вами. Антипия – это я. Заклинательница потусторонних сил. Духовная дочь учителя Сантаны, последовательница Пуришты.

– М-м-м, – промычал Василий Васильевич, не зная, как нужно приветствовать последовательниц Пуришты и духовных дочерей Сантаны. – Я рад...

Она выступила на свет и оказалась молодой женщиной, облаченной в яркие шелка. На лбу у нее, разумеется, была точка. Меркурьев посмотрел на точку, перевел взгляд и опять посмотрел, не удержался.

– Вы приглашены на шабаш?

- Нет, – быстро сказал Меркурьев. – Я вообще-то в отпуске.
– Здесь?! – поразились духовная дочь Сантаны. – Вот в этом месте?
– Я пойду? – полувопросительно сказал Василий Васильевич. – Поужинаю?
И, не дожидаясь ответа, скатился по ступеням.

Может, она уедет, подумал он жалобно. Может, шабаш назначен на завтра, а послезавтра ее уже здесь не будет?.. А завтра я гулять пойду – с самого утра и до самого вечера.

А вдруг их тут... много? Духовных дочерей и сынов самого Сантаны?! Вдруг у них тут гнездо? И шабаш будет происходить в гостиной? Тогда придется искать, куда уехать, и уезжать, а не хочется!.. Меркурьев здесь уже прижился – всего за несколько часов, и ему радостно было, что дом соответствует его настроению и желаниям!..

Из ярко освещенной гостиной слышались голоса, и Василий Васильевич, воровато оглянувшись на лестницу и убедившись, что погони нет, направился туда.

Как только он вошел, все оглянулись, и хозяин воскликнул с излишним энтузиазмом:

– Ну наконец-то! Заждались, заждались. Разрешите представить, Василий Васильевич из Бухары. Сегодня приехал.

– Василий Васильевич – хорошее узбекское имя, – сказала молодая дама в обтягивающих джинсах и с распущенными черными волосами. – Главное, запомнить легко.

Меркурьев обвел взглядом общество.

Кристина, разложив на старинном столе пластмассовые штуки, что-то делала с телефоном, то ли ломала, то ли чинила. Молодой человек с окладистой ухоженной бородой сидел в кресле нога на ногу и смотрел, как она чинит или ломает. Черноволосая и обтянутая пила из высокого бокала какой-то коктейль и усмехалась довольно язвительно. Меркурьев понял, что усмехается она на его счет.

– Ну-с, с Кристиной вы знакомы!.. – бодро продолжал Виктор Захарович. Кристина мелко улыбнулась, не выпуская из рук пластмассок. – Софья, – он показал на брюнетку, – из Москвы, у нас впервые, как и вы, Василий Васильевич. Стас тоже из Москвы, занимается компьютерами, наш постоянный гость.

Бородатый весело пожал плечами, как будто сознавая в том, что это странно, конечно, но – да, он постоянный гость.

– Занимается компьютерами, а роутер то и дело висит, – пробормотала Кристина. – В Сеть не выйдешь.

– Нужно вместо воздушки нормальную линию тянуть, – сказал бородатый. – Я Виктору Захаровичу уже десять раз говорил.

– И как оно там, в Бухаре? – спросила черноволосая Софья у Меркурьева. – Абрикосов много?

– Абрикосов много и жарко, – согласился Василий Васильевич. – А где дают то, что вы пьете? Я тоже хочу.

– В буфете! – вскричал Виктор Захарович. – Вот я, голова садовая, даже не предложил!

Василий Васильевич был торжественно и со всяческими извинениями препровожден к буфету, где из множества бутылок можно было выбрать любую и налить из нее. Всевозможные бокалы, фужеры, стаканы и рюмки стояли тут же.

Меркурьев прикинул, чего ему хочется, и вышло, что хочется джина с тоником. В настольном холодильнике были наставлены всякие банки и бутылочки, и тоник среди них нашелся. И лимон был приготовлен, и лед в запотевшем ведерке-термосе.

Таксист сказал про это место – дыра или глухомань, как-то так. Но на дыру вовсе не было похоже!..

Сейчас, когда горел свет и были задернуты шторы, гостиная казалась самым уютным местом на Земле. Цветы в старинных вазах, вышитые салфетки, диван с подушками – все очень мило, но ничего лишнего. Ни нагромождения пыльных безделушек, бессовестно выдающих

себя за украшение интерьера, ни полиэстеровых ковров, прикидывающихся натуральными, ни дерматиновых кресел «под кожу».

Меркурьеву здесь нравилось.

Ему даже стаканы в буфете нравились, и он с удовольствием думал о том, что не ошибся с выбором, что Виктор Захарович большой молодец и хорошо бы еще заклинательница потусторонних сил побыстрее выехала на шабаш и больше не возвращалась.

– У нас тут скучновато, ничего не скажешь, – говорил в гостиной Виктор Захарович Меркурьев, наливая джин, прислушивался. – Специфическое место. Но у каждого свой вкус.

– У меня дело, – объявила Кристина. – Я не просто так приехала. Мне летом диплом писать, а тут рядом форт и замок семнадцатого века! У меня тема как раз «Прусская культура семнадцатого-восемнадцатого веков». Я фотографий поднаберу. Может, с краеведами повстречаюсь. Тут муж и жена Туссен работают. Говорят, они еще из тех немцев, ну, которые настоящие, после войны остались.

– А мне ничего не нужно, – сказал бородатый Стас. – Только на велосипеде кататься и на диване лежать. У меня в Москве работа ответственная, а здесь я отдохнуть хочу!..

Меркурьев сделал глоток – вкусно! – и со стаканом в руке вернулся в гостиную.

– Если заскучаю, сразу уеду, – мельком оглянувшись на него, промолвила Софья. – Я никогда не бываю в таких местах!.. Вот первый вопрос, который нужно себе задать, когда в отпуск собираешься: что там делать? И если ответа нет, ехать не стоит. А у вас, дорогой Виктор Захарович, делать, прямо скажем, совсем нечего.

Хозяин картинно развел руками.

– На вкус и цвет, как говорится! Летом у нас не протолкнуться, любители морских купаний и прогулок приезжают и живут подолгу. Море в двух шагах, вокруг ни души, лес и ручей. Тишина опять же!.. Кто веселье любит, а кто тишину, спокойствие.

– Вы что любите? – неожиданно перебила его Софья, обращаясь к Меркурьеву. – Тишину или веселье?

– Веселюсь я на работе, – сказал Меркурьев. – У нас совместный проект с китайцами. Сплошное веселье.

– А что? – заинтересовался Стас.

Василий Васильевич пожал плечами:

– Народ они... своеобразный. И язык у них своеобразный. Там, где разговаривают трое китайцев, находиться невозможно!.. А где десять, вообще!..

– Древняя раса, – заметила Кристина. – Язык тоже древний, тоновый. Нашему уху кажется, что они все время общаются на повышенных тонах, а это совсем не так. Просто особенность такая.

– Нашему уху кажется, что они вот-вот подерутся, – подтвердил Меркурьев и подсел к ней. – Что это такое? Что вы делаете?

– Починяю Виктору Захаровичу телефон, – Кристина снова принялась за свои пластмасски. – У него все время аккумулятор вываливается.

Она соединяла какие-то части, которые то и дело снова разваливались. На левой руке у нее был все тот же перстень – огромный зеленый глаз. У Меркурьева он почему-то вызывал тревогу.

– Выбросить надо телефон вместе с аккумулятором, – высказался Стас. – Я Виктору Захаровичу сто раз говорил. Ты все равно его не починишь, Крис.

– Если телефон произвели китайцы, – сказал Василий Васильевич и поставил стакан сджином на стол, – точно не почините.

– Почему это?!

– Можно я взгляну? Потому что у них все одноразовое, у китайцев. Телефоны одноразовые, ботинки одноразовые, машины и то одноразовые. Починке не подлежат.

– В двадцать первом веке живем, – протянула Софья, пристраиваясь на диван, – и все про какую-то починку разговоры ведем! Уж в новом тысячелетии, наверное, можно со старьем не возиться?! Выбросить его на помойку, а новое купить.

Меркурьев прикладывал друг к другу пластмасски и мельком взглянул на Софью.

– Пробросаемся, – сказал он, – если продолжим выбрасывать.

– В каком смысле?!

– Так ведь мир в тупик зашел, – объяснил Василий Васильевич. Он много раз об этом думал. – Ничего не делается надолго, с гарантией. Все, что приходит в негодность, немедленно выбрасывается! Где разместить свалки, чтобы они вмещали все выброшенное? Где взять ресурсы на новое? Землю, воду, лес, железную руду?.. Мне на день рождения подарили дрель, – тут Меркурьев подумал и добавил: – китайского производства. При первой попытке просверлить дырку дрель сломалась. Я даже подумал, что она нужна, должно быть, не для того, чтобы дырки сверлить, а чтобы она была. Просто у меня есть дрель, а сверлить ею необязательно! Я попытался ее починить, но она так устроена, что из-за пустяка – привод полетел – починить ее нельзя, только выбросить. Весь механизм выбросить, с мотором, со всем металлом, из которого она сделана!..

– Чистую правду говорите, – поддержал его Виктор Захарович. – Как хозяин подтверждаю!

– Мы в наших установках целые секции вырезаем, потому что клапаны летят, но поменять их нельзя, и все тут!.. Выбрасывай весь блок! И так везде. Это называется – стимуляция спроса. Чем больше выбрасывают, тем больше покупают, следовательно, больше производят.

– Скучота какая! – зевнула Софья.

– Есть клей? – спросил Меркурьев у хозяина. – Любой! Сейчас вот сюда капнем, и какое-то время продержится.

– Спасибо, Василий Васильевич!..

– А вы прям разбираетесь, да? Во всех этих штуках?

Меркурьев допил джин, посмотрел в стакан и подумал, что еще хочет. Надо налить.

– Руками умеете работать? Гайки крутить? – Софья непонятно улыбалась.

– Умею, – признался Меркурьев. – И люблю.

– Я-ясненько, – протянула она. – Вы модель прошлого – человек ухватистый. Эта модель была в моде, когда считалось, что работать руками не только полезно, но и необходимо. Женщина должна была уметь шить и вязать, а мужчина ремонтировать машину и менять раковину!.. Сейчас это смешно!

Виктор Захарович сбоку взглянул на нее и спросил осторожно:

– Отчего же... смешно?

– Ну, глупо! – пожала плечами Софья. – Ну кому может понадобится то, что шито своими руками?! Или кому придет в голову раковину менять?! Ну, сами-то подумайте! Для этого есть отдельные люди, специалисты, они все за вас сделают.

– Где взять клей? – спросил Меркурьев, которому надоел этот разговор.

Виктор Захарович радостно сказал, что в мастерской, он сейчас принесет, Меркурьев возразил, что лучше сам сходит, и они ушли вместе.

– Нет, вообще он прав, – задумчиво сказала Кристина. – Починить на самом деле ничего нельзя.

Софья махнула рукой.

– Ну и что?.. Это все такая ерунда, подумаешь! Просто он хочет, чтоб его считали умным.

– Кто считал? Мы?! – удивилась Кристина, и Софья покровительственно ей улыбнулась.

– Вы еще девчушка совсем, – и Софья сделала некое движение, словно намеревалась потрепать студентку по щечке, но в последний момент передумала. – Многого не знаете. Осо-

бенно про мужчин. А мужчина от всех остальных разумных существ отличается тем, что должен постоянно производить впечатление!

– Это от каких же – остальных разумных? – осведомился Стас лениво. – Ну, женщины, допустим, тоже разумные! Заметьте, я сказал – допустим! А остальные кто?

Софья махнула на него рукой.

– Я недавно прочитала в интернете, что на десять женщин приходится девять мужчин, это научный факт! Из этих девяти трое вполне пригодные в жизни особи, трое страдают интимофобией, и оставшиеся трое непременно алкоголики или еще что... похуже. Так вот эти три особи, которые нормальные, имеют огромный выбор – аж из девяти женщин!

Кристина вздохнула. Ей не нравились рассуждения Софьи, а с Меркурьевым было интересно...

– И на всех нас, на всех, они хотят произвести впечатление! Мы-то, девушки, все подходящие! Вот они и стараются кто во что горазд – кто умного из себя строит, как этот... инженер. Кто красоту наводит, – и она неожиданно подмигнула Стасу, – а некоторые на деньги упор делают. Когда у мужика денег много, он уверен, что может все купить! Не то что гарем, планету Марс! Если ему охота, конечно.

– Планета Марс не продается, – проинформировал Стас, которого слегка задело замечание о наведении красоты.

– Да я не об этом.

Кристина посмотрела на дверь. Что это Виктор Захарович с инженером не возвращаются?..

Ей хорошо и весело жилось в доме на взморье, и все нравились – и старик-хозяин, и ухоженный Стас, и вновь прибывший гость понравился тоже. После Софьиных рассуждений она стала думать... в другую сторону, и эта сторона была ей... неприятна.

Бородатый компьютерщик – симпатичный, но – права столичная штучка – никого не замечает, занимается только собой. Со вчерашнего дня в третий раз меняет наряды и то и дело рассматривает в зеркале собственную бороду. Должно быть, борода была недавним приобретением, и Стас к ней еще не привык – как к любой новой вещи!.. Впрочем, мужчины сейчас почти все такие.

Инженер не такой. Во-первых, без бороды. Во-вторых, одет так, что сразу ясно – в зеркало на себя он не смотрит никогда. В-третьих, не пацан, каких у нее на курсе полно, и не старик, лет около сорока, наверное. И приятный!.. Высокий, поджарый, словно на солнце подсушенный, руки красивые – Кристина смотрела на его руки, когда он ремонтировал телефон. И рассуждает интересно!.. И непохоже, что хвост распустил! Или... распустил, а Кристина просто не догадалась?.. Софья вот сразу догадалась, а она нет?..

– Не расстраивайся, – лукаво сказала Софья, наблюдавшая за девчонкой, – все мужики одним миром мазаны и все сволочи.

– Я думаю вовсе не о мужиках, – резко ответила Кристина. – А об ужине!

– Ну конечно, – окончательно развеселилась Софья.

Она внимательно наблюдала и запоминала каждую мелочь. У нее была тренированная память на мелочи и годами выработанная привычка. Впрочем, здесь, в прибалтийской осенней глуши, наблюдать было несложно – на нее никто не обращал внимания, и люди были простыми и понятными, вон как студентка! Испортить ей настроение ничего не стоит, и Софья даже немного раскаивалась, что испортила. Впрочем, она еще не составила о студентке окончательного мнения, следовательно, нужно продолжать наблюдение, не отвлекаясь на ненужные эмоции.

Не обращать внимания на эмоции, давить и душить их в себе Софья умела с детства.

Пожалуй, пока только хозяин был ей понятен, словно она знала его давным-давно. Знала и ненавидела. Душить эту ненависть не было необходимости, она была холодной и липкой,

как забытый на балконе обойный клей. Если все пойдет как запланировано, она вышвырнет ненависть из сознания – поддаст ногой ведро, и оно – тю! – улетит с балкона!

Вернулись хозяин с инженером, очень довольные друг другом. Меркурьев поискал глазами свой стакан, обрадовался, увидев его, и отправился за новой порцией джина.

Виктор Захарович рассматривал телефон, цокал языком и утверждал, что крышка держится как влитая.

– Вы пока подождите, – сказал Меркурьев, появляясь. – Минут двадцать его не трогайте.

Подошел к двери, откинул штору и потянул чугунную рукоятку.

– Шу-уф, – сказала невидимое в темноте море, – шу-уф!..

Василий Васильевич вышел на каменную террасу, вдохнул полной грудью и посмотрел вверх. Темное небо проглядывало сквозь рваные облака, и даже звезду удалось разглядеть в облачном промельке. Василий Васильевич улыбнулся звезде.

Он был не сентиментален, но тут улыбнулся – соскучился. В Бухаре звезды были яркие, крупные, близкие, будто нарисованные на театральной декорации, изображающей небо. А тут крохотные, едва заметные, дрожащие – свои.

– Вам здесь нравится?

Он оглянулся. Черноволосая Софья стояла справа, облокотившись о балюстраду террасы, и рассматривала его с каким-то, как ему показалось, практическим интересом.

– Нет, просто интересно, – продолжала она, потому что он медлил с ответом. – Здесь же ничего нет! Или у вас тут дама сердца? И вы явились на свидание?

– Я в отпуск.

– И прямо весь отпуск здесь просидите?! Выдержки хватит?

– Я закаленный, – признался Меркурьев. – Могу выдержать многое.

– В той стороне маяк. – Софья показала бокалом в темноту. – Такое романтическое место!

– Да?

Он должен пригласить ее на романтическую прогулку к маяку, а не спрашивать «да» или «нет»! Почему не приглашает?

– К столу! – позвал из дома Виктор Захарович. – Семь часов, время ужина!..

– Пойдемте? – предложил Меркурьев. – Очень есть хочется.

Софья рассердилась и сказала, что она еще «подышит», а этот мужлан неотесанный ушел в дом!.. Перспектива кормежки пересилила романтический интерес.

В столовой гостей встречала озабоченная женщина в темном платье и крохотном кружевном передничке. Василия Васильевича поразило, что на руках у нее были белые шелковые перчатки.

– Наша белочка-хлопотунья, наша хозяйка, наш оберег, наш домашний гений Нинель Федоровна, – и Виктор Захарович поклонился женщине, очень церемонно.

Меркурьев решил, что у них, должно быть, так принято, и на всякий случай тоже поклонился.

– Будет тебе, Виктор Захарович. Проходите и занимайте любой стол, молодой человек. Только вот тот, большой, абонирован.

Виктор Захарович изменился в лице.

– Сегодня? – спросил он, и голос у него дрогнул.

Женщина горестно кивнула и заторопилась:

– Проходите, проходите!.. Мы готовим всего по две-три закуски и несколько горячих блюд, но у нас очень вкусно! Вот карточка, посмотрите, чего вам хочется!

Это действительно была карточка, а никакое не меню – вложенный в фигурного тиснения картон листок тонкой хрусткой бумаги. На листке каллиграфическим почерком выведены названия кушаний.

Меркурьев прочитал все названия и сглотнул голодную слюну.

Гости разместились в столовой следующим образом: к Кристине подсел Стас, Софья устроилась в одиночестве, а потом в дверях зашелестело, появились разноцветные блики, словно провернулся калейдоскоп с цветными стеклышками, и показалась Антипия.

– Приветствую вас, собравшиеся к трапезе, – провозгласила она грудным голосом.

Все смотрели, как она идет к своему столу – разноцветные шелка развевались, высывался острый носок персидской туфли, расшитой жемчугами и камнями, летел шлейф. В столовой отчетливо запахло благовониями.

– Мне лапшу с утиной ножкой, – сказал Меркурьев домоправительнице, тоже провожавшей глазами вещунью. – И печень по-берлински с картошкой.

– С пюре, – поправила та, моментально отвлекаясь от сказочного видения. – А на закуску? Не отказывайтесь, попробуйте всего! У нас два повара, мальчик и девочка. Специально из Калининграда ездят по очереди, в училище обучаются, отличники!..

Василий Васильевич развеселился.

– Тогда салат с раковыми шейками, – решил он. – Раз уж отличники!..

– Сейчас все, все подадим!..

Из кухонной двери показался официант, тоже совсем мальчишка, и стал обходить гостей.

– Сегодня, – на всю комнату объявила вещунья, – нас посетит дух Иммануила Канта. Мне было видение.

– Вы не обращайтесь внимания, Василий Васильевич, – прошептал, усаживаясь рядом, хозяин. – Она смиренная! Так, взбредает что-нибудь в голову! Но мы подыгрываем, чтоб уж она на нас не сердилась.

– Вы?

Хозяин вздохнул:

– Я и... все гости. И потом – это забавно! Я вот раньше никогда с духами не общался.

Меркурьев взглянул на хозяина.

– Да не подумайте ничего такого, боже сохрани!.. Это же сейчас модно – гадания разные, духи, экстрасенсы. Вон у них, у магов, даже специальная конференция проходит в Светлогорске. Телевидение приехало, журналисты со всей России. И наша... – Виктор Захарович кивнул в сторону Антипии, – тоже участвует. Она признанный маг и... как бишь... забыл...

– Колдун, – подсказал Меркурьев.

– Да не-ет!..

– Вампир.

– Да ну-у-у!..

– Ведьмак.

– Медиум! – выговорил Виктор Захарович. – Что вы меня сбиваете?! Она маг и медиум! Разговаривает с духами.

– О чем? – поинтересовался инженер.

– Да вы сами все сможете увидеть! – пообещал хозяин с энтузиазмом. – Прямо сегодня! Сеансы у нас в гостиной проходят. Мы там свет гасим, шторы закрываем, достигаем необходимой обстановки.

– Ну, за вас и за духов, – сказал Меркурьев и одним глотком допил оставшийся в стакане джин.

Он как раз доедал салат с раковыми шейками, оказавшийся превосходным, когда произошло неожиданное событие.

Антипия вдруг уронила ложку, которой ковыряла в стакане с чем-то зеленым, вскинула голову, замерла, а потом медленно подняла обе руки к вискам и сдавила голову.

– Он уже здесь, – выговорила она громко.

Меркурьев, заинтересовавшись, перестал жевать и посмотрел на Виктора Захаровича.

– Кто это здесь? – спросил он одними губами. – Дух Канта явился раньше времени?

– Нет, нет, – озабоченно ответил хозяин. – Тут что-то другое.

И поспешно поднялся.

– Он грядет, – продолжала Антипия. – Я слышу шаги. Я вижу тени. Голоса! Сейчас грянут голоса!..

В полной тишине прошла секунда, другая...

– Ну, доброго всем вечера, – грянуло в дверях так, что Василий Васильевич вздрогнул. – А я думаю, чего это нас никто не встречает?! А в тюряге ужин по расписанию!..

Два мужика, поразительно похожие друг на друга, в абсолютно одинаковых костюмах и галстуках, ввалились в столовую, где моментально стало тесно и нечем дышать.

– А где хозяин-то?

– Приветствую! – Виктор Захарович пошел им навстречу, вид у него был растерянный. – Как раз к столу.

– Постоловаться мы всегда рады, – прохрюкал один из мужиков.

Они и впрямь были похожи на свиней – откормленные, гладкие, слегка щетинистые. Выразительные пяточки и закрученные хвосты.

– Добро пожаловать, Александр Федорович!

– Да ладно тебе, отец, – окончательно развеселился свин. – Очки протри! Федорыч – это он, а я Николаич!.. Иван Николаич я!

– Проходите, мы гостям всегда рады!..

– Да какие же мы гости, отец! Мы, считай, уже хозяева, а?! – И свины вновь радостно захрюкали.

Меркурьев принялся хлебать лапшу. Она была огненная, золотистая, из прозрачного бульона в звездочках навара выглядывала бодрая утиная нога.

Его решительно уж точно, уж никак не могло касаться происходящее, но любопытство, отчего-то смешанное с беспокойством, разбирало. Против воли он то и дело оглядывался на высокие двери, за которые Виктор Захарович увлек вновь прибывших. Оттуда раздавались непривычно громкие голоса – куда там китайцам!..

– ...Поужинаем, пока все горячее, а завтра за дела.

– ...Нам рассиживаться некогда, отец, чего тянуть, когда дело, считай, сделано!.. Да не дрейфь, Захарыч, держи хвост пистолетом! Мы тебя не обидим!

– Нет, нет, поужинаем сначала.

– Да че ты заладил-то? Мы уже в приличном месте поужинали!..

– Пришла беда, – сказала, принимая у Меркурьева тарелку, Нинель Федоровна. Лицо у нее потемнело, постарело. – Я все не верила...

– Что такое?

– Продает дом наш Виктор Захарович, – выговорила домоправительница и вся перекосилась. Видно, сдерживаться ей было нелегко. – Совсем продает, окончательно.

– Зачем?

Глаза у Нинели налились слезами, и одна все же пролилась, капнула в тарелку.

– Не справляется, – с сердцем сказала она. – Никак не справляется. Говорит, стар стал, сил нет. Мы все ему помогаем, как можем, а он... Видите? Продает. И кому! Этим!..

В тарелку капнула еще одна слеза.

Меркурьев молчал, не зная, что сказать.

– Вы меня извините, – спохватилась Нинель Федоровна. – Что-то я... раскисла. Вы тут ни при чем, вы отдыхать приехали!.. Сейчас горячее подам.

Василий Васильевич проводил ее глазами.

Вот тебе на!.. Похожий на английского помещика хозяин продает такой славный, так хорошо устроенный дом на взморье! А Василий Васильевич уже надумал, как через год приедет

вновь – в таком же дождливом ноябре, и встретится с домом и с хозяином, как со старыми знакомыми!..

Нельзя ни на что рассчитывать всерьез, когда-то учила его бабушка. Ко всем своим планам и мечтаниям нужно прибавлять: как бог даст.

Не даст, и ничего не будет.

– Случится страшное, – возвестила Антипия. – Очень скоро.

– Да бросьте вы дурака валять, – сказал Стас с досадой.

– И так аппетит испортили, – поддержала его Софья. – А кухня тут почти как в Москве!.. Вызовите лучше дух этого вашего и спросите, когда их черт унесет! Так орут, аж голова заболела.

– Канта, – подсказал Стас.

– Да хоть кого! – возмутилась Софья. – Лишь бы эти убрались.

– А я и не знала, что дом продается, – сказала Кристина. – Мне Виктор Захарович ничего не говорил.

– Да мы-то все тут при чем? – удивился Стас. – Мы приехали и уехали, какое наше дело?!

Он прошагал к буфету, нажал кнопку на кофемашине, которая сразу ожила, замигала, заворчала, настраиваясь на работу.

– Мы спросим, – пообещала вещунья так же громко. – Мы спросим, что нас ждет. И может быть, нам расскажут...

По комнате поплыл острый и свежий запах кофе.

Василий Васильевич расправился с печенью по-берлински, подумал и попросил еще малиновый мильфей.

Не может быть ничего лучше холодного малинового торта с горячим кофе. Особенно вечером в ноябре, когда на улице идет дождь.

Но почему-то мысль про дождь, ноябрь и кофе показалась ему не такой радужной, как всего час назад.

Собственно, за этот час ничего не изменилось!.. До того, как Виктор Захарович продаст дом, Меркурьев успеет десять раз уехать в Бухару.

Тогда в чем дело?..

Громкие голоса заговорили еще громче, и нужно было делать над собой усилие, чтобы не слушать каждое слово.

– Пойдемте в гостиную, – предложила Софья и поднялась. – Если все поужинали. Так невозможно!..

Меркурьев в гостиную не пошел.

Он забрал свой мильфей и кофе, темным коридором вышел к чугунной лестнице и устроился в кресле возле круглого столика с книгой, так и лежавшей страницами вниз.

Здесь было тихо, темно и пахло дождем, цветами и немного углем, должно быть, из пасти камина.

Василий Васильевич сделал глоток, зажмурился и откинулся на спинку кресла.

Если бы у него был такой дом, он ни за что бы его не продал. Так и жил бы здесь постоянно. Нет, постоянно не выйдет, на такой дом нужно зарабатывать. Он зарабатывал бы, а дом его ждал. А потом он приезжал бы и жил.

– Да ладно тебе, – сказали в темноте, очень близко. Меркурьев сел прямо и оглянулся. – Все уже готово.

– Готово, не готово, – раздраженно отозвался второй голос. – А если все пойдет не так?!

– Что тут может не так пойти?!

– Да что угодно. Вдруг старик не справится?.. А если он упустит?

– Ничего он не упустит.

Голосов Меркурьев не узнавал. Впрочем, он был уверен, что говорят жизнерадостные покупатели дома. Только... где они?.. За поворотом коридора? Или забрались в камин?!

– Давай, давай, – поторопил один из говоривших. – Времени мало!

Василий Васильевич вспомнил разговор, который он слышал из своей комнаты. Тогда речь тоже шла о времени, о том, что его мало! Но в тот момент в доме еще не было ни Александра Федоровича, ни Ивана Николаевича!..

У Меркурьева была прекрасная память на имена.

Одним глотком он допил кофе, встал и огляделся по сторонам. Никого и ничего. В глубине длинного коридора теплится желтый свет из гостиной, по всей видимости, там готовятся к спиритическому сеансу и визиту духа Иммануила Канта. В высокое и узкое готическое окно заглядывает луна – небо поднялось и очистилось, видно, идут холода.

Василий Васильевич, осторожно ступая, подошел к входной двери и потянул. Она отворилась – неожиданно легко.

Он вдохнул холодный воздух, прикрыл дверь и немного постоял, прислушиваясь.

Никого.

Где могли прятаться те двое, голоса которых он слышал так отчетливо? Не в камине же на самом деле!..

Он взялся за перила чугунной лестницы, задрал голову и посмотрел вверх. Ничего не было видно, только терялись во мраке затейливые литые перила. Должно быть, на втором этаже тоже горит свет, но отсюда, снизу, его не видно.

Василий Васильевич двинулся по коридору к гостиной.

Позади него что-то звякнуло, и тихий звук разорвался у него в ушах как удар грома. Он замер. Потом молниеносно оглянулся.

Никого.

Меркурьев немного постоял, не шевелясь и прислушиваясь, потом вернулся к столику с оставленной кофейной чашкой.

Луна по-прежнему лила в узкое окно дрожащий синий свет, и море вздыхало за толстыми стенами: шу-уф, шу-уф!..

Василий Васильевич потрогал чашку – чуть теплая. Кофе из нее он допил совсем недавно. Ложка брякнула о блюдце, и он узнал звук. Именно этот звук остановил его!

Но кто мог переставить чашку у него за спиной в пустом вестибюле?!

Что-то еще тревожило его, и он никак не мог понять, что именно. Неверный лунный свет? Звуки осеннего моря?..

Внезапно ему стало страшно – одному в темноте, – так страшно, что он едва справился с собой. Больше всего ему хотелось помчаться со всех ног туда, где светло и люди, но Василий Васильевич удержался.

Громко топая – на этот раз специально! – он вернулся к входной двери и запер ее на задвижку. Чугунный штырек отчетливо клацнул.

Меркурьев решительно пошел в сторону коридора и вдруг остановился и замер.

Книга. На столе лежала книга.

Когда он впервые вошел в этот дом, сразу увидел книгу на резном старинном столике, лежавшую страницами вниз.

Только что он пил кофе и время от времени посматривал на нее!..

Василий Васильевич подошел и посмотрел еще раз.

Книга по-прежнему была на столе, но лежала страницами вверх.

– Я не брал ее в руки, – сказал Меркурьев вслух. – Точно не брал!.. И здесь никого не было!..

Голос его потерялся, пропал в дубовых панелях стен, в вышине чугунной лестницы, в провале гигантского камина.

Он еще помедлил, а потом взял книгу в руки.

Она называлась «Философия Канта» и была открыта на пятьдесят седьмой странице.

Меркурьев поднес ее к окну и с трудом разобрал:

«Итак, философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти. Его внутренняя жизнь всегда находилась в состоянии равновесия. Сам Кант полагал, что в такой спокойной, правильной жизни, проникнутой нравственным началом, и заключается счастье человеческое, и действительно, Кант был счастлив. В глазах современников Кант представлял образец мудреца, и таким же он будет в глазах грядущих поколений, вознесенный на эту высоту своими заслугами и чистотой своей жизни».

– И чистотой своей жизни, – дочитал Василий Васильевич последнюю на странице фразу.

Что получается? Как только он повернулся спиной, некто, в данную минуту невидимый, неслышимый и неизвестно куда скрывшийся, подкрался к резному столику, зачем-то взял книгу, перевернул ее и задел при этом чашку.

Чашка звякнула, Меркурьев оглянулся, человек исчез, растворился во тьме.

Какая-то ерунда получается, и больше ничего!..

Интересно, где здесь включается свет? Нужно будет спросить у Виктора Захаровича!..

Решительно захлопнув «Философию Канта», Василий Васильевич вернул ее на столик и пошел по коридору на свет.

Из гостиной выглянула студентка и, увидев его, помахала рукой:

– Идите к нам! На улице холодно, в столовой банкет, а у нас интересно!.. Идите!

Меркурьев махнул рукой в ответ и, повинувшись духу старинного романа о привидениях, охватившего его в вестибюле, приоткрыл дверь в столовую.

Там пировали.

Двое одинаковых свинов, скинув с плеч одинаковые пиджаки, одинаково чокались стаканами. Виктор Захарович притулился рядом на краешке стула, как воробей рядом с орлами-стервятниками, терзающими добычу. Казалось, стервятники вот-вот перекинутся на воробья, только доедят павшую лань!

Вместо лани на столе были наставлены бутылки, тарелки, судки, салатники, миски, чашки. Особенно поразило Василия Васильевича заливное – огромная рыбина с пучком петрушки в зубастой пасти, словно карикатура! Из середины рыбины было уже порядочно выедено.

– Давай, Захарыч, – говорил один из пирующих, – тяпнем за наши успехи! Что бы ты без нас делал, Захары-ыч?! Кому твоя развалюха нужна! А я ее покупаю!

– Пс-ст, пс-ст! – перебивал его второй. – Не ты один покупаешь, мы обое! Чего такое!

– Обое, да! Я ж и говорю!

– Какая разница, кто покупает, – Виктор Захарович махом опрокинул в себя стопку водки. – Главное, что я продаю.

– Еще бы ты не продал, голуба! Времена сейчас тяжелые, денежки-то все тю-тю, в трубу улетели! А я покупаю, наликом плачу, без дураков, без налоговиков!

– Обое мы покупаем, сказано!

– Да ладно, спокуха! Слышь, Захарыч, не дрейфь, мы тут нормальный комплексок забубеним, с банями, с номерочками на почасовой оплате, с девчонками-поскакушками!.. Поедет к нам народ, чего не поехать! Море – вот оно! В леске беседок под шашлыки наставим, пожарники все свои, не прицепится никто!

– Не, не, – вступил второй. – Ну правда, отец, чего место пропадает! Оно, может, и не нужно никому, но у тебя тут вода подведена, газ, трубы проложены, все дела! Чем сначала начинать, лучше вообще не начинать.

И гости рассмеялись.

Из кухонной двери вышла Нинель Федоровна с огромным подносом, за края которого торчали острые пики шампуров.

За столом завывли от радости и снова столкнулись стаканами.

Заметив Меркурьева, Нинель Федоровна кивнула и тихонько к нему подошла, как только утвердила шашлык в центре пиршественного стола. Она слегка подтолкнула Меркурьева в коридор, вышла следом и плотно прикрыла за собой дверь.

– Давно они закусывают? – спросил он.

Домоправительница вздохнула:

– Минут двадцать. Да как вы ушли, так они сразу и сели. Двадцать минут, а водки уже как не было. Сейчас велю еще одну в морозилку положить, там всего две осталось...

– После еще двух бутылок им будет наплевать, холодная водка или кипяток!..

Нинель Федоровна улыбнулась.

– Может, еще десерта хотите, Василий Васильевич? Есть шоколадный торт с вишней, «Черный лес». Не желаете? Дурной сон, – добавила она и вздохнула. – Куда нам всем деваться? Где работу искать? Да не в том дело! Я в этом доме всю жизнь провела, вот с таких лет!

Она показала рукой, с каких именно лет.

– А... остальные гости? – спросил Василий Васильевич. Он точно знал, что в темном коридоре за ним кто-то следил, но кто?.. – За ужином были все или в доме еще кто-то есть?

Нинель Федоровна покачала головой:

– Все. У нас места мало, да и не сезон. Еще одна особа должна пожаловать, но предупредила, что будет поздно. А почему вы спрашиваете?..

Меркурьев сказал, что интересуется спиритическими сеансами, а по его сведениям, на таком сеансе должно присутствовать как можно больше людей.

– Да какие там сеансы!.. Все глупости, дамские штучки! Или вы тоже... в духов верите?

Меркурьев пожал плечами.

– Хозяйка, – заревели из столовой. – Хозяйка, водку неси!

– Извините меня, – шепнула Нинель Федоровна. – Я должна подать.

Странное дело. Выходит, в вестибюле никого быть не могло. Но ведь кто-то переложил книгу и задел при этом чашку!

Василий Васильевич вошел в гостиную, где все было приготовлено для спиритизма – круглый стол в центре под лампой, какие-то бумаги с нарисованными символами, тарелка со стрелкой, похожая на часы.

Меркурьев взглянул на тарелку.

– Любопытство одолело? – спросила Софья. – Или скука? Заняться нечем? Пойдемте гулять! Дождя нет, сейчас на море так романтично и страшно! Вы любите, когда страшно?

– Вы все время были здесь?

– То есть?!

– После ужина вы перешли в гостиную все вместе?

Софья взглянула на него иронически.

– А что такое?

– Да, да, мы все пришли сюда, – нетерпеливо сказала Кристина. – Только вас ждем! Без вас наша колдунья вызывать Канта отказывается. Мы ее уговаривали, уговаривали, а она ни в какую!..

– Я не колдунья, – возразила Антипия. – Я посредник между мирами. Так научил меня великий Сантана. Слишком тонка междувселенная ткань, но зато как прочна! Преодолеть ее могут единицы. И я преодолеваю, когда мне позволяют высшие силы.

Меркурьев прошел к буфету, подумал и налил себе джина и тоника. Лед приятно клацал и шипел в газированной воде.

– Странная штука, – сказал он. – А мне показалось, кто-то разговаривал в коридоре. В том, что ведет к чугунной лестнице.

– Правда, классная лестница?! – спросила Кристина. – Между прочим, подлинный модерн, железодельный завод во Франкфурте, там клеймо стоит. Начало двадцатого. Века, я имею в виду! Я потом непременно ее сфотографирую.

– Да этого модерна по всей России сколько угодно. – Стас пожал плечами. – Кругом один модерн!

– Да ладно. И потом, тут немецкий модерн!

– Он везде одинаковый.

Софья, которой надоели дети с их препирательствами и Василий Васильевич с его тугоумием, взяла его под руку и спросила, когда они пойдут на маяк.

– Прямо завтра, – немедленно согласился Меркурьев. – С утра.

Софья тонко улыбнулась.

Выходит, обстановку она оценила правильно, и ее ожидает осенний прибалтийский легкий роман с привкусом тумана и кофе, с запахом опавших буковых листьев. Осталось только придумать, как утром нарядиться, чтобы поразить инженера. Софья была уверена, что поразить его ничего не стоит.

– Давайте свет гасить, – сказала Кристина. – Антипия, мы же должны выключить свет?

– Духи приемлют только тьму. Из тьмы выходят, во тьме существуют и во тьму возвращаются. Свет для них слишком беспощаден.

Стас выключил электричество, а Кристина поплотнее задернула шторы. Последовательница великого Сантаны и посредник между мирами затеплила свечу в бронзовом канделябре. Василий Васильевич наблюдал с большим интересом и заметил, что свечу она зажгла обыкновенной пластмассовой зажигалкой, очень деловито, и так же деловито спрятала зажигалку в недра своих шелков.

– Садитесь вокруг стола, – произнесла Антипия особенным голосом. – Беритесь за руки и думайте о том, что хотите узнать. Ни один из вас не должен сомневаться, иначе дух не явится.

– Никто ни в чем не сомневается, – пробормотал Василий Васильевич.

Справа от него оказалась Софья, сразу же вложившая в его ладонь пальцы, а слева Стас. У него рука была большая и до того влажная, что Меркурьеву немедленно захотелось вытереть свою о брюки.

Светом свечи были озарены только середина стола и лица сидящих. Антипия закрыла глаза.

– Мир теней и снов, мир тонких иллюзий, откройся перед нами, яви нам обитателей своих, – начала она, закрыв глаза. – Мы, находящиеся по эту сторону стены, смиренно просим отправить к нам посланника, дух великого Иммануила Канта. Пусть явится он на короткое время, ответит на наши вопросы, поможет разрешить неразрешимое, увидеть невидимое. Слышно ли меня там, по ту сторону?

Свеча потрескивала, и отдаленно шумело море: шу-уф, шу-уф.

– Слышит ли меня повелитель теней и снов?

Меркурьев вздохнул. И тотчас же его правую руку легонько сжали тонкие пальцы Софьи.

«Неужели это я сижу тут в темноте и жду, когда мне явится дух Канта, – подумал Василий Васильевич. – Что со мной такое?!»

Свеча затрепетала, пламя заметалось из стороны в сторону.

– Понимаю, – нараспев произнесла Антипия. – Ты близко. Я жду тебя.

Она покачивалась из стороны в сторону как заведенная. Слабый отсвет пламени то ложился на ее лицо, то оно совсем исчезало во мраке.

«Что я знаю про Канта? – продолжал думать Василий Васильевич, которому совсем нечем было заняться и стало неинтересно. – Знаю, что он философ, написал «Критику чистого

разума», жил в Кенигсберге, и горожане сверяли по нему часы – он всегда в одно и то же время проходил по одним и тем же мостам и улицам. Больше ничего не знаю. Философию в университете нам читали плохо, без огонька. Да мне было не до философии!..»

Свеча неожиданно погасла, словно ее задули. Стало совсем темно, и нежные пальчики Софы впились в его ладонь. Василий Васильевич осторожно пожал их в ответ – мало ли, может, на самом деле боится!..

– Я жду, – раздался голос Антипии. – Ты здесь, дух? Если здесь, подай знак.

Стол под локтями Василия Васильевича вздрогнул, приподнялся и опустился со стуком. Видимо, Кант подал знак.

– Мы ждали тебя! – провозгласила вещунья ликующе. – Скажи, что нас ждет завтра? Добро?

Ничего не происходило. По всей видимости, дух Канта раздумывал, что ждет завтра столь разношерстную компанию.

– Нас ждет зло? Ответь! Зло рядом с нами?

На этот раз Кант собрался с мыслями, потому что стол подпрыгнул и стукнул.

– Зло придет от нас? – продолжала вопрошать Антипия.

Стол подпрыгнул дважды.

– Зло придет не от нас, – констатировала вещунья. – Оно постучит в двери?

Канта, по всей видимости, забавляло происходящее, потому что стол опять ощутимо подпрыгнул!..

«Вот как она это делает, – думал Василий Васильевич. – Никаких ее движений не заметно, хотя темно, конечно, но глаза уже более или менее привыкли. И стол довольно тяжелый, плотного старого дерева, на монолитной слоновьей ноге. Или в мистификации участвует хозяин дома и к столу подведен некий механизм?..»

За стеной вдруг что-то упало с приглушенным грохотом. Упало, покатилося, следом заревели медвежьего голоса:

– Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую!..

Василий Васильевич замер. Как-то старик Иммануил выйдет из создавшегося неловкого положения?..

Свеча зажглась словно сама собой.

Антипия выдернула свои ладони из рук соседей, закрыла лицо.

– Он ушел, – выговорила она из-за ладоней. – Он нас покинул. Он не вернется.

– Жалость какая! – пробормотал Василий Васильевич, поднимаясь.

Кристина вскочила, побежала и включила свет. Все зажмурились.

Нужно будет потом слазить под стол, провести обследование на предмет механизмов. Разумеется, разоблачение Антипии в планы Меркурьева не входило, но ведь интересно!..

– Не моя ты, не моя, – продолжали завывать за стеной, – отчего же я тоскую?..

Кристина собрала со стола бумажки с неведомыми знаками и положила перед вещуньей.

– Вчера дух надолго приходил, – сказала она Меркурьеву. – На все вопросы отвечал.

– Вчера тоже Кант являлся?

– Нет, вчера была королева Брунгильда. Она мне сказала, что я в этом году выйду замуж по любви и по расчету. – Кристина засмеялась, спохватилась и посмотрела на Антипию. – Только я не поняла, как это – и по любви, и по расчету.

– Мало ли как бывает, – сказал Василий Васильевич. – Что у вас за кольцо? Такое гигантское?!

Кристина посмотрела на свою руку и спросила:

– Это? – словно на каждом пальце у нее было по кольцу.

Меркурьев кивнул.

– Это изумруд, – сказала Кристина. – Хотите посмотреть?

И она сняла кольцо и сунула Василию Васильевичу.

– Нет! – вскрикнула вещунья и поднялась в ужасе. Меркурьев от неожиданности чуть не уронил драгоценность. – Положите! Положите его на стол!

Меркурьев ничего не понял.

Антипия, обмотав руку шелками, вырвала у него кольцо и опустила на стол так осторожно, словно оно могло взорваться.

– Никогда, – сказала она Кристине. – Никогда не передавайте это кольцо из рук в руки! И никакое не передавайте! Вместе с кольцом вы отдаете весь цикл вашего бытия! Поле может замкнуться. Кольцо можно только положить, лучше всего на деревянную поверхность. Дерево немного нейтрализует течение силы.

– Можно посмотреть? – перебил ее Василий Васильевич, который и про кольцо-то спросил просто так, потому что ему нравилась Кристина.

Изумруд – если настоящий, конечно, – был каких-то невиданных размеров. На самом деле Меркурьев никогда не видел таких камней! Может, только на экскурсии в Грановитую палату в далеком детстве.

Стас подошел и тоже стал рассматривать.

Изумруд был огранен особым образом, в мельчайших гранях плескался и переливался свет, и от этого казалось, что камень светится сам по себе.

При такой огранке, подумал Василий Васильевич, достаточно малейшего источника света, и камень будет загораться, как будто внутри у него лампочка.

– Ничего не понимаю в женских штучках, – сказал Стас. – Но эта красивая. Дайте я гляну.

– Только через стол! – вновь вскричала Антипия, и Василий Васильевич чуть было не уронил «штучку».

– Где оно сделано? – спросила Софья с интересом. – Италия, что ли?

– Изумруд индийский, – ответила Кристина беззаботно. – А где кольцо сделано, понятия не имею.

– Он что, настоящий?!

– Ну да.

– Не может быть, – произнесла Софья почти с ужасом. – Не бывает таких настоящих! Сколько в нем карат?

– Не знаю. Что-то около двенадцати, кажется.

Оправлен камень был очень просто – двойная полоска темного золота и больше ничего. Василий Васильевич смекнул, что две полоски придуманы неспроста, на одной такой камень просто не удержался бы.

– Оно очень старое, – сказала Кристина. – Прямо очень!.. Сейчас все говорят – фамильные драгоценности, фамильные драгоценности! Раз от бабушки досталось, значит, фамильное. Этот изумруд бабушка получила от прабабушки, а та от ее бабушки, и так далее. Верните мне его, пожалуйста.

Меркурьев отдал ей кольцо. Она водрузила его на палец и полюбовалась немного.

– И что? – спросила Софья. – Бабушке от прабабушки, а дальше?

– Дальше мы не знаем, – ответила Кристина. – Мы не разбирались.

– Почему?!

– Нельзя, – сказала студентка. – Запрещено.

– Кем?!

Крис пожала плечами и сказала, что, пожалуй, пойдет спать. У нее есть книжка «Старый Кенигсберг», она за нее еще не принималась, а ей к диплому нужно готовиться.

Василий Васильевич проводил ее до чугунной лестницы.

– Где здесь свет зажигается, не знаете?

– Знаю, с той стороны. Там такая медная пупочка, потяните ее вверх.

Василий Васильевич нашарил «пупочку» и потянул. В вышине затеплилась слабая люстра.

Кофейная чашка и книга «Философия Канта» по-прежнему были на столе. Только «Философия» лежала страницами вниз.

Меркурьев вздохнул, подошел и посмотрел. Книга была открыта на пятьдесят седьмой странице.

«Философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти. Его внутренняя жизнь всегда находилась в состоянии равновесия. Кант представлял образец мудреца, и таким же он будет в глазах грядущих поколений, вознесенный на эту высоту своими заслугами в области философии и чистотой своей жизни».

– Кто здесь читает Канта, не знаете, Кристина?

Студентка пожалала плечами. Она стояла на лестнице, облокотившись о чугунные перила.

– Зовите меня Крис, – предложила она. – А лучше Мышь.

– Мышь, – задумчиво проговорил Василий Васильевич, – прекрасное имя для девушки.

Крис – Крыс – Мышь, правильно я понимаю последовательность?

– Правильно! – отозвалась новоявленная Мышь. – А я вас буду звать Васей.

– Логично.

– Мое имя мне совсем не нравится, – продолжала Мышь. – Когда я родилась, в моде были Кристины, Анжелы, Камиллы, Перпетуи.

– Не знаю ни одной Перпетуи.

– Лучше б я была Перпетуей.

– И все же кто читает эту книгу?

– Никто, – заявила Мышь. – Она лежит здесь просто так, для красоты. В окрестностях Кенигсберга обязательно должно быть нечто, связанное с Кантом! Спокойной ночи!

И большими прыжками Крис-Мышь понеслась вверх. Лестница одобрительно загудела.

Василий Васильевич закрыл книгу, вернул ее на стол и отправился к себе.

Из столовой тянуло сигаретным дымом и доносились гогот и голоса:

– Слышь, Санек, а он мне и говорит, значит, чтоб я отваливал, а я ему на это: че ты быкуешь, блин!.. Ты кто есть такой! А я ему: ты с кем базаришь, мелюзга неумытая, когда я есть правая рука самого Санька Морозова, Алексан Федорыча, дорогого нашего!

– А он че тебе на это?

– погоди, давай накатим за дружбу! За тебя, Санек! Где бы мы были, если бы не ты и не умище твой!

Василий Васильевич миновал столовую, поднялся на второй этаж, закрыл за собой дверь на лестницу. В коридоре было тихо и темно. Он вошел в свою комнату и с удовольствием потянулся.

Здесь не было слышно ничего, кроме шума моря и шелеста листьев.

Не зажигая света, он стянул одежду, пошвырял как попало и бухнулся в прохладную постель. Тотчас в голове все сдвинулось и поплыло: шумные бухарцы, ковровые тюки, дорога, дом с черепичной крышей, вещунья в разноцветных шелках, перстень со странным горящим камнем, готическое окно, трепет свечи, громыхание стола, «Ой, мороз, мороз», который слезно выводили свины.

До чего хорошо, успел еще подумать Василий Васильевич и уснул.

Он добежал до конца «променада» – вдоль пляжа под откосом была проложена деревянная широкая дорожка на сваях – и не встретил ни одного человека. Море плескалось в двух шагах, тихое, ласковое, совсем не такое, как вчера, и солнце казалось почти летним. «Променад» заканчивался лестницей на косогор. Меркурьев, тяжело дыша, оценил лестницу и понял, что ему ее не одолеть.

– Слаб стал, – сказал он себе и откашлялся.

Еще в Бухаре решено было бегать каждый день, не слишком много, десяточку, а если десяточку сразу тяжело, начать километров с семи. Хитроумные часы, считавшие маршрут, показывали, что пробежал он всего пять, но сил не осталось.

Он приказал себе собраться и двинулся в обратный путь. Ноги несли его с трудом.

Меркурьев знал, что перебирает, что бежать сейчас не нужно, а нужно перейти на шаг и спокойненько вернуться в гостиницу, но он должен себя заставить! В этом весь смысл!.. Вымотать себя до предела, до рвоты, до кругов в глазах – вот тогда это можно считать победой!

А так... бегать в свое удовольствие – это упражнение для пенсионеров и худеющих барышень.

На горку к белой балюстраде, окружавшей каменную террасу, Василий Васильевич почти что вползал на четвереньках.

Здесь стояло несколько плетеных кресел, видимо, оставшихся с лета, Меркурьев повалился в одно из них и закрыл глаза. Ему было плохо.

Он сидел довольно долго, пытаясь прийти в себя и справиться с подкатывающей тошнотой. При этом он необыкновенно гордился собой – часы-компьютер показывали десять триста!.. Первый день отпуска начался отлично.

Пить хотелось так, что слюна казалась сухой, как папиросная бумага, но идти за водой не было сил.

Василий Васильевич встал, добрел до фонтанчика, попил из чаши немного дождевой воды и умылся.

Вода привела его в чувство, но идти он все еще не мог.

Он вернулся в кресло и сидел, слушая, как шумит море – шу-уф, шу-уф! – до тех пор, пока не начал замерзать. Тогда он еще немного попил из фонтана, утерся полой майки, вошел в гостиную, закрыл за собой дверь и опустил чугунный штырек.

Здесь никого не было, из столовой не доносилось ни звука. Должно быть, в кухне шли приготовления к завтраку, но весь остальной дом словно вымер. Или еще спал?..

Василий Васильевич, держась за перила то одной рукой, то другой, то сразу обеими, взгромоздился на второй этаж, немного полежал на диване, потом полежал в кресле, потом нашел в себе силы пустить воду и залезть под душ.

Его уже не тошнило и не качало из стороны в сторону.

К концу отпуска он будет пробегать эту десятку легко! Туда по пляжу, а обратно по шоссе. И лестницу одолеет!..

Сумки так и стояли посреди комнаты, Василий Васильевич, вытирая голову, посмотрел на них скептически – разбирать, не разбирать?

И решил не разбирать. Ну их к лешему.

Штаны и рубаха у него есть – надевал только один раз, можно не менять, – а на остальное наплевать, потом как-нибудь разберет.

Пятерней он пригладил волосы – они всегда завивались после душа и торчали в разные стороны, как у поэта Есенина, отчего Василий Васильевич их терпеть не мог и старался стричь как можно короче.

Кстати, нужно будет подстричься. Спрошу у Виктора Захаровича, где парикмахерская.

Спустившись вниз, он заглянул в гостиную – никого, потом в столовую, где тоже не было ни одной живой души.

Меркурьев прошел к буфету, включил кофемашину и подождал, пока она проснется, встрепенется и приготовится к работе. Пока машина фыркала и мигала, он подошел к окну.

Неяркое желтое солнце сделало буковый лес золотым и бронзовым в глубине. Могучие стволы, освещенные с одной стороны, казались ненастоящими, нарисованными. Трава под деревьями была совсем зеленой, свежей, будто только что вылезшей. Меркурьева всегда пора-

жала эта зеленая калининградская трава – в ноябре!.. На широком кусте с разноцветными листьями качалась сорока. Как только ветка замирала, сорока подскакивала и снова начинала качаться. С ветки время от времени слетал желтый лист.

Василий Васильевич чувствовал себя так, словно всю жизнь прожил в этом доме, по утрам смотрел в окно, и сорока была его подругой. Ничего не могло быть лучше холодного воздуха, разноцветных листьев, на которых кое-где дрожали бриллиантовые капли вчерашнего дождя, осени, вздыхающего моря и сороки на ветке.

Он сделал себе кофе – крепкий и с сахаром – и пошел проверить, как там «Философия Канта».

Игры с Кантом его забавляли.

Вчерашняя чашка исчезла, а книга лежала на прежнем месте страницами вверх.

Василий Васильевич засмеялся, прихлебывая кофе. Он совершенно точно помнил, что вчера ночью закрыл ее! Ну-ка посмотрим, какая страница.

Страница пятьдесят семь, все верно.

«Философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти».

Это мы уже сто раз читали!..

Интересно, кто с ним играет? Хорошо бы, конечно, Кристина по прозвищу Мышь, но отчего-то Василий Васильевич в это не верил. Нет, было бы прекрасно, если б она, но...

Высокие двери у него за спиной вздрогнули, будто снаружи потянули за ручку. Василий Васильевич оглянулся.

Ничего не происходило, потом двери вздрогнули вновь, и тут же донеслось дребезжание колокольчика. А потом еще раз.

Меркурьев поставил чашку на стол рядом с «Философией Канта», подошел, повернул в замке ключ и распахнул створку.

В солнечном воздухе он увидел только силуэт. Силуэт колыбался и подрагивал, извивался, и Меркурьев на секунду зажмурился.

– Мое почтение, – вежливо проговорил посетитель и на старинный манер приподнял шляпу.

Он уже не извивался и не двоился и оказался сухим человечком с мелким, но выразительным лицом. Он был облачен в долгополое пальто, а в руке держал дорожный ковровый саквояж.

– Доброе утро, – поздоровался Меркурьев.

Позади человечка на стоянке дремал длинный белый «Кадиллак» – вчера его здесь не было, – Меркурьев почему-то очень удивился, что старомодный и вежливый человек прибыл на такой длинной, самодовольной машине.

– Приглашен погостить, – сказал новый гость. – Если вы ничего не имеете против.

– Я?! – воскликнул Меркурьев.

– С вашего разрешения, – заключил невиданный посетитель твердо.

– Проходите, – пригласил Василий Васильевич несколько растерянно. – Я сейчас найду хозяина или управляющую...

И посторонился, пропуская гостя.

Человечек воскликнул:

– Ни в коем случае! Не нужно никого обременять! Придет время, и все разрешится само собой.

В «Кадиллаке» нет водителя, мельком подумал Меркурьев. На водительском месте никого. Выходит, человечек сам сидел за рулем. Чудеса.

– Я подожду вот здесь. Если позволите.

Утренний гость прошагал к креслу возле готического окна, уселся, утвердил на острых коленях саквояж, а сверху пристроил свою шляпу.

– Хотите кофе? – спросил Меркурьев.

Гость подумал секунду.

– Лучше чаю и к нему каплю молока, – сказал он. – Если это вас не очень затруднит. Дело в том, что я не употребляю кофе. Это нездорово.

Он покосился на книгу, отчего-то покачал головой и уселся поудобнее.

– Сейчас попробую, – пробормотал Василий Васильевич. – Чаю с молоком, понятно. Одну минуточку.

– Не спешите, – любезно разрешил прибывший. – Из-за меня не стоит суетиться.

Меркурьев пошел на кухню, спросил, где найти Нинель Федоровну или Виктора Захаровича, а также чаю.

– С каплей молока! – добавил он, вспомнив.

Оказалось, что для чая все приготовлено там же, на буфете, Нинель Федоровну сейчас поищут, а Виктор Захарович еще не вставал. Просидел с гостями почти до утра, как видно, не проснулся пока.

Возле буфета Василий Васильевич топтался довольно долго, раздумывая, как ему быть. В конце концов достал большую чашку с блюдцем, сунул в нее пакетик, подождал, пока заварится, и пакетик выбросил. Незнакомец в шляпе и с саквояжем, решил Меркурьев, ни за что не станет пить чай, из которого торчит хвост! Два кусочка сахара он пристроил на блюдце рядом с серебряной ложечкой, а сливки из круглых пластмассовых штукovin решительно некуда было перелить и пришлось нести так, в штукovinaх.

Василий Васильевич не удивился бы, если б человек исчез из вестибюля, но он был на месте. Он сидел в прежней позе, словно ни разу не пошевелился.

– Ваш чай, – по-официантски галантно сказал Меркурьев. – А управляющую ищут.

– Ах, не стоило беспокоиться! – досадливо вскричал человек. – Не примете ли?

И он сунул Меркурьеву саквояж и шляпу.

Василий Васильевич принял их и неловко прижал к груди.

Человек сделал глоток, зажмурился, оценивая, и заключил:

– Недурен. Шри-Ланка?

Василий Васильевич счел нужным кивнуть – на всякий случай. Он был растерян и не понимал, что происходит.

– Все же капля молока была бы нелишней.

– Молоко... рядом. То есть сливки. Сливки и сахар.

Человек поднял на него глаза и вдруг ужаснулся.

– Непростительная ошибка! – воскликнул он и поднялся в волнении. – Я опять совершил ужасную ошибку! Всякий раз забываю! Вы ведь не привратник?

Инженер Меркурьев отрицательно покачал головой.

– И не лакей?

Василий опять покачал – нет, он не лакей.

– Прошу меня извинить, покорнейше прошу извинить! Забываю! Позвольте!

Гость вскочил и вырвал у Меркурьева поклажу.

– Непростительная ошибка! Я стал рассеян. Нужно было сразу дать понять, что мои указания неуместны. Ах, как неловко.

– Да ничего страшного, – промямлил Василий Васильевич.

– Нет, нет, не утешайте меня, – продолжал сокрушаться гость. – И еще чай! Право, ужасная неловкость!

Он пристроил саквояж себе в ноги, шляпу угнездил сверху.

– Вы здесь в гостях, – резюмировал человек, разглядывая Меркурьева. – Приглашены, так же, как и я.

– Нет, я в отпуске, – признался Меркурьев. – Приехал отдохнуть.

– Вы тяжело трудитесь? Труд вас изматывает?

Василий Васильевич никогда не задавал себе таких вопросов!

– Жара изматывает, – сказал он наконец. – Я работаю в пустыне, на газопроводе.

– Как интересно, – восхитился человек, – и, должно быть, увлекательно!..

– На самом деле не очень. Нет, то есть интересно, – спохватился Меркурьев. – Но не всегда. В основном это просто тяжелая работа.

– Может быть, присядем?..

Меркурьеву хотелось удрать – лучше всего на кухню или в столовую, где пахнет свежей утренней булкой, где все свои, где можно не вести странных разговоров и где никто уж точно не примет его за лакея или привратника!..

Тем не менее он зачем-то сел в соседнее кресло и сделал любезное, слушающее лицо.

Гость еще пригубил чаю, вновь похвалил его и спросил, в чем заключается тяжесть работы Василия Васильевича.

Тот пожал плечами.

– Приходится за все отвечать, – сказал он. – За технику, а главное – за людей. На ходу корректировать проект, потому что на бумаге одно, а в поле получается совсем другое. И условия, в общем, не сахар.

– Ваш труд скорее умственный или физический?

– И то, и другое. Но, пожалуй, головой я работаю больше, чем руками.

– Если у человека есть возможность думать, он счастливее. Большинство людей такой возможности не имеют, – заметил гость. – Они вынуждены в поте лица зарабатывать на хлеб насущный для себя и своих семей. Вы обременены семейством?

– Нет, – развеселился Меркурьев.

– Мой вам совет, – сказал человек, наклоняясь к нему через стол и понизив голос, – женитесь на особе, имеющей приданое, чтобы таким образом обеспечить себе материальную независимость и возможность на свободе заниматься умственными упражнениями.

– Хороший совет, – кивнул Меркурьев. – Спасибо.

– Совет истинно практический.

Человек принялся пить чай, а Василий Васильевич сбоку рассматривал его с любопытством двухлетнего карапуза, изучающего соседскую кошку.

– Я задержал вас, – спохватился гость, – а время завтрака. Еще одна непростительная ошибка!.. Ступайте и не заботьтесь обо мне.

Словно отпущенный на свободу, Василий Васильевич вскочил, отвесил поклон – как мог, так и отвесил, – и ринулся в столовую.

– Ты чего?!

Он чуть не сбил с ног Стаса, который вышел из-за угла прямо на него.

– Где Захарыч?

– Не знаю, не видел. Чего ты несешься? Пожар?

– А эта? Нинель?

Стас потер плечо, в которое на полном ходу врезался Меркурьев.

– Ее тоже не видел. Что случилось?

– Новый гость приехал, – проинформировал Василий Васильевич на ходу.

– Ну и что?!

Нинель Федоровна в шелковых перчатках, на этот раз розовых, раздавала из корзины хлеб – овальные куски черного, длинные ломти багета и золотые, чуть присыпанные мукой рогалики.

Увидев запыхавшегося Меркурьева, она остановилась и воззрилась на него.

– Нинель Федоровна, – выговорил он, – доброе утро. Там... в фойе, или как это называется... где чугунная лестница и камин...

– В прихожей?

– Да, наверное, да! Приехал новый гость и ждет, а Виктора Захаровича я не нашел. Может, вы встретите?

– Господи, ну, конечно! Виктор Захарович сейчас выйдет, он... полночи не спал, – она понизила голос. – Промаялся с этими... новыми хозяевами. Вас они не беспокоили? Не слишком шумели?

Она пристроила корзину на угол буфета и принялась стягивать перчатки.

– У вас такой дом, – сказал Меркурьев. – Ничего не слышно. Только дверь закроешь, и сразу тихо.

– Раньше так строили, – кивнула Нинель Федоровна и с грустной любовью оглядела гостиную. – Им казалось, на века.

– Кому казалось?

– Предкам. Я побегу, а вы позавтракайте непременно! У нас очень хороша овсяная каша, вы такой нигде больше не попробуете.

И она заспешила к выходу. Меркурьев проводил ее взглядом.

– Вася!

От неожиданности Меркурьев несколько подскочил.

Никто тут не мог называть его Васей!..

Кристина, Крис-Крыс-Мышь, махала ему рукой. Она сидела не там, где ужинала, а за столом возле окна. Стол помещался в небольшом эркере с тремя длинными узкими окнами на все стороны.

Василий Васильевич подошел и поздоровался.

– Садись и давай завтракать, – предложила Кристина-Мышь. – Я ем кабачковые оладьи со сметаной. Здесь рядом хутор, там коровы, овцы. Виктор Захарович советовал мне туда сходить, потому что по дороге есть кирха, совсем ветхая, но архитектурный шедевр.

– А куры и коровы при чем? – спросил он, усаживаясь.

– Так я же рассказываю! Так вот, значит, хутор, наши там берут молоко, сметану, всякое такое. То есть Виктор Захарович и Нинель Федоровна. О-очень вкусно! Попробуй.

Василий Васильевич заказал стакан холодного молока – от хуторской коровы, – творог со сметаной, от нее же, и порцию кабачковых оладий.

– Ты их тоже ешь со сметаной, – посоветовала Мышь. – Они соленькие, поджаристые, хрустят! Со сметаной в самый раз.

– Приехал новый гость, – проинформировал ее Василий Васильевич, намазывая на багет сливочное масло. Оно было холодное, со слезой, и мазалось плохо, скорее ложилось на свежий хлеб толстыми, прозрачными сливочными ломтями.

– Ну и что?

– Странный типус, – проговорил Меркурьев, откусывая хлеб. – Очень странно выглядит и странно говорит. Он принял меня за привратника. Ты можешь себе представить человека, который может принять меня за привратника?

Мышь оглядела Василия Васильевича с головы до ног. Он перестал жевать.

– Что?

– Ты, конечно, больше похож на автослесаря, – сказала она после некоторого раздумья. – Ну, на садовника. Хотя! – Она махнула рукой. – Привратник тоже сойдет.

Василий Васильевич засмеялся.

– Он приехал на «Кадиллаке». Последней модели, такая... недешевая машина.

– Может, он богат?

– У него шляпа и ковровый саквояж.

– Ну и что?

Василий Васильевич дожевал багет:

– Смотри. Шляпа, саквояж и «Кадиллак» последней модели никак не монтируются. Это я тебе говорю как инженер.

Мышь неопределенно повела рукой. Ее перстень светился необыкновенным, неземным светом.

– Вот ты лучше скажи мне, как Антипия вызывает духов, а?..

– Никак не вызывает. Это просто представление, – ответил он.

– Вася, – сказала Мышь проникновенно, – я это все и без тебя знаю! Никаких духов нет, привидений не существует, гоблины и гномы – выдумки, ведьмы и колдуны – плод большого воображения.

Василий Васильевич одобрительно кивал. Так и есть, так и есть!..

– Но как-то это все сделано! Свеча гаснет, блюдо вращается, стол стучит. Ты что-нибудь заметил?

Василий Васильевич сказал, что ничего не заметил, просто он слишком далеко сидел. Сегодня вечером он сядет поближе, все поймет и потом расскажет ей.

– У вас ведь эти вызовы духов происходят каждый вечер?

– Я здесь третий день, – сказала Мышь, – и два раза мы их вызывали. Один раз Брунгильду, другой раз Канта. Вчера. Ты с нами вызывал.

– Два раза из трех – это уже статистика, – изрек Василий Васильевич.

Распахнулась дверь, и в столовую ввалился один из свинов. Он был бледен нездоровой бледностью, лоб блестел, как восковой, под глазами коричневое с зеленым. Мятая рубаха, застегнутая через одну пуговицу на третью, кое-как засунута в брюки. Штанина подвернулась, застряв в носке.

Мышь неприязненно потянула носом – ей показалось, что в столовой отчетливо завоняло перегаром.

Свин устроился в самом темном углу и, когда подошел официант, простонал, чтобы принесли пива холодного и супа горячего, всего побольше. После чего уронил голову на руки и замер.

– Перестарались, – констатировал Василий Васильевич.

– Да ну, – сказала Мышь с отвращением. – И они покупают этот дом!.. Почему все так несправедливо устроено? Прямо мерзко!

– Может, они хорошие люди, – предположил Меркурьев просто из духа противоречия.

– Кто?! Эти?! Да они вообще не люди!.. Они биомасса, пластилин, исходное сырье. Из сырья еще только должен выработаться человек. Лет через пятьсот-шестьсот потомство этого типа обретет человеческие черты.

– Какая-то фашистская теория, – заметил Василий Васильевич.

– Ничего подобного, – энергично возразила Мышь. – Просто я говорю то, что думаю, а вы, старшее поколение, все ханжи. Потому что родились при советской власти и она вас испортила. – Тут она вдруг толкнула Меркурьева под бок. – Смотри, смотри!..

В столовую вплыла красавица с ярко накрашенным ртом и не по утреннему времени искусно уложенной прической – волосок к волоску. Так выкладывали прически в двадцатых годах прошлого века, Василий Васильевич видел на фотографиях. Красавица была облачена в длинное, до пола, светло-розовое шелковое платье с короткими рукавами, и норковое манто, брошенное поверх шелка.

Она вышла на середину столовой, остановилась и неторопливо огляделась.

Антипия – на этот раз все ее одежды были бирюзового и зеленого оттенка – не обратила на красавицу никакого внимания. Она продолжала пить из высокого стакана нечто оранжевое, изредка запивая оранжевое коричневым и густым из другого стакана.

Стас некоторое время пялил глаза, потом подскочил и предложил красавице сесть.

Она кивнула, улыбнулась и прошествовала к полосатому дивану по соседству с обездвиженным свином.

– Может быть, лучше к окну? – предложил растерянный Стас.

– Из окон вечно дует, – отозвалась красавица. Голос у нее был под стать общему облику – низкий, тягучий, выразительный. – Меня зовут Лючия, – объявила она как будто Стасу, но на самом деле всем присутствующим. – Я приехала вчера вечером и несколько дней поживу здесь.

Она посмотрела по сторонам, а потом на компьютерщика.

– Представьте мне остальных, – потребовала она. – Наверняка вы все знакомы!

Мышь фыркнула.

Василий Васильевич улыбнулся.

Антипия перешла к чему-то зеленому.

– Меня зовут Стас, я из Москвы, – начал компьютерщик с самого простого. – Я в отпуске. Люблю Прибалтику.

Больше сказать ему было нечего, а инициативу в плане знакомства больше никто не проявлял. Стас оглянулся по сторонам и простер руку в сторону Меркурьева и Мыши.

– Василий Васильевич, инженер, – громко сказал он. – Из Бухары. Тоже в отпуске. – Меркурьев привстал и слегка поклонился. – А Кристина – рядом с ним – пишет диплом.

– Понятно, – уронила красавица. – Ну что ж, бывает.

– В каком смысле? – не понял Стас.

Та вздохнула.

– И диплом бывает, и Бухара тоже. А эта дама? – Она кивнула на вещьню, которая не обращала на них никакого внимания.

– А, это наша колдунья, она приехала на слет магов, – зачастил Стас.

– Я не колдунья, – с досадой перебила Антипия, по-прежнему не взглянув в сторону красавицы и компьютерщика. – Сколько раз повторять! Я проводник. Между двух миров! Духовная дочь учителя Сантаны и последовательница великого Пуришты.

– А человека в углу я не знаю, – продолжал Стас. – Они с другом только вчера приехали и сразу набрались.

– Бог с ним, – сказала красавица. – Выпейте со мной кофе.

Стас немедленно плюхнулся напротив нее. Мышь следила за происходящим сердитыми глазами.

– До чего не люблю, когда выпендриваются, – сказала она наконец. – Истерик не люблю и когда выпендриваются не люблю.

– Сколько тебе лет? – спросил Меркурьев.

– Двадцать три, а что?

– Да нет, я просто так спросил. Интересно, где тот, мой? В шляпе и с саквояжем? Он будет завтракать?

– Зачем он тебе?

Меркурьев помолчал.

– Я бы с ним поговорил подольше, – сказал он наконец. – Он занятный.

Краем глаза он посматривал на красавицу, которая пила кофе и негромко беседовала со Стасом.

А она на чем приехала? На такси? Непохоже! К такой даме должны прилагаться не только платье до пола и норковое манто, но еще несколько специальных «дорожных костюмов»

и шофер в фуражке. И куда делась машина, которая привезла свинов? Или даже две, если у них было по машине на каждого!

На брусчатке перед парадным входом стоял только белый «Кадиллак»...

Мышь потянулась так, что в животе у нее что-то пискнуло. Она смутилась и даже слегка покраснела.

– Тянуться за столом нельзя, неприлично, – выпалила она. – Я знаю, не смотри на меня так!

– Как?

Она опять покрутила рукой, изображая нечто.

– Как взрослый на младенца! А где Софья? Ты же с ней собирался на прогулку!

Василий Васильевич вздохнул. С гораздо большим удовольствием он пригласил бы на прогулку Мышь, но Софья уже пригласила его самого, ничего не поделаешь.

– Сходи на маяк, правда, – сказала Мышь серьезно. – Я еще ни разу там не была, а говорят, оттуда вид красивый, прям открыточный. Я утром из окна видела, как ты бежал по пляжу.

Василий Васильевич посмотрел на нее. Он все никак не мог привыкнуть к ее манере разговора, когда она – оп-ля! – и поворачивала совсем в другую сторону.

– Мне показалось, что тебя вот-вот хватит инфаркт. Ты еле шевелился, и ноги у тебя заплетались.

Василий Васильевич оскорбился. Во-первых, он был уверен, что бег у него атлетический, легкий. Во-вторых, для первого раза результат был великолепный! В-третьих, ничего у него не заплеталось!

– Я просто давно не бегал, – сказал он, поднимаясь из-за стола. – Мне нужно потренироваться.

В коридоре он столкнулся с Виктором Захаровичем. Вид у того был болезненный, он раскладывал на наборном столике свежие газеты и морщился.

– Не спал ни минуты, – пожаловался старик. – Загонят они меня в могилу, право слово!.. Уж купили бы, и дело с концом.

– А что? – поинтересовался Меркурьев. – Раздумали?

– Да ничего не раздумали! Сегодня договор будем подписывать, в два часа нотариус подъедет. Перепились они вчера, вот и вся история. Теперь до вечера не очухаются, я это уж однажды наблюдал!.. Когда мы только познакомились.

– Один очухался, – сказал Василий Васильевич. – По крайней мере, принял сидячее положение. В столовой он его принял.

– Да? – поразился Виктор Захарович. – Удивительное дело! Лишь бы опять не начал.

– Утром приехал еще один гость, я ему двери отпирал, – продолжал Меркурьев. – Вы его видели? В шляпе и длинном пальто.

– Его Нинель Федоровна поселила.

– Как его имя?

Виктор Захарович посмотрел на Меркурьева в явном затруднении.

– Вот... не скажу. Забыл!.. Я потом в компьютере посмотрю! Это надо же такому быть – забыл! Совсем старый стал.

– А вещунью как зовут? Антипию?

– Эту помню, – сказал Виктор Захарович. – Марьяна Витальевна Антипова она у нас.

– Столы вертеть и свечи гасить вы Марьяне Витальевне помогаете?

– Я?! – ненатурально удивился Виктор Захарович. – Что вы, Василий Васильевич! Даже близко нет! Я от нее и сеансов этих как черт от ладана бегая!..

– Стало быть, дух Канта помогает, больше некому, – заключил Василий Васильевич. – Если вы ни при чем!

Хозяин осторожно пожал плечами и сказал:

– Все возможно.

Через вестибюль со стрельчатым окном и камином Василий Васильевич вышел на улицу, по пути проверив книгу на столике. «Философия Канта» была закрыта – как он ее и оставил.

Меркурьев обошел вокруг дома – дорожка, вымощенная брусчаткой, вела вдоль красной кирпичной стены к террасе с балюстрадой. Старые липы, еще не до конца облетевшие, роняли на брусчатку листья. Еще одна дорожка, тоже обсаженная липами, вела к буковой роще, и Меркурьев решил, что непременно пройдет по ней.

Он немного постоял на террасе, глядя на море, сверкавшее за кустами, и послушал, как оно шумит: шу-уф, шу-уф!..

Может, завтра после пробежки искупаться? Для окончательного перехода в атлеты? Все же он явно не в форме, раз Кристина сказала, что ноги у него заплетались и вид был неважный!..

– Прекрасное утро, правда?

Голос был потрясающий – низкий, глубокий. Василия Васильевича приводили в трепет низкие женские голоса. В прямом смысле слова – в спине что-то вздрагивало, и руки покрывались «гусиной кожей».

Он повернулся и посмотрел.

Вновь прибывшая красавица по имени Лючия сидела в плетеном кресле, где после кросса сидел он сам, положив ногу на ногу и глядя на море. Розовый шелк струился по округлому колену, открывал узкую щиколотку, обтянутую тугим чулком. Подбородок утопал в коротком блестящем мехе, уложенная прическа была как у камеи.

– Утро... да, – промямлил Василий Васильевич. – Ничего.

– Вам здесь нравится?

– Очень, – быстро сказал Василий Васильевич, и Лючия кивнула.

– Мне тоже. Я отлично выспалась! Такая тишина, такой покой. Хотя утром мне показалось, что под дверью кто-то разговаривает. Я даже вышла посмотреть, но никого не увидела.

Меркурьев помедлил в нерешительности, потом подсел к ней.

– О чем был разговор?

Красавица чуть повернула голову и улыбнулась. Нижнюю половину ее лица скрывал мех, но все равно было понятно, что она улыбается.

Василий Васильевич словно слегка ослабел.

– Разговор? – переспросила она сквозь мех. – Что вы! Я не слушала, конечно. А почему это вас интересует?

– Я тоже пару раз слышал, как кто-то разговаривает. У себя в комнате и в вестибюле.

– Но здесь живут люди! И наверняка разговаривают друг с другом.

– Да! – с излишним жаром воскликнул Василий Васильевич, которому хотелось все ей объяснять, растолковывать и при этом выглядеть очень умным, – но я так и не понял кто!.. И рядом совершенно точно никого не было. Только Стас с велосипедом прошел, но он не мог разговаривать сам с собой.

– Стас очень милый, – заметила Лючия. – Пригласил меня на прогулку.

– Понятное дело.

Она сбоку посмотрела на него.

– Вы правда из Бухары?

– Я работаю в Бухаре, – досадуя на себя, на «гусиную кожу», на излишний жар и явно глупый вид, возразил Меркурьев и встал. – Прошу прощения, мне нужно идти.

Она кивнула.

Большими шагами он вернулся в дом – в обход, не через гостиную, – и возле своей лестницы столкнулся с Софьей.

– Привет, – сказала она весело. – Ну что? Мы идем на маяк?

– Да, – ответил Василий Васильевич грубо – следствие досады, – я только возьму куртку.
– Я подожду вас на террасе! – И Софья пропорхала на улицу.

«Там тебя ждет сюрприз, – подумал Меркурьев с некоторым злорадством. – Конкуренция возрастает!..»

Куртка, утрамбованная в одну из сумок, имела такой вид, словно ее долго и с удовольствием жевала та самая корова, которая поставляла Захарычу молоко и сметану. Василий Васильевич несколько раз встряхнул ее в напрасной надежде, что она станет несколько более похожей на человеческую одежду. Ничего не изменилось.

Ну и ладно.

Когда он вновь оказался на террасе, диспозиция выглядела следующим образом: красавица в шелках и мехах по-прежнему сидела к плетеному креслу и безмятежно смотрела вдаль, Софья в джинсах и кургузой курточке стояла, облокотившись о балюстраду, и спина у нее была рассерженной.

Как только Василий Васильевич с ней поравнялся, она немедленно крепко взяла его под руку.

– Как хорошо! – заговорила она громко. – И солнышко вышло! Я так мечтала сходить на маяк, никогда в жизни там не была. Он ведь заброшен?

– По всей видимости.

– Очень романтично.

По брусчатке они спустились к пляжу. По кромке песка росла жесткая зеленая трава, кое-где пробиваясь сквозь доски «променада». Море – до самого горизонта – было ласковым, изумрудным, тихим. Редкие облака стояли над ним, снизу подсвеченные синим. Солнце иногда заходило за синее облако, и сразу становилось холодно, налетал стремительный ледяной ветер.

Василию Васильевичу нравились трава в песке и ветер.

– Вы правда из Бухары? – спросила Софья, прижимаясь к нему округлым плечом.

Меркурьев вздохнул:

– Я работаю в Бухаре.

– Зачем вы там работаете?

Он опять вздохнул.

– Затем, что мне предложили там работу.

– А в Москве не предлагали?

– В Москве не строят газопроводов.

– Ну, – сказала Софья покровительственно, – какие глупости. В Москве можно найти любую работу.

– По моей специальности вряд ли.

– Я бы ни за что не уехала из Москвы, – промурлыкала Софья. – Вот, знаете, даже в Испанию не уехала бы! У нас многие девчонки вышли замуж и сейчас живут в Европе. А я не хочу! Что там делать, в Европе? Москва – это жизнь, ритм, скорость!..

– Возможно, – согласился Василий Васильевич, рассматривая пики травы у себя под ногами и слушая крики чаек. – Я давно там не был, точно сказать не могу.

– Нет, только в Москве, – настаивала Софья. – Только там можно реализовать себя. И не скучно! Развлекайся с утра до ночи. Все к твоим услугам.

– Тут уж одно из двух, – сказал Василий Васильевич. – Или реализовывать себя, или развлекаться. Совместить это никак невозможно.

– Почему?

Вести с ней умные беседы ему не хотелось. С той, в шелках и мехах, хотелось, а с этой нет. И он сказал, что для того, чтоб реализовать себя, нужно много и упорно трудиться, а когда много и упорно работаешь, развлекаться некогда.

– Какой вы зануда, – резюмировала Софья. – Вы самый настоящий зануда, но милый.

– Милый, чо? Милый, чо навалился на плечо? – пропел Меркурьев и спохватился. – Это я просто так. Это шутка.

Софья выдернула у него руку, присела, сорвала некое подобие ромашки и воткнула себе за ухо.

– Мне идет?

Меркурьев смотрел вдоль пляжа, а на Софью не смотрел.

– Во-он там, – он показал рукой. – Там, кажется, наша Антипия, да?

– Посмотрите на меня, – потребовала его спутница. – И скажите, мне идет?

– Что? – Меркурьев посмотрел, ничего не заметил и на всякий случай сказал, что это исключительно красиво. – Она, должно быть, тоже гуляет.

Заклинательница духов шла вдоль моря по самой линии прибоя. Развевались ее бирюзовые и зеленые одежды, подсвеченные солнцем, как будто вдоль моря катился громадный сверкающий изумруд из кольца Кристины.

– Марьяна Витальевна! – закричал Меркурьев, когда они поравнялись. – Ноги не промочили?!

Антипия издали помахала им рукой и пошла дальше.

– Почему вы так ее называете?

– Потому что так ее зовут.

– Марьяна?! – переспросила Софья и фыркнула. – Всего-то?! А эту, которая сегодня приехала? Ну, которая сидела на террасе, вся такая сделанная и с красными губами? Неужели не заметили?

– Заметил.

– Как ее зовут?

– Лючия! – провозгласил Василий Васильевич. – Так она себя называет.

– Час от часу не легче, – пробормотала Софья. – Та Марьяна, эта Лючия...

– Ничего не поделаешь, – сказал Василий Васильевич, Софья его раздражала. – Здесь вам не Москва.

– При чем тут это?

Василий Васильевич и сам не знал.

– Вы не читаете труды Канта? – спросил он.

– Зачем? – удивилась Софья.

Этого Василий Васильевич тоже не знал.

– На столе в вестибюле лежит книга «Философия Канта». Интересно, кто ее читает?..

– Не я, – и Софья вновь взяла его под руку. – Знаете, я не люблю старье. Стариков терпеть не могу! Старые фильмы никогда не смотрю, старых книг не читаю. Только новые!..

– Новые книги – это какие?

– Вы отстали от жизни в этой вашей Бухаре, – засмеялась Софья. – Сейчас выходит масса новинок! По развитию личности, всякие тренинги, эзотерика, по истории тоже! Вот вы, например, знаете, что всего цивилизаций на нашей планете будет семь? Атланты – одна из прошлых, и она же возродится в будущем. Атланты по счету третья. А у нас сейчас пятая. – Тут она охнула, как отличница, допустившая на экзамене ужасный промах в элементарном вопросе. – Боже, что я сказала! Сейчас четвертая, а не пятая! Мы живем в четвертой цивилизации, а всего будет семь.

– семью семь, – сказал Василий Васильевич, – сорок девять.

– И те, прошлые, были гораздо, гораздо цивилизованнее нас! Они умели летать без всяких самолетов, проходить сквозь стены, лечить любые болезни. Нам до них еще далеко. Они и в космос летали, и с инопланетными пришельцами общались. Правда-правда! Сохранились разные свидетельства. Этим свидетельствам шестьдесят миллионов лет, их от нас специально скрывают правительство и спецслужбы.

Василий Васильевич на всякий случай уточнил:

– Все это пишут в новых книгах?

– Конечно! – с энтузиазмом согласилась образованная Софья. – Это очень интересно читать! В интернете есть специальные сайты для любителей альтернативной истории, я на всех бываю и на всех авторов подписана.

– Такое чтение, – изрек Василий Васильевич, – должно быть, очень расширяет кругозор.

– Вот вы говорите как старик! Как будто брюзжите! Но вы же еще молодой!

– Я пожилой. В душе.

– Да ладно вам кокетничать!.. А не верите вы, потому что читаете только этого вашего Канта!..

– Канта без подготовки читать невозможно, – заметил Меркурьев.

– Что значит невозможно?

– Я ничего не смыслю в философии. Не знаю, что такое трансцендентальная эстетика. Не понимаю метафизического толкования пространства. Способ открытия чистых рассудочных понятий мне неведом. Логическая форма всех суждений, состоящая в объективном единстве апперцепции содержащихся в них понятий, для меня загадка.

– Про это Кант писал? – недоверчиво уточнила Софья.

Меркурьев кивнул.

– Он что, дурак? Зачем такую ерунду писать?! Ему что, заняться было нечем?

– А вот и маяк! – вскричал Василий Васильевич, задрал голову и посмотрел. – Надо же, какой высокий, издалека мне казалось, что он гораздо ниже.

– Как же мы к нему пролезем? – спросила Софья, отвлекаясь от критики Канта. – Прямо по песку, что ли? Я думала, к нему мостки проложены.

– Придется по песку. Можно, конечно, вернуться и попробовать подойти со стороны леса, но можно и здесь.

Он спрыгнул с досок «променада» на влажный плотный песок и подал Софье руку. Она оперлась и тоже спрыгнула. Вид у нее был недовольный.

– Там камни, – сказала она, глядя в сторону маяка. – Мы что, будем по ним карабкаться?..

– Интересно, когда его построили? – спросил Меркурьев. – Лет сто назад? Или двести?

– Э-эй! – закричала издалека Антипия-Марьяна. – Вы наверх? Подождите, я с вами!..

– Ждем! – прокричал в ответ Василий Васильевич и сам у себя спросил: – Может, это она в вестибюле читает Канта? Или хотя бы знает, когда был построен маяк?

– Дался тебе этот Кант! – с сердцем сказала Софья.

Антипия подходила, одежды ее развевались на ветру, и по песку рядом с ней бежал изумрудный отсвет. Она подошла, взяла Меркурьева за руку и высыпала ему в ладонь мелкие, как пшеничные зернышки, желтые камушки.

– Янтарь? – спросил Меркурьев, пересыпая камушки из руки в руку. Они приятно шелестели.

Антипия кивнула. Щеки у нее горели от ветра, и блестели карие глаза.

– Виктор Захарович сказал, что после штормов янтаря всегда бывает много. Я вышла и вон сколько набрала.

– Ерунда какая-то, – сказала Софья, поглядывая на камушки. – Я где-то читала, что янтарь – это отвердевшая смола. Вроде в старину в море падали какие-то сосны, смола затвердевала, и из нее получался янтарь. Так и было написано!..

Меркурьев промолчал, и Антипия промолчала тоже.

– Я только не понимаю, кому она нужна, смола! Ну, если это и вправду смола. Не бриллиант, не изумруд!.. И еще про какую-то комнату из янтаря я читала. Вроде она пропала и все ее ищут. Как из него может быть комната, если он такой мелкий? В комнате должны быть

стены, полы, потолок! Как могла пропасть комната, я не понимаю?! Ну вот в квартире – было три комнаты, а стало две, что ли?

– Ну, – сказал Меркурьев бодро и ссыпал янтаринки в подставленную ладонь Антипии. – Попробуем забраться? Я вам буду помогать.

– Да мы уж надеемся, – пробормотала Софья, а Антипия опять ничего не сказала.

По очереди – Меркурьев возглавлял, Антипия замыкала – они забрались по валунам к подножию старого маяка. Первым забирался Меркурьев, утверждался на валуне, осматривался, куда в случае чего можно прыгнуть, потом за руку втягивал одну и вторую даму. Как это ни странно, Антипия забиралась легко и ловко, несмотря на одежды, которые ей мешали, а Софья с трудом, раздражаясь все больше и больше.

На мысу ветер был гораздо сильнее, чем внизу, на пляже. Он срывал со слабых волн мелкую водяную пыль. Пыль висела в воздухе, и в ней дрожала и переливалась радуга.

– Как здорово! – закричала Антипия, увидев радугу. – Смотрите, ребята, какая красота!..

– Да уж, конечно, – пробормотала Софья. – Ничего не скажешь! А то мы радуги никогда не видали!..

Меркурьев, задрав голову, рассматривал серые могучие стены, сложенные из неровных камней, черепичную крышу, кое-где темневшую пятнами дыр. Балкон с полуразвалившейся решеткой опоясывал маяк на неизмеримой высоте. На одной из уцелевших секций решетки сидела белая чайка.

– Где-то должен быть вход! – сквозь ветер прокричал Меркурьев. – Может, поищем? Вдруг он не заколочен?

– Я туда не пойду! – закричала в ответ Софья. – Еще свалится что-нибудь на голову или чайка наделает!.. Отмывайся потом!..

Какая умная, дальновидная и предусмотрительная девушка, подумал Василий Васильевич ни к селу ни к городу. Должно быть, станет хорошей женой и матерью!..

Он пошел по каменной террасе вокруг маяка. Ветер рвал полы куртки, трепал капюшон так, что казалось, он вот-вот оторвется. Василий Васильевич накинул капюшон на голову, ветер тут же его сорвал. Меркурьев рассердился, натянул капюшон и накрепко стянул завязки.

Сразу стало тихо, словно уши заложило.

Все ему нравилось – каменные валуны, радуга, качавшаяся в брызгах, сильный ветер, чайка, солнечное небо, языки песка, которые намело между валунами.

Вдруг кто-то взял его за руку. Он остановился и оглянулся.

– Нам туда нельзя, – проговорила Антипия. Она придерживала под подбородком изумрудный платок, который рвал ветер. Глаза у нее были дикие. – Мы не должны туда ходить.

– Куда?!

Она подбородком показала куда-то.

– Чего мы встали?! – Софья, тяжело дыша, приблизилась к ним, нагнулась и уперлась руками в колени. – И вообще, зачем мы сюда лезли?! Кто-нибудь знает? Нельзя, что ли, с пляжа посмотреть?

– Не ходи туда, – сказала Меркурьеву Антипия.

– Девочки, не нервничаем! – призвал он. – Мы сейчас обойдем маяк и вернемся в гостиницу.

– Стой, не ходи!..

Но он уже скорым шагом шел по каменной террасе. Ветер рвал полы куртки и капюшон. Под кроссовками скрипели песок и мелкие камушки.

Василий Васильевич перепрыгнул канавку, размытую дождями, и приблизился к серой, наглухо закрытой двери с двумя поперечными перекладинами. Дверь была укреплена проржавевшими железяками, и казалось, что она не открывалась много лет.

Меркурьев потянул чугунное кольцо, заменявшее дверную ручку, и дверь подалась так неожиданно легко, что он чуть не завалился на спину.

– Туда можно войти!..

Он заглянул. Внутри царил полумрак, и после солнца и ветра трудно было различить что-нибудь определенное. Василий Васильевич оглянулся. Со стороны моря подбегала Антипия, куда-то показывала рукой.

– Что? – Василий Васильевич посмотрел, куда она показывала, и ничего не увидел. – Что такое?!

– Посмотри!..

Меркурьев аккуратно прикрыл тяжелую дверь и посмотрел.

Он увидел лакированные ботинки – среди кустов желтой травы, – и удивился, кому пришлось в голову лежать в траве в ноябре месяце. Затем он увидел задравшиеся брюки, а следом неестественно вывернутую руку в песке. Ладонь была голубоватого цвета, и эта вывернутая ладонь все ему объяснила.

Он понял как-то сразу, моментально, – у подножия маяка в траве лежит мертвый человек. Преодолевая страх, Василий Васильевич подошел и посмотрел.

Один из тех двоих, что вчера пировали в гостиной островерхого дома и пели «Ах, какая женщина, какая женщина!», лежал на спине, уставившись в небо стеклянными глазами. Одна рука вдоль тела, вторая выгнута под каким-то странным углом. Он был в костюме – как вчера, – рубаха распахнута на пузе, пуговицы отлетели, и видно было волосатый, абсолютно белый живот.

Антипия быстро и жарко дышала Василию Васильевичу в ухо.

– Что вы там нашли? Опять янтарь какой-нибудь?

Софья подошла поближе, вытаращила глаза и громко сказала:

– Ой! – Подумала и добавила: – Мы же его знаем! Это тот, вчерашний! А чего он здесь лежит?

– У кого телефон с собой? – спросил Василий Васильевич будничным голосом. – Я свой в комнате оставил. Надо бы позвонить.

– У меня, – Софья достала телефон. – Куда звонить? Нет, а чего он лежит?

– Он умер, – объяснила Антипия, Софья засмеялась:

– С перепою, что ли?.. Такие, как он, просто так не умирают! Эй! Вставай! – Она немного подвинула Антипию, нагнулась и потрясла лежащего за плечо. Потом оглянулась.

– Чего это с ним?

– Он умер, – повторила Антипия.

– Почему?!

– Видимо, свалился с маяка, – нетерпеливо сказал Василий Васильевич. – Можно мне телефон?

Софья сунула ему трубку и еще раз посмотрела на лежащего.

– Слышь, мужик, – она ткнула его в бок носком ботинка. – Вставай. Или ты правда помер? А это который из них? Их же двое было!

– Я не знаю, – прошелестела Антипия.

– Отделение? – между тем говорил в трубку Василий Васильевич. – Моя фамилия Меркурьев. Возле заброшенного маяка мы обнаружили труп. Да, самый настоящий. Нет, просто человек лежит, и все. Хорошо. Ждем.

Он вернул Софье мобильный и сказал:

– Сейчас приедут.

– Откуда вы взяли телефон отделения? – строго спросила Антипия, словно подозревая Меркурьева в обмане. Он взглянул на нее и ответил неохотно:

– В интернете. Я же не ясновидящий! Я могу только в интернете посмотреть, проще простого!

Солнце прикрылось облаком с синим днищем, и сразу стало холодно, море потемнело, мокрый песок оказался серым, а не золотым.

Антипия нагнулась над телом и зачем-то полезла в карман пиджака покойного.

– Не нужно ничего трогать, – сказал Василий Васильевич, искоса на нее взглянув.

– Мне надо.

Меркурьев не стал ее останавливать. Зачем?.. Он сунул руки глубоко в карманы куртки, поднял плечи – ему неожиданно стало холодно – и стал смотреть на море.

Который из двух – Александр Федорович или Иван Николаевич?

Вчера ночью это тело было вполне жизнерадостным свином. Свин весело хрюкал, опрокидывал водочку, громко пел, выел огромный кусок заливной рыбы и ликовал при виде подноса с шашлыками.

Сейчас он лежит в бурьяне – невидящие глаза распахнуты в небо.

Как это возможно? Почему так получилось?

Софья взяла его за локоть, он повернулся и стянул с головы капюшон.

– Я здесь не нужна, наверное, – сказала она совершенно спокойно. – Вы его нашли, вы и объясняйтесь. Я ничего не видела.

Меркурьев кивнул.

– Я пойду, да?

Он опять кивнул.

– Как ты думаешь, – повеселев, спросила Софья, – лучше по променаду или по шоссе? Они же из поселка приедут, значит, лучше по пляжу, да? Чтобы на них не наткнуться.

– По пляжу лучше, – согласился Василий Васильевич.

– Ну все, тогда я побегу, – быстро сказала она и поцеловала его в щеку. – Как-то неудачно получилось, да? Завтра опять гулять пойдем, только в другую сторону!

Софья кокетливо погрозила ему пальцем, обежала вокруг маяка и стала аккуратно спускаться по насыпи из валунов. Среди серых камней мелькала яркая куртка.

– Зачем ты ее отпустил?

Меркурьев опять натянул капюшон.

– Она все равно не осталась бы, а шуму было бы много. Что ты искала у него в карманах?

– Ничего, – фальшиво ответила Антипия. – Я просто посмотрела.

– На месте происшествия ничего нельзя трогать. Тем более лезть в карманы трупа!..

– Я заглянула, – повторила она упрямо. – И все!..

И они стали вместе смотреть на море. Ветер трепал и рвал ее бирюзовые одежды.

– Откуда ты узнала, что там мертвое тело? – Меркурьев сбоку взглянул на Антипию. – Ты говорила – нам туда нельзя, не ходите!.. Ты что, уже видела его?

– Я проводник между мирами, – заявила Антипия веско. – Я вижу то, чего не могут видеть остальные. За старым маяком я увидела смерть!

– Что ты мне сказки рассказываешь!

– Можешь не верить, но так и есть.

– Ясно. И на всякий случай порыться у него в карманах тебе тоже велели духи, – заключил Василий Васильевич. – Который из них? Иммануила Канта или королевы Брунгильды?

– Ты ничего не понимаешь, – отчеканила Антипия. – Как все люди, ты косный и ограниченный человек.

– Это точно. И как косный и ограниченный, я обязательно скажу эмвэдэшникам, что ты рылась у него в карманах и заранее знала, что мы найдем труп.

– Ты волен говорить им все, что угодно.

– И скажу, – мстительно пообещал Василий Васильевич.

Они стояли довольно долго и совершенно замерзли, Антипия принялась сморкаться и утирать мокрый холодный нос бирюзовым носовым платком, а у Меркурьева на глаза наворачивались слезы, когда за спиной коротко взвыла сирена. Они синхронно вздрогнули и оглянулись.

Антипия уронила бирюзовый платок.

Позади них, утопая покрывками в песке, стоял белый «фордик» с синими полосами и надписями на бортах. Двери открылись, из них выходили люди.

– Пойдем поговорим, – сказал Василий Васильевич хмуро.

И – он впереди, она за ним – они двинулись к машине.

Было почти темно, когда «Форд», прошуршав колесами по липовой аллее, высадил Меркурьева и Антипию под чугунным козырьком крыльца.

Меркурьев, у которого зуб не попадал на зуб, вылез первым, позабыв о том, что должен быть галантным, и, нагнувшись к окну, сказал водителю в форме:

– Подожди, парень, не уезжай, я только за кошельком сбегая!..

Антипия тоже выбралась и торчала рядом, держа себя за локти. Она так сильно тряслась, что все ее одежды колыхались.

– Иди внутрь, – велел ей Меркурьев.

– Не суетись, мужик, – весело ответил парень. – Давай водки накати и спать ложись! Не нужно мне никаких денег!..

– Ты ж нас довез! Мы бы автобуса до завтра ждали!

– Я вас по дружбе довез, – засмеялся парень. – Главное что? Главное – «глухаря» не поймали! Я бы тебя за такое до Москвы довез! Все ясно – набрался крендель в зюю, залез на башню и наверхнулся! Дело открыто, дело закрыто! Одно удовольствие, когда такие показания дают! Все, бывай, мужик, мне тоже домой охота!..

В два приема он развернулся на брусчатке и покатил по гравию. Перед поворотом красным светом полыхнули тормозные огни его машины, и «Форд» свернул на шоссе.

– Набрался в зюю, – повторил Василий Васильевич задумчиво, – наверхнулся, дело закрыто.

– Так и есть, – простучала зубами Антипия.

– Иди в дом. Ты в этих лохмотьях, наверное, все места себе отморозила.

– С-сари, – вся трясясь, выговорила Антипия. – С-с-с-самая удобная одежда во Вс-селенной.

– Не только самая удобная, – согласился Василий Васильевич, – но и самая подходящая для нашего климата!..

Он взял проризательницу за ледяную руку, потащил за собой и втолкнул в дом.

В вестибюле горел свет – теплилась желтым светом неяркая люстра – и полыхал камин. Василий Васильевич весь, с головы до ног, моментально покрылся «гусиной кожей».

Антипия, как сомнамбула, подошла к камину, стала перед ним и вытянула руки ладонями вперед.

– Нужно переодеться и поесть. Пошли! – скомандовал Василий Васильевич.

– Я пока постою, – проблеяла Антипия. – Я что-то немного... устала. Погреюсь тут.

Меркурьев подошел и вновь потянул ее за руку.

– Нужно одеться, – сказал он ей в лицо. – И обязательно поесть! Лучше всего горячего мяса. И водки выпить.

– Я вегетарианка. И водку не пью.

– Кто не курит и не пьет, – продекламировал Василий Васильевич, – тот здоровеньким помрет. Пошли. Ты же по соседству со мной живешь?

Она кивнула.

Из гостиной доносились голоса, и Меркурьеву показалось, что среди них он различает голос утреннего гостя, но заходить не стал.

Когда они уже были на лестнице, двери распахнулись, и показалась Нинель Федоровна с подносом, уставленным стаканами.

– Василий Васильевич! Мура! – Домоправительница поискала глазами, куда пристроить поднос, приткнула на овальный столик с цветочной вазой и всплеснула руками. – Господи, почему так долго?! Что там с вами делали, в отделении?!

– Все в порядке, – мужественным голосом сказал Меркурьев.

– Они от нас в два часа дня уехали, всех опросили, да и ладно! А вас все нет и нет! Я вся извелась!..

– Нинель Федоровна, нам бы поесть и выпить.

– Ну, конечно! Господи, сейчас все, все будет! Я утку специально никому не давала, для вас берегла!.. Мурочка, может, чайку горяченького в комнату подать? Я сейчас организую, моментально!

Антипия, крепко держась за перила, продолжила восхождение.

– Почему вы называете ее Мурой? – ни к селу ни к городу поинтересовался Меркурьев.

Нинель Федоровна секунду соображала.

– Как – почему?! Ее имя Марьяна, значит, Маша, но не до конца Маша! Мара, Мура!.. Она и не возражает. Мура! – прокричала Нинель Федоровна, задрав голову вверх. – Ты не возражаешь?!

В ответ только хлопнула дверь.

– В общем, она не против. Скорей одевайтесь и спускайтесь, Василий Васильевич! К утке что подать? Рис? Овощи? Может, поленту?

Меркурьеву показалось, что Нинель Федоровна пребывает в прекрасном расположении духа, не то что вчера или сегодня утром.

Что-то изменилось? Дом больше не продается, потому что один из покупателей свалился с маяка и убится до смерти? Или хозяин передумал продавать?

Или ему просто показалось?..

После дня в отделении – всевозможные вопросы, бумажки, протоколы, снова вопросы и бумажки, ожидание на продавленных стульях в холодном коридоре – Меркурьева не держали ноги. Он готов был даже от утки отказаться! Залезть бы сейчас в горячую ванну, погреться как следует, а потом спать, спать, но ему нужно было кое-что уточнить, и непременно сегодня.

Сотрясаясь всем телом, как при лихорадке, он стянул одежду, влез под душ и торчал под струями кипятка, пока мог терпеть. Потом вытряхнул из сумки барахло – прямо на пол. Получилась безобразная куча. Василий Васильевич порылся в куче, как собака в помойке, достал штаны – вельветовые, мягкие, любимые, – футболку и теплую кофту на пуговицах. Он быстро напялил одежду, поискал еще носки, не нашел и решил – наплевать.

Он уже почти вышел в коридор, но вид кучи, освещенной с одного боку электрическим светом, заставил его вернуться.

Одежду ему стирала и гладила Асмира. За это он платил ей большие деньги – рублей двести за всю кучу. В Бухаре это считалось солидным приработком, и многодетная степенная Асмира очень старалась. Перед отъездом в отпуск Василий Васильевич отнес ей одежду, она через день вернула – ровными стопками, вычищенную, выглаженную, кое-где даже пуговицы пришиты.

Теперь вся работа Асмиры валялась на полу – никому не нужная, словно попанная.

Меркурьев вернулся и принялся складывать вещи на диван.

«Я завтра все разберу и развешу, прямо с утра, – поклялся он себе. – Нет, с утра пойду бегать, а потом все разберу и развешу!»

Последними ему попались носки – кажется, Асмира носки гладила тоже, – и он с наслаждением натянул их на замерзшие ноги.

Итак, утка, водка и разговоры. Вперед!..

Общество собралось в гостиной, и Виктор Захарович был там, и Нинель Федоровна, и утренний гость – на этот раз без шляпы и саквояжа, в старомодном трехпуговичном пиджаке, похожем на сюртук, и нелепом галстуке. Лючия сидела в кресле возле камина, рядом маячил Стас, и было件нятно, что за этот день он стал ее рабом. Стас то и дело взглядывал на красавицу, и если кто-то случайно закрывал ее от его взоров, сердился, вытягивал шею или пересаживался так, чтобы ее видеть. Он подносил ей то воду, то пепельницу – коричневая сигарета была заправлена в длинный янтарный мундштук, – то поправлял съезжавшее на пол меховое манто, уже другое, не утреннее.

Василий Васильевич, поглядывая на парочку, даже немного пожалел, что пропустил процесс обращения бородатого компьютерщика в раба.

Кристина сидела на диване подле утреннего гостя, вид у нее был увлеченный, глаза блестели – натуральная мышь!.. Гость отечески ей улыбался и слушал, наклонив в ее сторону ухо.

Софья листала модный журнал, лицо недовольное – на нее никто не обращал внимания.

– Василий, скорей, скорей, – увидев его, заторопилась Нинель Федоровна. – Здесь поужинаете или в столовую подать? Может, в тишине хотите побыть?

– Рюмочку? – влез Виктор Захарович. – Нинуль, у нас там замороженная вроде есть, не всю эти архаровцы выпили. Ах ты, мать честная, как вспомню, что один из них... того... а вчера еще...

– Ты погоди, Виктор Захарович, – зашепила домоправительница, – не действуй людям на нервы, и так все на взводе. Без тебя знаем, что вчера было и что сегодня сделалось! Так сюда подать или в столовую, Васенька?

– Конечно, сюда, что вы спрашиваете?

– А водочки?

– И водочки, Виктор Захарович!..

– Вот молодец!

Лючия выглянула из-за Стаса, который полностью перекрывал обзор, и обратилась к Василию Васильевичу:

– Что там было? Рассказывайте все!

Ну что за голос!.. Меркурьева по спине продрал мороз, и руки покрылись «гусиной кожей».

– Да я сто раз уже рассказывала, – недовольно сказала Софья и с силой перелистнула гляцевую страницу. – Мы подошли к маяку, а он лежал в траве, совершенно мертвый.

– Вас там не было, – перебила Лючия. – Вы сразу же вернулись.

– Это вас там не было! – огрызнулась Софья. – А я была! И все рассказала – и ментам тоже, когда они сюда приехали!

– А который из них... погиб? – спросил Меркурьев Виктора Захаровича, который вошел с бутылкой, покрытой морозной пленкой, и теперь возился возле буфета. – Я знаю, что Иван Николаевич, но... который из них?

– Который утром похмелялся, жив-здоров и снова запил, – сообщила Кристина. – А свалился второй.

– Это понятно, – сказал Меркурьев. – Просто я вчера плохо их разглядел.

– Погиб тот, который сильнее шумел и громче пел, – наконец догадалась объяснить Нинель Федоровна, ловко расстилая на столе льняную салфетку и расставляя тарелки и приборы. – Царствие ему небесное.

– Если позволите заметить, – подал голос утренний гость, – мы слишком много времени уделяем покойному. – Меркурьев внимательно посмотрел на него. – Кончина молодого чело-

века, разумеется, составляет большой ущерб для его домашних и сферы его деятельности, но мертвых нужно оставлять покоиться с мертвыми.

– Еще вы нас поучите, – пробормотала Софья, – а то некому!..

– Он в самом деле упал с высоты? – спросила Лючия.

Василий Васильевич кивнул.

– Когда? Ночью?

– Мы нашли его около одиннадцати утра, – сообщил Меркурьев. – В отделении сказали, что он пролежал уже часов семь. Да это не первый случай!.. Они говорят, оттуда время от времени кто-нибудь падает. То пьяные, то скалолазы, то разгильдяи, которые лезут селфи делать. Лестница в хорошем состоянии, забраться наверх можно. Дверь регулярно заколачивают и так же регулярно ломают.

– Завалить бы вход надо, – пробормотал Виктор Захарович. – Ну, давай, Василий Васильевич, тяпнем по маленькой! Кто с нами?

Стас сначала посмотрел на Лючию и только потом сказал, что не хочет, утренний гость тоже отрицательно покачал головой, сделав любезное лицо.

– Благодарствуйте, – сказал он. – В такое время суток от крепких напитков можно излишне разгорячиться. Перед сном это нездорово.

– А ты туда сам заходил? – спросила Кристина. – Ну, внутрь! Я, между прочим, тоже хотела на самый верх забраться и окрестности пощелкать, но теперь не полезу, конечно.

– Да ничего там нет интересного, – фыркнула Софья. Вид у нее делался все более раздраженный. – Камни и пылица! И чайки гадят. Там кругом чайки полоумные летают.

– А компаньон покойного до сих пор здесь? – спросил Меркурьев.

– Жуткое дело! – подхватил Виктор Захарович. – Как узнал, что друг его погиб, в лице изменился, весь позеленел...

– Мы «Скорую» хотели вызывать, – вставила Нинель Федоровна.

– И сразу начал виски пить, – продолжал хозяин. – Когда из отделения приехали, он еще на ногах держался, в потом уж все. Но связно рассказал: мол, договор приехали подписывать, загуляли немного, он сам спать пошел, а товарища, видно, на подвиги потянуло, вот он и свалился. Плакал, что не уберег.

Лючия вдруг усмехнулась, коричневый тонкий мех стек с подлокотника на паркет. Стас кинулся, поднял и подал так осторожно, словно меховая накидка была частью прекрасной Лючии.

– Документы свои показал, все бумаги подписал, а как уехали полицейские, так он виски прямо из горла залпом допил.

– И еще бутылку попросил, ноль семь, – поддержала Нинель Федоровна. – Я ему в комнату отнесла. С тех пор не выходит, пьет. А может, заснул, не знаю. Ну, садись, садись, Василий Васильевич!

Перед Меркурьевым оказалась чашка прозрачного, как слеза, бульона. От чашки поднимался пар. К бульону прилагались сухари и половинка сваренного вкрутую яйца. Василий Васильевич зажмурился от предвкушения, голодная слюна не помещалась во рту.

– Что ж это Мура не идет? – сама у себя просила Нинель Федоровна. – Или подняться к ней, что ли?

Василий Васильевич глотал бульон, время от времени возводя глаза к потолку, обжигаясь и облизываясь – так ему было вкусно.

– И все же, – подала голос Лючия. – Что там на самом деле случилось?

Меркурьев перестал хлебать, Виктор Захарович разливать, Нинель хлопотать, Софья читать, а Кристина и гость беседовать.

Все уставились на красавицу.

– Что вы на меня так смотрите? – осведомилась она. – Я что-то не то спросила?

– Вы спросили, что там случилось, Лючия, – подсказал Стас, как видно наслаждаясь звучанием ее чудесного имени.

– Ну да. – Она обвела взглядом всю компанию. – Вы же все понимаете, что этого человека убили.

Воцарилась тишина.

– Убили? – переспросила Кристина. – Почему убили?

– Ну, конечно, убили, – повторила Лючия, улыбаясь. – Мы ведь не можем всерьез поверить в то, что он зачем-то среди ночи полез на старый маяк, упал и разбился.

– Мы верим, – пробормотала Нинель. – Как же нам не верить?..

– Стас, – попросила Лючия, – сделайте мне глоток кофе.

Стас подскочил и помчался.

«Глоток кофе» – это красиво, подумал Василий Васильевич. Сказано что надо!

– У правоохранительных органов нет никаких сомнений, – на всякий случай сказал он. – Был пьян, залез наверх и упал.

– Ах, к чему нам какие-то органы?.. Конечно, его убили.

– Это всего лишь предположение, – подал голос с дивана утренний гость, – умозаключать мы не можем, не располагая необходимыми сведениями.

– Я как раз пытаюсь их заполнить, Емельян Иванович, – Лючия снова улыбнулась. – Наш герой наверняка ими располагает, но отчего-то не хочет делиться.

Василий Васильевич наклонился к домоправительнице и уточнил тихонько:

– Как-как его зовут?

– Емельян Иванович, – почти по буквам выговорила Нинель Федоровна ему в ухо. И, отодвинувшись, громко спросила: – Как вам бульон? Добавку или нести утку?

– Утку, – решил Меркурьев.

Загадочные замечания загадочной красотки как-то отвлекли его от земных радостей вроде водки и утки.

Она что-то знает? Или играет на интерес? Привлекает к себе внимание? Или пытается на что-то намекнуть?

И вообще – кто она такая? Откуда взялась? Зачем приехала?

Все эти вопросы, отрезвляя, пролетели у Меркурьева в голове, как порыв ледяного балтийского ветра.

– Оставим иллюзии тем, кто готов ими питаться, – продолжала Лючия, играя своей меховой накидкой. – А сами попробуем установить истину.

– Какую же истину вы хотите установить, милая фрейлейн? – осведомился гость, неожиданно оказавшийся Емельяном Ивановичем. – В вещах и явлениях нет ничего устойчивого, в них не заключена истина. Всякое знание есть только способ отражения действительности в человеческом разуме.

– Чушь какая! – фыркнула Софья. – Стас, дай мне тоже кофе, что ли! Хотя он тут слишком крепкий, я потом не засну.

– Так давать? – спросил Стас. – Или не давать?

– Позвольте, – с улыбкой продолжал Емельян. – Мысль о том, что человек есть мера всего сущего, не содержит ничего кощунственного. Она еще в древности была высказана греческим философом Протагором.

– Каких-то философов приплели на пустом месте, – сказала Софья с досадой, захлопнула журнал и кинула его на столик. – То Кант, то Протагор, еще чище!.. Стас, лучше чаю налей. Духов вызывать и то веселее! Где эта колдунья? Может, вызовем?

Лючия поднялась с кресла, подошла к камину и взяла с мраморной полки коробок спичек. Пляшущее пламя освещало ее всю, от остроносых тифлек до плотных, как у камеи, волос. Все смотрели на нее, и она знала, что смотрят.

– То есть вы ничего не расскажете, правильно?

Меркурьев, на которого она уставилась, внезапно для себя покраснел.

Покраснел он тяжело, густо, весь залился свекольным цветом, шее стало жарко, и зашумело в ушах.

Лючия не отрывала от него глаз.

– Нет, я готов, – пробормотал Василий Васильевич непослушными, набрякшими губами. – Только не знаю, что вам рассказать.

– Правду, – настаивала Лючия. – То, что было на самом деле.

– Мы нашли тело и целый день провели в отделении, – сообщил Меркурьев правду. – Все.

Она опустила глаза, и он смог передохнуть.

– Ну, как хотите, – проговорила красавица. – Я сама попробую узнать правду.

– Для этого необходимо свободное познание, – снова вступил Емельян Иванович. – Но как только пытливые силы духа устремляются вдаль и самые недостижимые цели с неотвратимой властью притягивают к себе человеческий ум, он сразу же забывает об ограничениях своих способностей и препятствиях, поставленных природой.

– Вы хотите сказать, что мне не хватит ума? – уточнила Лючия, а Софья захохотала.

– Милая фрейлейн, я говорю, что потребно время и умственное усилие, чтобы разобраться в любом предмете. Даже при кажущейся его простоте.

Василий Васильевич встал.

– Куда?! – закричала на него Нинель Федоровна. – Я утку несу!

– Я на секунду, – пробормотал Меркурьев и выскочил в коридор.

Здесь было почти темно – горел всего один торшер – и холодно.

– Что такое? – сам у себя спросил Василий Васильевич и потер лицо. – Колдовство какое-то!..

Он оперся обеими руками о резной столик и постоял так некоторое время. Прямо перед ним восстала картина, но он не понял, что на ней изображено.

Постояв, он пошел в сторону вестибюля. Там света не было вовсе, только плясали слабые отблески пламени. В камине догорали дрова.

Василий Васильевич пересек дубовый холл, подергал двери – они были заперты – и подошел к столику, на котором лежала «Философия Канта».

Он точно помнил, что утром закрыл ее, но сейчас книга была открыта и лежала страницами вниз.

– Пятьдесят седьмая, – произнес Василий Васильевич вслух. – Итак, философ не испытал в жизни ни сильных страданий, ни сильных радостей, которые приносят с собой страсти!

Перевернул ее, посмотрел.

«Философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий». Все верно.

– И долго это будет продолжаться? – требовательно спросил Меркурьев у книги. – Ты что, издеваешься надо мной?!

– Тише, – произнес незнакомый голос совсем рядом. – Что ты шумишь?

Василий Васильевич дернулся от неожиданности, «Философия» свалилась на пол.

– Это не я, – ответил второй голос. – Это он.

– Кто здесь? – очень тихо спросил Меркурьев. Ладони у него стали влажными.

– Никого здесь нет, – сказал первый голос.

– Как же нет, когда есть, – тут же отозвался второй. – Ты двери закрыл?

– За... закрыл, – выговорил Василий Васильевич в темноту.

– Все закрыто, – сказал первый голос. – Гости прибыли.

– Как?! Все?!

– Давно прибыли.

– А камень?

– И камень на месте.

Василий Васильевич мелко и часто дышал.

– С кем вы разговариваете? – спросил он и огляделся по сторонам. – Или я с ума сошел?

– Пойдем отсюда, – предложил первый голос. – Все только начинается, и дел полно. Ты только не суетись!.. Вечно торопыжничаешь!..

– Ты меня не учи, – разозлился второй. – Я как могу, так и действую, а хочешь, делай все по-своему и с меня тогда не спрашивай!

Голоса удалялись, словно уходили по коридору.

Меркурьев заметался.

Он взлетел по чугунной лестнице, она неодобрительно загнула. На втором этаже тоже было темно и тихо, и никого. Он сбежал вниз, обежал вестибюль и выглянул на улицу. Под липами сиял в лунном свете белый «Кадиллак», а больше никого и ничего. Меркурьев кинулся обратно в дом, еще раз обежал вестибюль и коридор – с тем же результатом.

Но он своими ушами слышал разговор! Кто-то вышел из гостиной следом за ним и разговаривал совсем рядом! Если в доме не скрывают еще каких-то людей, значит, разговаривали свои, то есть гости!..

Он заглянул в камин, словно там мог кто-то прятаться, повернулся и в это мгновение увидел.

Густая тень втягивалась в темные двери столовой. Гаснущий свет из камина на миг выделил ее из окружающего мрака.

Василий Васильевич кинулся следом.

Из гостиной доносились голоса и пробивалась полоска света, а в столовой было совсем темно.

Меркурьев перехватил дверь, которая почти закрылась, с силой дернул ее на себя и оказался... нос к носу с незнакомцем.

– Здрассти, – громче, чем нужно, сказал Василий Васильевич, зашарил рукой по стене, нащупал «пупочку» и потянул. Зажегся свет. – Вы кто?! Что вы здесь делаете?!

– Тише, – сказал незнакомец, вернее, незнакомка. – Что ты шумишь?

Только что, несколько секунд назад, в вестибюле кто-то невидимый спрашивал второго невидимого: что ты шумишь?..

– Секундочку! – заревел Меркурьев. – Что здесь происходит?!

– Да тише, – умоляюще выговорила незнакомка. – Ты что, хочешь, чтоб они все сюда прибежали?!

Василий Васильевич перевел дух.

– Так, – сказал он, разглядывая незнакомку во все глаза. – Что это значит?

– Я очень хочу есть, – призналась она. – Но туда, где все, я не пойду. Я их боюсь. Я просто возьму чего-нибудь, вернусь к себе в комнату и съем.

– Н-да, – протянул Василий Васильевич, у которого все еще молотило в груди, – началось в колхозе утро!..

Духовная дочь Сантаны, проводница по тонким мирам, знаток потусторонних сил и последовательница некоего Пуришты, ему неизвестного, переминалась с ноги на ногу и старалась на Меркурьева не смотреть.

Мало того, что она оказалась коротко стриженной блондинкой, мало того, что без густо подведенных глаз и звезды во лбу она выглядела совершеннейшей девчонкой, мало того, что в джинсах и маечке она казалась легкой, как будто бестелесной, так еще вдобавок она шмыгала носом и то и дело утирала его бирюзовым носовым платком – бирюзовость, видимо, призвана была отдавать дань Пуриште!..

Василий Васильевич, много лет проработавший в пустыне и научившийся отличать один бархан от другого и знавший в лицо всех ишаков и верблюдов – этими знаниями и умениями

он снискал необыкновенное уважение среди местного населения, – чувствовал некоторую растерянность.

– Есть, конечно, хочется, – промямлил он, а духовная дочь Сантаны вновь виновато высморкалась. – Там все дают... Нинель Федоровна старается...

– Я туда не пойду без грима.

– Без чего?! А, да. С кем ты разговаривала в коридоре, где камин?

– Я? – Она все-таки посмотрела на него. – Ни с кем. Я спустилась и пошла в столовую.

– Ты говорила: не шуми! И еще что-то про камень. Что за камень? Изумруд?

– Да ни с кем я не разговаривала ни в каком коридоре, – возмутилась преобразившаяся дочь Сантаны, – говорю же! Я спустилась, чтобы добыть еду. Пусти меня, я пойду.

Василий Васильевич почему-то посторонился.

Она шмыгнула носом, выглянула в коридор, покрутила головой и моментально пропала с глаз, словно просочилась в щель между мирами.

Василий Васильевич вышел следом, тоже покрутил головой – никого не было в коридоре – и вернулся в гостиную.

– Василий! – набросилась на него Нинель Федоровна. – Куда ты делся?! Остывает все!

Он посмотрел на Люцию, которая беседовала с Емельяном Ивановичем и не обратила на его возвращение никакого внимания – и хорошо, иначе пришлось бы снова выбегать в коридор! Софья сразу же пристала с вопросами, когда и куда они завтра пойдут гулять, а Стас пошутил, что если во время каждой их совместной прогулки будут находить по трупу, людей не хватит.

Домоправительница поторапливала его, и Меркурьев, раздумывая, уселся за стол. Перед ним на огромной тарелке помещалась приблизительно половина утки, какие-то затейливые овощи, горка риса и что-то еще.

Василий Васильевич стал строить планы, как бы половину от половины переправить последовательнице и проводнице. При мысли о том, что она сидит одна у себя в комнате голодная и простуженная, а они все тут пируют, ему становилось неловко.

Он отломил половину от половины утки и ту, что была с ногой, – самую аппетитную! – потихоньку отложил на хлебную тарелку.

Виктор Захарович налил еще по стопочке. Вид у него был жизнерадостный.

– А ты не охотник, Василий Васильевич?

Меркурьев отрицательно покачал головой. Он ел утку, и ему казалось, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал, сразу забылись ночные голоса, и метания в темноте, и неловкость перед Антипией.

Как ее на самом деле зовут? А, Марьяна, Мура!..

А Люцию как зовут на самом деле? Нужно будет узнать у Захарыча.

– Здесь, в лесу, охотничий домик есть, – продолжал хозяин. – Уж не знаю, кто и когда его поставил, поговаривали, что Фридрих Великий, он знатный был охотник. Мы детьми все туда бегали, надеялись привидения увидеть.

– Это ты к чему, Виктор Захарович? – не понял Меркурьев. Разговаривать о привидениях ему не хотелось.

– К тому, что на охоту можем сходить, – неожиданно заключил старик. – Заодно домик посмотрим.

– Архитектурный шедевр? – спросила Люция и улыбнулась.

Меркурьев жевал.

– Да какой шедевр, так, память старины, – сказал Виктор Захарович.

– А я охочусь, – сообщила красавица, все посмотрели на нее. – И ружье у меня с собой, и снаряжение. Отчего же не сходить, если вы приглашаете!..

«Должно быть, пойнтер тоже с собой, – подумал Меркурьев, – и грум. А лошадь?..»

– Да я вон Василия приглашал, – пробормотал Виктор Захарович.

– Мы его уговорим, – пообещала Лючия. – Вы дадите себя уговорить?

– Я? – переспросил Василий Васильевич как дурак. – Конечно. Уговаривайте.

– Завтра, – пообещала красавица. – Все завтра. Нынче уже поздно.

– Я вот что хотел спросить, – произнес Меркурьев громко. – Никто ночью не слышал, как покойник на улицу выходил? Если он с четырех утра в камышах лежал, значит, вышел сразу после трех. Никто не слышал?

– Охота тебе вспоминать ерунду всякую, – пробормотала Софья. – Какая разница, кто слышал, кто не слышал! У меня вот сон чуткий, от малейшего шороха просыпаюсь, а ничего не слыхала.

– Мы все раньше разошлись, – сказала Нинель Федоровна виновато. – Я сразу после двух ушла, решила, что без меня обойдутся. Витя еще раньше, в полвторого, должно быть. Я им только водки оставила и закуски обновила. Но они уже ни есть, ни пить не могли.

– И двери были заперты?

Нинель с тревогой посмотрела на Виктора Захаровича.

– Заперты, – сказала она, словно вспоминая. – Мы на ночь всякий раз запираем!.. Витя эту запер, в гостиной. А я ту, большую.

– И ночью никто на прогулку не выходил и не возвращался? – спросил Меркурьев у остальных.

Лючия ему улыбнулась. Стас пожал плечами и сделал рожу. Кристина сказала, что спала как сурок – ее пушкой не разбудишь, сон ее решительно не чуток. Емельян Иванович заверил Меркурь_ева, что «ночью потребно спать». А Софья покрутила пальцем у виска.

– Утром я пошел бегать, – сообщил Василий Васильевич. – Весь дом спал. Я вышел через эту дверь, – он кивнул, показывая. – А когда вернулся, запер ее. Ветер был, я подумал: вдруг распахнет? Потом я пошел в вестибюль выпить кофе. В это время прибыл Емельян Иванович.

– Истинная правда, – сказал человек. – Вы были так любезны, впустили меня и предложили чашку чая!..

– И ту, большую дверь, когда позвонил Емельян Иванович, я отпирал. Она была закрыта.

– Ну и что?! – не выдержала Софья.

– Рано утром все двери были заперты. Получается, что за покойником, когда он ночью ушел на маяк, кто-то закрыл дверь. Вот я и спрашиваю: кто?

– Ах ты, мать честная, – пробормотал Виктор Захарович. – А ведь точно! Получается, кто-то запер!..

– Убийца, – равнодушно уронила Лючия. – Он прокрался следом за молодым человеком, убил его, оттащил к маяку, а потом вернулся сюда и закрыл за собой дверь. Убийца – один из нас.

– Будет вздор молоть, – сурово оборвала ее Нинель Федоровна. – На ночь-то глядя.

Лючия легко поднялась и стремительно пошла к выходу. Мех, переброшенный через локоть, волновался и переливался на ходу.

Не дойдя нескольких шагов до двери, она повернулась и приблизилась к Меркурьеву.

Он, принявшийся было за утку, замер с куском во рту.

Лючия слегка дотронулась до его плеча.

– Вы можете мне найти убийцу, – утвердительно сказала она. – Или зло понесется дальше и разлетится по всей Земле.

– Ой-е-ей, – передразнила Софья. – Зло понесется! Вы подумайте!

Лючия еще секунду постояла и стремительно вышла.

Меркурьев длинно, как страус, сглотнул.

– Она здесь тоже в первый раз? – спросила Кристина ей вслед. – Как и большинство присутствующих?

– В первый, в первый, – сказал Виктор Захарович. – Эх, как хороша, глаз не оторвать!
И решительная!

– По-моему, дура какая-то, – фыркнула Софья. – Убийца она будет избличать, видали!
Выдумала ерунду какую-то!

– А двери и впрямь все были с ночи заперты, – продолжал хозяин.

– И утром заперты, – подхватил гость. – А человек выходил!

– Да за ним его собутыльник закрыл, и все дела, – сказал Стас с досадой. – Чего вы придумали на пустом месте детектив?! И менты считают, что ничего криминального, несчастный случай! Оттуда то и дело кто-нибудь падает! С маяка!

Виктор Захарович словно воспрянул духом:

– А ведь так могло быть! Один ушел, другой за ним запер! А я голову сломал, кто ночью по дому ходил! Выходит, никто и не ходил!

Василий Васильевич сказал, что все это очень легко проверить. Завтра надо спросить запившего друга, и сразу станет ясно.

– Если он до белой горячки не допьется, конечно, – добавил Меркурьев разумно.

На соседнем стуле он сгруппировал тарелку с утиной ногой, помидор, соленый огурец, ломоть хлеба. Вся контрабанда помещалась на льняной салфетке, чтобы можно было связать, как узелок, и донести.

Он не хотел, чтоб еду Антипии отнесла Нинель Федоровна.

Василий Васильевич, пряча узелок за спиной и продвигаясь к двери задом наперед, пожелал всем доброй ночи.

– Бог даст, без происшествий, – сказала Нинель. – Ну, отдыхайте, отдыхайте! Завтрак попозже будет, чтобы все выспались.

Василий Васильевич взбежал по пологой деревянной лестнице, оберегая свой узелок, прислушался – было тихо, никаких подозрительных разговоров, – и постучал в соседнюю с собственной дверь.

– Кто там? – отозвались приглушенно. – Я уже легла.

– Это я, – прошипел Василий Васильевич. – Поесть принес.

Какое-то время ничего не было слышно, потом раздалось шуршание, шаги, и дверь приоткрылась.

В свете торшера Василий Васильевич увидел блестящий глаз.

– Еда, – сказал он и сунул в проем узелок. – Открывай.

Глаз моргнул. Потом дверь медленно распахнулась, и он вошел.

Комната вещуньи была такой же большой, как и его собственная, но какой-то другой. Окна оказались с другой стороны, не так стояла мебель, и обнаружился маленький эркер – точная копия того, в котором они сегодня завтракали с Кристиной. В эркере помещались круглый столик и два стула.

В распахнутой створке окна шумел буковый лес, а моря почти не было слышно.

– Мне кажется, я заболела, – шмыгая носом, призналась духовная дочь Сантаны.

– Разумеется, – согласился Василий Васильевич. – Целый день на ветру в каких-то лохмотьях!..

– Сари – самая удобная одежда в природе.

– И самая теплая, – подсказал Меркурьев. – Где свет зажигается?

В этом доме он у всех то и дело спрашивает, где зажигается свет!..

Он развязал салфетку с утиной ногой и рядом выложил соленый огурец и хлеб. Получился натюрморт.

– Садись и поешь, – предложил Василий Васильевич.

– Спасибо, – уныло отозвалась Антипия, приткнулась к столу и первым делом откусила огурец.

Василий Васильевич устроился напротив, молодецки закинув ногу на ногу. Антипию он рассматривал, совершенно не стесняясь.

Короткие светлые волосы торчали в разные стороны. Кожа на лице оказалась очень белой, на носу немного побрызгано веснушками. Кончик этого самого веснушчатого носа чуть-чуть загибался вверх, придавая лицу смешливое выражение. Маленькое ухо – Меркурьеву было видно только одно – плотно прилегало к голове, в мочке три дырки, но никаких серег.

Антипия мельком взглянула на него и вздохнула.

– Ты же была смуглая, – сказал он первое, что пришло в голову. – А сейчас белая.

Она опять вздохнула.

– У меня сто литров тонального крема, – объявила она. – Можно обмазаться с головы до ног.

– Зачем? Ты что, актриса?

Она помотала головой – нет, не актриса.

– Я вегетарианка, – объявила она и взялась за утиную ногу. – Как ты думаешь, Всевышний покарает меня, если я это съем?..

– Всевышнему нет никакого дела до твоего рациона, – сказал Меркурьев. – У него полно других забот. Ешь.

Ровными квадратными зубами она впилась в ногу, закрыла глаза и застонала.

– Каф фкуфно. Гоф нифево факофо не ефа, – призналась она.

– Если ты год не ела, – тоном собственной бабушки назидательно молвил Меркурьев, – неудивительно, что заболела. Ешь.

Он хотел спросить, откуда она узнала про тело – до того, как они увидели его в траве за маяком. Он хотел спросить, с кем она разговаривала в коридоре, когда он ее поймал, а еще, как она дурит людей, вызывая духов, но решил со всем этим повременить.

Василий Васильевич выбрался из-за стола, нашел на комодике маленький электрический чайник – у него в комнате тоже был такой, – налил воды и включил. Потом вышел, велел ей дверь не закрывать, и вернулся с круглой пузатой бутылкой под мышкой. В руке у него был лимон.

– Узбекский, – сказал он, показывая ей лимон.

Она помычала и покивала, хищно обгладывая утиную ногу.

– А больше нет?

Василий Васильевич развел руками:

– Ну, извините! И это от сердца оторвал, контрабандой доставил!.. Нужно было пойти и поужинать.

– Ты знаешь, – объяснила она, поедая хлеб, – мне так хотелось все с себя смыть!.. И грим, и запах тюрьмы, и воспоминания о мертвеце. А без грима я... не могу.

– Зачем тебе грим? Чтобы дураки больше верили?

– Не-не-не, – она помотала головой, белые волосы разлетелись в разные стороны, и она неловко заправила их за ухо, стараясь не запачкать жирными от утки пальцами. – Если бы я говорила все, что говорю, и выглядела бы, как я, мне вообще никто не поверил бы.

– Я так и сказал. С точкой во лбу и черными волосами до пояса тебе проще морочить людям голову.

– Точка называется «бинди», и я не морочу головы.

– Да, конечно. Ты вызываешь дух Канта, и он является!

Она насупилась.

– Дух Канта ни при чем.

– Тогда в чем дело?

Она доела хлеб и вытерла пальцы о теплые пижамные брюки. Василий Васильевич обратил внимание, что на ее пижаме вышита овца. Спереди овечья морда, устроившаяся щекой на облаках, а на спине – овечий зад с хвостом. Хвост свисал с облака.

– Я не могу тебе рассказать, – Антипия посмотрела на него виновато. – Правда, не могу.

– Ты секретный агент?

– Нет, но рассказывать не стану. Ты все равно ничего не поймешь.

– У меня высшее образование, – предупредил Василий Васильевич. – И я кандидат технических наук!

– В общем, – продолжала Антипия, – ты все правильно понимаешь. Есть игра, маскарад. Это просто... видимая часть происходящего. А есть невидимая, и этого я не могу объяснить, не спрашивай меня!..

– То есть никакой дух не является? Стол не стучит, блюдо не вертится? Правильно я понимаю?

Она молчала и исподлобья смотрела на него.

Чайник вскипел, Василий Васильевич сунул в кружку пакет и залил его кипятком. Потом отрезал лимонный круг – изрядный.

– Нет, ты скажи мне, – оглядываясь, проговорил он. – Ведь все это вранье?

Она вздохнула, сморщилась, зашарила в кармане, ничего не нашла, закрылась руками и чихнула.

– Будь здорова. Так, значит, вранье?

– Спасибо. Если тебе так проще, считай, что вранье.

– Терпеть не могу человеческой глупости, – вдруг вспыхнул Василий Васильевич. – Ну как это так?! Люди в школе учатся, некоторые даже в институтах, а тут духи, потусторонние силы, какая-то связь между вселенными, межвременная ткань, чушь собачья!

Антипия согласно кивала – довольно горестно. Да, мол, сколько еще невежества вокруг!..

– Мне сегодня рассказали, что цивилизаций на нашей планете будет семь, а сейчас мы живем в четвертой. Или в пятой, что ли?! Атланты возродятся и всякая такая ересь.

– Атланты, – сморкаясь, сказала Антипия, – не возродятся. Их и было-то всего ничего. Их мало, а работы много. Больше не придут, устали они. Все сидят по домам давно.

– Кто? – тупо спросил Меркурьев, и Антипия спохватилась:

– Никто, я просто так. Ты пошутил, я тоже пошутила.

– Как ты вызываешь духов?

Она вздохнула, и опять горестно:

– Ну как? Прошу их явиться. Они отвечают. Иногда появляются, а иногда нет, это заранее никогда не скажешь. А иногда, – она оживилась, – зовешь одного, а появляется другой! И долго не признается, что он не тот! Они так над нами смеются.

– Ты что? – спросил Меркурьев, которого осенила догадка. – Ненормальная?..

Она кивнула, довольно жизнерадостно на этот раз.

– Понятно, – пробормотал он.

А что, пронеслось у него в голове, вполне возможно. Я ничего о ней не знаю, и никто ничего о ней не знает, кроме подозрительного: она прибыла на слет магов, вызывает духов, носит странные, нелепые одежды, говорит нелепые слова. Вполне возможно, что она ненормальная!..

Мало ли людей с навязчивыми состояниями!..

Но откуда-то она знала о мертвом человеке! Ходила утром гулять, наткнулась на него и никому не сказала? Решила дожидаться кого-то, кто нашел бы тело вместо нее? Это глупо – она была там от начала до конца, и на пляже, и в отделении!..

И кто-то явно помогает ей в ее мистификациях здесь, в доме! Кто станет помогать безумной?..

Да, и еще!..

– Ты сказала там, внизу, что не пойдешь в гостиную, потому что ты их боишься.

Антипия вскинула голову и посмотрела на него.

– Кого ты боишься? Ты же всех видела сто раз.

– Я просто так сказала, – пробормотала она.

– С кем ты разговаривала в коридоре у камина?

– Я не разговаривала!

– Тогда кто разговаривал?

– Я не знаю! – почти крикнула она. – Что ты ко мне пристал? Я не разглядела! Я слышала, но не разглядела.

Василий Васильевич вытаращил глаза. Такой поворот событий не приходил ему в голову.

– То есть, – сказал он и налил в чай коньяку, – ты спустилась по нашей лестнице, вышла в коридор и услышала, что там разговаривают. О чем они говорили?

– Ох, – Антипия вздохнула, припоминая. – Сначала один велел другому не шуметь. А тот говорит: это не я! Потом что-то про камень, про то, что все прибыли. Этот еще говорит: двери закрой! А тот ему: я закрыл.

– Так, – сказал Меркурьев. Он слышал примерно то же самое. – А где именно они разговаривали?

– По-моему, где-то близко, – ответила Антипия. – Во всяком случае, недалеко.

– Да ну тебя, – рассердился Василий Васильевич.

Он поставил перед ней кружку, а сам сел напротив.

– По-разному бывает, – возразила Антипия, приюхиваясь к пару, который источала кружка. – Бывает, разговаривают совсем далеко, а слышно отлично. А бывает, под боком, но ничего не разобрать. Или помехи кто-нибудь наводит, или специально так разговаривают.

– Какие помехи? – вновь раздражаясь, спросил Василий Васильевич. – Кто наводит?

Она сделала глоток, зажмурилась и посидела молча.

– Я правда не видела, – вымолвила она в конце концов. – Я бы сказала, но не знаю. Ты выброси все это из головы. Это... не наше дело.

– Какое именно дело – не наше? – осведомился он.

– Видишь, как мне нужен грим? – спросила она. – Пока я была в сари, саронге и с третьим глазом, тебе и в голову не приходило задавать мне все эти вопросы. И никому не приходит! А когда я – как я, все сразу по-другому. Мне нельзя быть собой.

– Оставайся собой всегда, – пропел Василий Васильевич, – даже если придет беда или станет камнем вода-а!..

Антипия сосредоточенно дула на чай, делала глоток и опять принималась дуть.

– Ты никому не расскажешь?

– О чем?

– Что я... не такая?

– Я не такая, – не удержался Василий Васильевич и выбрался из-за стола, – я жду трамвая!

И прочел ей небольшое наставление. Она уже взрослая девушка, нужно найти себе более уважаемое занятие, чем дурить обывателей по провинциальным гостиницам. Нельзя так беззастенчиво пользоваться людским невежеством. Впрочем, невежество – полбеда!.. Наверняка есть люди, задавленные страданиями или трудными жизненными обстоятельствами, и им она тоже морочит голову, обещая ответить на трудные вопросы или помочь там, где никто не в силах помочь, а это гнусно. Человечество склонно к мистике, людям хочется чудес, это понятно, так было на протяжении всей истории человечества, но беззастенчиво этим пользуются только шарлатаны и жулики. Даже инквизиция, сотни лет сжигавшая на кострах тысячи женщин, честнее, потому что отцы-инквизиторы свято верили, что сжигают ведьм, то есть очи-

щают род людской от скверны и ереси, а то, что делает она, Антипия или как ее там зовут по правде, не поддается вообще никакой оценке. С этим нужно покончить.

– Я покончу, – сморкаясь, пообещала Антипия или как ее там по правде, когда Василий Васильевич выдохся и замолчал. – Только пока никому не рассказывай, что ты меня... разоблачил.

Меркурьев великодушно пообещал не рассказывать, но дал ей три дня срока на осознание.

– Я оставляю за собой полную свободу действий, – сказал он. – Через три дня ты должна перед всеми извиниться за обман. Или я сделаю это за тебя.

– Спасибо за ужин, – уныло протянула Антипия. Как видно, уже начала осознавать. – Я бы полежала немного.

Он пожелал ей спокойной ночи и удалился к себе.

У него в комнате было намного холоднее – ночной влажный ветер шевелил и отдувал шторы, – и море шумело гораздо ближе: шу-уф, шу-уф.

Не раздеваясь, Меркурьев бухнулся на кровать и заложил руки за голову, собираясь как следует подумать.

Через минуту он спал, сладостно посвистывая носом.

А в коридоре неспешно разговаривали двое. Если бы Василий Васильевич слышал их разговор, он бы многое понял. Он понял бы все, до конца!..

Но он не слышал.

Утро выдалось серенькое и теплое. Море, укутанное одеялом тумана, едва слышно вздыhalo и тихонько плескало в песок. Меркурьев бежал сквозь влажную серость, обливаясь потом.

Сегодня бежать было гораздо тяжелее, чем вчера. Мышцы отказывались служить. Василий Васильевич приказывал ногам двигаться, пружинить, вздыматься – чтобы бег был красивый, атлетический! – а выходило стариковское шарканье. Ноги не пружинили и не вздымались, протестовали против насилия. С грехом пополам Меркурьев доволоч себя до лестницы, поглядел вверх, ужаснулся при мысли, что туда можно забежать, и пустился в обратный путь.

Напротив маяка он попытался заставить себя ускориться, чтобы скорее миновать страшное место, надал, и это привело к тому, что на полпути к дому он изнемог окончательно.

К каменной террасе он поднимался в несколько приемов, а когда поднялся, вынужден был опрометью кинуться в кусты – его сильно тошнило, и он боялся, что вырвет прямо на брусчатку.

Посидев в кустах, он кое-как заполз обратно на террасу и повалился в холодное плетеное кресло. Дышал он коротко и часто.

Ничего-ничего!.. Просто так, для удовольствия, бегают исключительно пенсионеры и худеющие барышни, он же бежит как настоящий спортсмен, до полного изнеможения, до обморока. Только такой бег имеет смысл. Главное – победа над собой, а все остальное не важно.

Василий Васильевич пошевелился – движение вызвало у него новый приступ тошноты – и попытался сплюнуть сухую колкую слюну. Ничего не вышло.

– Ты, дядя, помереть, что ль, решил? – раздался рядом хриплый голос. – Плохо тебе?

Меркурьев с трудом повернул себя в кресле и посмотрел.

По соседству, боком к нему, сидел друг покойного. Кажется, его зовут Александр Федорович.

Друг покойного был несвеж, небрит, облачен в спортивный костюм и шлепанцы, надетые на носки. Наброшенное на плечи одеяло довершало картину.

– Может, «Скорую» тебе вызвать, дядь?

– Спасибо, не надо, – выдавил атлет Меркурьев.

– Да это верно, чего ее вызывать-то, все равно они ничего не могут. Э-эх!.. Вон друг мой Ванюшка во цвете лет погиб, и никто ничего сделать не смог!.. Выпей со мной, дядь. Тебе хуже не станет, а мне бы друга помянуть!..

Василий Васильевич, которого при мысли о выпивке опять неудержимо потянуло в кусты, сказал, что пить сейчас никак не может.

– А ты чего, зашитый, что ли?

– Я бегал, – сказал Василий Васильевич.

– Зачем?

Это был сложный вопрос. Как ответить на него другу покойного, Меркурьев толком не знал, поэтому сказал, что бегал он для здоровья.

– Ты и так еле ноги несешь, – удивился друг покойного. – И еще бегаешь?

Василий Васильевич объяснил, что обычно на ногах он держится твердо, а нынешнее его состояние оттого, что он уморился на кроссе.

– Так ты до глюков добегался?!

Меркурьев подтвердил.

– Ну дела, – сказал друг, пожалуй, с любопытством. – Это до чего люди себя доводят своими силами! Ладно бы пил, а он бегаешь!.. Спортсмен, что ли? Олимпиец?

Василий Васильевич сказал, что он инженер из Бухары.

– О как! – удивился друг покойного. – А на урюка не похож!..

Меркурьев сильно вдохнул – наконец-то получилось! – сильно выдохнул, поднялся и зашаркал к фонтану – попить немного.

Сидящий провожал его взглядом.

– А у меня друг погиб, – сказал он, когда Меркурьев вернулся. – Был Ванюшка, и нет больше. С маяка упал – и насмерть! Помянуть бы.

– Я потом помяну, – пообещал Василий Васильевич. – Как вас зовут?

– Саня, – сказал друг. – И давай сразу на «ты». Когда мне «выкают», я сразу думаю, что я в налоговой.

– А какого лешего твоего друга ночью на маяк понесло, не знаешь? – спросил Василий Васильевич. – Вы же до полтретью пили! Ну и шли бы спать.

– Да я-то пошел, – горестно сказал Саня, – а Ванюшка вот... промашку дал. Да он вообще рискованный пацан, Ванюшка! Во все драки с ходу ввинчивался, все приключений себе на одно место искал! Нашел, блин! Ты как хочешь, дядь, а я пойду накачу.

И Саня стал с трудом вытаскивать себя из кресла.

– погоди ты, – велел Меркурьев. – Когда он на маяк пошел, ты где был?

– Да тут я был, в доме! Кто ж знал, что его на высоту понесет!

– Я понимаю, что в доме, но где именно? И что он сказал, когда пошел?

Саня уставился на Меркурьева. Глаза у него были воспаленные, больные.

– Чего сказал, чего сказал... Ничего не сказал! Разрешения у меня не спрашивал! Мы последний пузырь раздавили, и я спать лег.

– Где?

– Чего – где?

– Где ты спать лег? – повторил Меркурьев терпеливо. – Под столом?

– Чего под столом-то, не ложился я под стол! Я в комнату к себе пошел, мне бабка здешняя еще с вечера ее показала. Самая лучшая, говорит, комната для вас, Александр Федорович, приготовлена!

– На втором этаже?

– Чего это на втором-то, на третьем!..

– И ты на третий этаж сам зашел?

– Чего это я не зайду, я ж не маленький!

– Да ты не маленький, но пили вы весь вечер.

– Чего мы там пили, по два пузыря на рыло, и третий на посошок!

Василий Васильевич, которого вновь затошнило, подышал открытым ртом.

– Ты поднялся в свою комнату и лег. А друг твой?

– А друг мой Ванюшка к маяку, видать, пошел! Упал и разбился. И нет у меня больше друга. И никого нету.

– Так не бывает, – возразил Василий Васильевич. – Зачем он туда пошел? С чего вдруг? Его комната где?

– Там, где моя! Они напротив друг дружки. Моя окнами на море, а его окнами в лес, и вся рекогносцировка.

– Он не пошел к себе, а пошел на улицу. Ты дверь за ним запер?

Саня моргнул.

Солнце вдруг вышло из-за низких молочных туч, полоснуло вдоль моря светящимся лучом, упало на сидящих.

– Ой, е-мое, – застонал Саня и закрыл лицо руками. – Ой, не могу я, плохо мне.

Он немного посидел, раскачиваясь из стороны в сторону, потом полез в карман штанов, выудил темные очки и напялил.

– Глаза не глядят, – пожаловался он Меркурьеву. – Прямо режет, как ножом. И в голове верчение. Я в десантуре служил, там нас на такой центрифуге крутили для тренировки. Как слезешь, вроде по земле идешь, а будто в воздухе крутишься.

– Да, – глубокомысленно согласился Василий Васильевич.

– Плохо мне, дядя, – продолжил ныть Саня. – Ванюшку жалко. Один я остался.

– Ты дверь запираешь за ним? Когда он на улицу пошел?

– Да ладно тебе, дядя, хреноту пороть, – огрызнулся Саня с досадой. – Дверь какая-то! Я поднялся и спать лег. А утром встал, голова – во, – он показал руками, какого несусветного размера была его голова тем утром. – В ушах звенит, во рту гадость, а сам как на центрифуге в учебке. Ну и пошел похмелиться. Бабка мне выпить принесла и горячего.

– Как ты похмелялся, я видел, – сказал Меркурьев. – А друг, значит, ночью сам по себе ушел, и ты его не провожал.

– Дядя, – выговорил Саня в сердцах. – Ты чего, тупой? Сколько раз повторять-то?..

Меркурьев встал, подошел к фонтану и попил еще немного. Обернулся и сказал Сане:

– Зачем он на маяк полез, ты не знаешь?

Саня пожал необъятными плечами под клетчатый одеялом.

– Да он вообще такой пацан, говорю же. Все время на рожон лезет! В прошлом году в кабаке одному москвичу по сопатке засветил! А москвич непростой оказался, с поддержкой. Как охрана его набежала со всех сторон, как Ванюшке наваяла! Он потом три дня сидеть не мог – его крендель этот с крыльца спустил и по заднице ботинком заехал!..

– Москвичу, – повторил Василий Васильевич. – По сопатке!..

Ничего не получается, никакой более или менее правдоподобной истории, и друг Саня только укрепил его в этой мысли.

Все логично до того момента, как Ванюшка отправился на поиски приключений: пили, ели, культурно отдыхали. После такого полноценного отдыха единственное, на что способен отдыхающий, – это упасть замертво и спать до утра. А Ванюшка отправился в ночь, одолел расстояние до маяка, забрался по камням, открыл дверь, попал внутрь, влез в темноте наверх и только пото-ом... упал замертво.

Нет, ничего не получается.

– Мне вчера как менты сказали, я, блин, не поверил. Быть, говорю, такого не может! А у них уже и фотки наготове, на них Ванюшка мертвый. Выпей со мной, дядя, ну, жалко тебе, что ли?

– Да мне не жалко, только помру я сразу.

– Че, правда? – не поверил Саня. – Или ты зашитый?..

Василий Васильевич сказал, что зашитый – для облегчения собственного положения, – и к этому факту Саня отнесся уважительно.

– Тогда ладно, – согласился он. – Тогда я пошел. Еще накачу маленько и в город поеду. Чего мне тут сидеть, мне Ванюшку хоронить надо.

– На чем ты поедешь?

– Как на чем? – удивился Саня. – Водилу вызову, он повезет. А че такое? Тебе тоже в город надо?

– Да, – придумал Василий Васильевич. – Я с тобой поеду. А ты машину когда отпустил?

– Да мы как приехали, так и отпустили! Мы же ночевать сразу собирались. Хозяин местный – жучила, ему и развалюху эту охота продать, и дело затянуть!.. Жалко ему продавать, а бабки нужны, по всему видать. Он и заладил – завтра, завтра, не сегодня. Ну а нам с Ванюшкой какие помидоры, завтра или сегодня! Мы приехали с бумагами, все дела. Завтра так завтра!..

Василий Васильевич соображал:

– Сделка сорвалась, я не понял? Ты дом не покупаешь?

– Сейчас-то? Не, сию минуту покупать не буду, мне Ванюшку надо хоронить. А вообще буду. А чего такое?

– Кто из вас дом покупать собирался? Ты или он? Или вы на паях?

– Да на каких таких паях, дядь! – рассердился Саня и поднялся, запахивая на необъятной груди клетчатое одеяло. – Я дом покупаю! Откуда у Ванюшки капитал? Нету у него капитала, он всю жизнь со мной рядом, вроде помощника! Туда съездить, сюда слетать, тут перетереть, там поглядеть!.. Я ему зарплату платил, хорошо платил, он не жаловался!..

– То есть покупка этого дома – твоя идея?

Саня остановился и почесал небритый подбородок.

– Не, идея как раз Ванюшкина. Мы, говорит, Саня, тут с тобой развернемся. От глаз лишних далеко, все условия есть, забубеним пансионатик для правильных людей. К нам с Москвы часто прилетают, и все пацаны серьезные! Им отдохнуть надо на свободе, на природе и чтоб не у всех на виду! Я и подумал: а чего не купить, если продается?

– Дорого продается? – неизвестно зачем спросил Василий Васильевич.

– Не дороже денег, дядь!.. Плохо, что ты зашитый, с кем выпить-то мне за упокой Ванюшкиной души?!

– Ты выпьешь, а я с тобой чокнусь, – пообещал Меркурьев. – Только переоденусь.

– Лады, – сказал Саня и зашаркал шлепанцами к двери. – Хоть так. А то никак. А если никак, то как?..

Когда его бухтение затихло, Меркурьев еще немного попил из фонтана и понаклонялся вперед-назад – в качестве физзарядки. Все тело ныло, и наклоны не получались.

Друг Саня не закрывал за покойным Ванюшкой дверь, а утром все двери были заперты. Ванюшка, не сказав другу Сане ни слова, зачем-то отправился среди ночи на маяк. Идея купить этот дом принадлежала именно ему, покойному Ванюшке, а деньги – самое интересное! – другу Сане!..

Что из всего этого следует?..

– Ничего, – сказал Василий Васильевич и перешел к приседаниям. – Из этого не следует ничего.

Поприседав, он отправился к себе – лестница, хоть и не такая крутая и высокая, как на «променаде», далась ему с большим трудом.

Только он пустил воду в душе, стащил с себя мокрую и холодную спортивную амуницию, как в комнату постучали.

Голый Василий Васильевич отчего-то заметался, решительно не зная, что теперь делать, заскочил в ванную, кое-как обернулся полотенчиком и распахнул дверь.

– Доброе утро, Васенька, – жизнерадостно сказала Нинель Федоровна.

Меркурьев шмыгнул за створку, придерживая полотенце за спиной.

– Ой, не смотрю, не смотрю, не стесняйся! Я всех обхожу, предупреждаю, что завтрак через полчаса будет!.. Попозже сегодня! А кофе хоть сейчас можно выпить.

– Спасибо, Нинель Федоровна!

Она уже уходила.

– И не опаздывай, у нас сегодня овсянка по особому рецепту, ее разогревать нельзя! – с лестницы крикнула она.

Меркурьев высунул голову в коридор.

– Антипию предупредили?

– Муру-то? Ну, конечно, Васенька! Насморк у нее, а когда насморк, обязательно надо горячего съесть и молока выпить! Ну, приходи, приходи!..

Меркурьев принял душ и прикидывал перед зеркалом, бриться или так сойдет, с одной стороны, лень, а с другой стороны – красавица Лючия, когда в дверь опять постучали.

Он сдернул с крючка полотенце, замотался и отворил.

– Здоров, – сказал Стас. – Завтрак сейчас будет.

– А, – удивился Меркурьев.

– Я пароль вай-фая поменял, вот всем новый раздаю. – И сунул Василию Васильевичу бумажку.

Тот посмотрел и развеселился. На бумажке было написано: «pig31415».

– Хороший пароль, – сказал Меркурьев. – Смешной.

Стас пожал плечами:

– Пароль как пароль. Так положено, чтобы не меньше семи знаков и чтоб обязательно буквы и цифры.

– Я понял, понял, – и Василий Васильевич захлопнул дверь.

Еще раз посмотрел на бумажку, почесал ею нос и положил на столик.

Он натянул брюки с карманами, еще раз посмотрел на себя в зеркало и решил все же побриться – Лючия перевесила. Когда он намылил щеки и занес руку с бритвой, в дверь постучали.

– Да что такое-то?!

Василий Васильевич швырнул бритву в раковину, большими шагами протопал к двери и распахнул ее.

– Так я и знал, что твоя последняя, – с порога объявил Саня. – Оно по-другому и не бывает! Дай пройти-то!

Василий Васильевич посторонился.

– Весь дом на фиг обошел, и твоя последняя, как специально! – сокрушался Саня, выставляя на стол бутылку и два стакана. – Ты обещал со мной чокнуться за Ванюшку! А откуда я знаю, в какой ты камере!..

– Ты бы спросил. – Меркурьев посмотрел на бутылку со стаканами и опять почувствовал головокружение и неприятное шевеление в желудке. – Тебе бы сказали.

– Да я бы спросил, только не у кого! Все по норам сидят, как кроты! Одна какая-то мне говорит – идите вон, я не одета! И обозвала еще.

– Как обозвала-то? – осведомился Василий Васильевич. – Нецензурно?

Саня пожал плечами. Из бутылки он разлил жидкость по стаканам – в один только капнул, а в другой – до краев.

– Не, вроде цензурно. – Он вздохнул и взялся за стакан. – Мужлан, говорит! Это цензурно, нет?

– Это даже культурно, – пробормотал Василий Васильевич.

– Ну, бери посуду-то!..

– Да погоди ты, дай я добреюсь!

– Сколько можно годить?! Горит все!

– Дотла не сгорит, – сказал бесчувственный Меркурьев, вернулся в ванную, взялся за бритву и крикнул: – Будут стучать, открывай!.. Спрашивай, что надо!..

– Чего?!

Меркурьев пустил воду и долго и тщательно брился.

Когда он вышел, Саня, сгорбившись, сидел в кресле и смотрел в открытое окно на море, над которым поднимался туман. Нетронутый стакан так и стоял на столе. Василий Васильевич даже удивился.

– Ну чего? Можно уже? – обернулся Саня.

– Можно, – разрешил Меркурьев и взял тот, в котором была капля.

– За упокой Ванюшкиной души, – произнес Саня с торжественной горечью. – Пусть земля ему, как говорится... Не чокаясь.

И в несколько глотков вытянул весь стакан.

Василий Васильевич посмотрел, как Саня возвращает стакан на стол и сразу же наливает следующий. Затею с совместным возлиянием он перестал понимать окончательно. Зачем Сане нужен он, если за упокой души – не чокаясь?..

– А теперь, – торжественно объявил Саня, – за всех оставшихся, то есть за нас. Давай, братан, чокнемся.

Вот в чем дело. Теперь можно чокаться. Теперь – за нас.

– Закусить нечем, – пожаловался Саня, осушив второй стакан. – Без закуски плохо. И что ты зашитый – плохо. Пил сильно?

Василий Васильевич промолчал.

– Ну, еще по одной.

– Пойдем вниз, – предложил Меркурьев. – Там еду можно добыть.

Саня помотал головой.

– Не пойду я. Внизу народу как сельдей в бочке, все пялиться будут! Вчера, знаешь, как глаза вылупили? Я лучше тут, у тебя, посижу.

– У меня, – пробормотал Василий Васильевич. – Милое дело.

– Слышь, братан, а ты молодой, что ли? Я на улице подумал – дедок какой-то. Идти не может, ползком ползет.

– Я кросс пробежал и устал, – строптиво сказал Василий Васильевич.

Он никак не мог придумать, как ему быть дальше. Оставлять безутешного друга Саню в собственной комнате наедине с бутылкой – ноль семь, как давеча сказала Нинель, – почему-то не хотелось. Выгнать вон – он не пойдет, это совершенно очевидно. То есть можно попробовать, но добром это не кончится! Некоторое время Меркурьев помечтал, как было бы славно вытолкнуть Саню в окно – второй этаж, до смерти не убьется, – но потом и эту идею отверг как негодную.

– Ну ладно, – сдался он наконец. – Я завтракать пойду.

– Слышь, братан, притарань мне тоже чего-нибудь пожрать, а? Со вчерашнего дня не евши.

– Спустись и возьми сам.

– Не, не пойду я вниз, сказано тебе.

– А я не понесу, – Василий Васильевич натянул футболку и сунул в карман ключ от комнаты. – Я тебе не официант.

– Да ты не обижайся! – вслед ему заревел Саня. – Я так просто, по-дружески! Жрать охота, спасу нет!

Меркурьев захлопнул дверь и сбежал по лестнице.

Хорошо бы, мрачно думал он, чтобы Саня быстро напился, заснул и не натворил бы в комнате никаких свинств и безобразий. Хотя куда его спящего деть – непонятно.

Первый, кто попался ему на подходе к столовой, был хозяин.

– Виктор Захарович, – сказал Меркурьев язвительно. Ему хотелось переложить на кого-нибудь ответственность. – Этот ваш бизнесмен и покупатель дома сейчас пьет в моем номере.

– Как?! – поразился бедный хозяин. – Зачем ты его к себе-то привел, Василий?!

– Он сам пришел. И теперь не уходит.

– Мать честная, что же нам делать? Может, полицию вызвать?

– Лучше сразу нацгвардию, – посоветовал Василий Васильевич. – Между прочим, никаких дверей за своим другом он не запирает. Он так говорит, и я ему верю.

– Каких дверей?! Вася! Ты о чем?

Но Меркурьев уже вошел в столовую.

Красотка Лючия, ради которой он побрился, сидела на его вчерашнем месте в эркере. Рядом с ней лежал еще один прибор и стояла кофейная чашка. Меркурьев поискал глазами и понял, что Стас по-прежнему в рабстве – он наливал из графина желтый апельсиновый сок в два хрустальных бокала, наполненных льдом.

Маленький человечек Емельян Иванович, напротив, устроился в самом темном углу, перед ним стояла глубокая тарелка и чайничек с чаем.

Антипия – никакая не Мура! – сидела за круглым столом посередине. На этот раз одежды на ней были белые, и свеженамалеванная точка на лбу выглядела хищно, словно на самом деле пристально смотрел третий глаз.

Софья деловито поглощала кашу и так же деловито запивала ее чаем и заедала бутербродом с сыром. Увидев Меркурьева, она стряхнула крошки с кофты, энергично дожевала и позвала:

– Иди сюда! Садись со мной.

Василий Васильевич пожелал всем доброго утра и уселся рядом с Софьей.

– Ну чего? – спросила она. – Гулять пойдем?

– Мне нужно съездить в Калининград, – заявил Меркурьев.

– Прямо сейчас?! Да ладно, вот дождь зарядит, тогда и поедешь! Сегодня в самый раз гулять, а не раскатывать!

– Мне сегодня нужно.

– А вы на машине? – подала голос Лючия.

Меркурьев оглянулся на нее.

– Нет, я не на машине.

– До Калининграда далеко, – словно предупредила она. – Если хотите, я завтра могу прихватить вас с собой. Я собираюсь завтра в город.

Ах, какой голос! Ну что за голос! Так бы закрыть глаза и слушать. И ждать, когда нежная рука погладит его по щеке, пройдет по шее...

Василию Васильевичу стало жарко.

– А вы... на машине? – выдавил он из себя.

Лючия улыбнулась:

– Ну, конечно. Белый автомобиль перед входом. Не обратили внимания?..

Меркурьев вдруг отвлекся от ее чар.

Если на «Кадиллаке» приехала Лючия, на чем тогда приехал Емельян Иванович? Меркурьев открывал ему дверь, и на площадке была одна-единственная машина, этот самый «Кадиллак»! Меркурьев подумал еще, что маленький человечек сам привел такую огромную машину, и удивился этому. Или Емельян Иванович со своим ковровым саквояжем приехал на автобусе и шел по липовой аллее пешком? Мимо букового леса, через ручей – не очень-то и близко!..

– Васенька, овсянки? – Озабоченная Нинель Федоровна положила ему на тарелку рогалик. – Наша овсянка – целебная. Съешь, и сил прибавится!

– Спасибо, Нинель Федоровна.

– Вась, – подошел Виктор Захарович, – ты доедай давай, и пойдем к тебе в комнату. Я этого Александра Федоровича вызову якобы по делу, а ты дверь быстренько запрешь, чтоб он обратно не ворвался.

– Прекрасный план, – оценил Василий Васильевич.

– А как по-другому, Вась?

– Кто такой Александр Федорович? – заинтересовалась Софья.

Объяснения хозяина Меркурьев пропустил мимо ушей.

В голове у него был сумбур – дверь, которая утром оказалась заперта, но ее никто не запирает, машина, на которой приехала Лючия и, следовательно, не мог приехать Емельян Иванович, вылазка покойного Ванюшки – в самую темень, на заброшенный маяк! – непонятные разговоры в коридоре, где уж точно никто не мог разговаривать, Антипия, оказавшаяся мошенницей.

Впрочем, он с самого начала подозревал ее в мошенничестве!..

После завтрака он пойдет и проверит стол в гостиной, вот что. Наверняка к нему подведены какие-нибудь хитроумные механизмы, которые стучат и крутятся, и вздрагивают. В общем, производят магическое впечатление на обычных, не слишком отягощенных интеллектом граждан!..

Себя Василий Васильевич считал образованным интеллектуалом.

Меркурьев доел овсянку и пожалел, что порция маловата. Он не любил каши и никогда их не ел, но эта на самом деле оказалась вкусной.

– А я, кстати сказать, жаловаться хотела, – говорила между тем Софья. – Этот ваш громила, Александр Федорович, да? Так вот, он утром ко мне в номер вломился! Натурально! И еще с бутылкой! Я так испугалась, ужас. Закричала даже!

– Это он меня искал, – вставил Меркурьев. – Хотел чокнуться за упокой души.

Софья посмотрела на него как на полоумного.

– Ты что? – сказала она с величайшим презрением. – За упокой не чокаются!..

– Ну, за здоровье остальных. Кто пока еще не помер.

– Вот тебе весело, а мне что-то совсем не весело!.. Он приперся, прямо в комнату полез, где, говорит, дядя? А я ему: какой еще дядя, тоже мне, племянник нашелся! Пошел вон, а то полицию вызову!..

– Уж вы нас извините, – пробормотал Виктор Захарович. – Это наш недосмотр, гости отдыхать должны, а мы не обеспечиваем...

– Так вот будьте добры, обеспечьте! – приказала Софья. – Мало ли кто ко мне в дверь станет лезть, а я что? И так обстановка миленькая – вчера своими глазами труп нашла, сегодня какой-то племянник в дверь лезет, дядю ищет! А я деньги платила за что? За то, чтоб у меня все условия были!

– Будут, будут условия, – заверил Виктор Захарович. – С трупом, конечно, неладно вышло, но у нас в гостинице всегда полный порядок...

– Да! Вижу я ваш порядок!..

Тут двустворчатые двери распахнулись и в гостиную влетела Кристина по прозвищу Мышь.

С разгону она промчалась прямо на середину комнаты и замерла возле стола вещуньи.

Все повернулись в ее сторону.

– Что такое? – пробормотал Виктор Захарович и переглянулся с Меркурьевым.

– Кольцо, – выговорила Кристина, и лицо у нее задрожало. – Мое кольцо. Изумруд. Он пропал. Я все обыскала, его нет.

Кто-то вскрикнул, а Меркурьев вскочил с места.

Вскрикнула Антипия. Теперь она закрывала рот обеими руками, в глазах у нее был ужас.

– Это плохо, – проговорила она словно через силу, отняв от губ руки. – Это очень плохо!..

Вы даже не можете себе представить!..

Глаза у нее загорелись, под стать нарисованной на лбу точке, и трехглазое помертвевшее лицо показалось Меркурьеву жуткой маской.

– Его никто не мог взять, – продолжала вещунья. – Его охраняют.

– Кто? – спросил Стас насмешливо. – Дух Канта?

Антипия оглянулась на него и всеми тремя глазами уставилась на Кристину.

– Ты... хорошо искала? Может, оно не пропало?

Кристина боком села за ее стол и махнула рукой:

– Да я все осмотрела, даже ванную! Оно у меня всегда на одном месте лежит, на тумбочке, рядом с кроватью. И дома так же лежит, всегда с правой стороны!

– Может, с руки обронила? – осторожно предположил Виктор Захарович, на которого свалилась новая неприятность, среди бела дня драгоценное кольцо пропало! – И не заметила?

– Я его сняла, – сказала Кристина. – Я на ночь его снимаю, оно слишком большое. И положила на столик. Утром умываюсь, собираюсь и надеваю кольцо. Всегда. Каждый день с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать лет.

– Почему восемнадцать лет? – спросил Василий Васильевич.

– Потому что так положено, – сказала Кристина горестно и обвела всех умоляющим взглядом. – Оно не может пропасть, правда. Если кто взял, отдайте. С ним лучше не связываться, правда.

– Что ты заладила: правда, правда, – в сердцах сказала Софья. – Мало ли, сунула куда-нибудь. Ну а если украли, выходит, здесь притон какой-то, а не гостиница!

– Час от часу не легче, – пробормотала Нинель Федоровна и аккуратно поставила на сервировочный столик медный кофейник, из которого разливала какао. – Виктор Захарович, вызывай полицейских.

– Нет! – на этот раз вскрикнула Кристина.

– Что такое?!

Она тяжело задышала, глаза налились слезами.

– Никаких полицейских, – выговорила она. – Ни за что на свете!

– Так если украли!..

– Все равно нет.

Нинель Федоровна, стаскивая шелковые перчатки, на этот раз желтые, подошла и осторожно погладила ее по голове. Кристина вывернулась.

– Если украли, нужно искать, – сказала Нинель осторожно. – Ты подожди, подожди переживать, может, найдется еще. У нас тут сроду никто ничего не крал, вот Виктор Захарович не даст соврать.

– Не утешайте меня, – отрезала Кристина. – Как вы не понимаете?!

– Я понимаю, – заверила Антипия. – Все понимаю.

– Ну и флаг тебе в руки, – встряла Софья. – А я вот ничего не понимаю! Может, пойти и деньги попрятать? Мало ли что раньше не крали! А теперь вдруг украли!..

– Это особенное кольцо, – продолжала Кристина. – Его нельзя потерять. Если оно пропало, жди беды.

– Конечно, жди, – поддержала ее Нинель Федоровна. – Такие деньжищи! Звони, Виктор Захарович, в полицию.

– Я не стану никуда обращаться, – отрезала Кристина. – Если вам нужно, объясняйтесь с полицией сами. А я никаких заявлений подписывать не буду.

Василий Васильевич понял, что они зашли в тупик.

Одним глотком он допил кофе, выбрался из-за стола, подошел и присел перед Кристиной на корточки.

– Пошли поищем, – предложил он. – Может, оно просто куда-нибудь завалилось?..

– О каком кольце идет речь? – вдруг спросила до этого молчавшая Лючия. – Которое было у вас на пальце, дорогая? Такой дешевый безвкусный сувенир?

Кристина подняла на нее глаза.

– Это не сувенир. Это мой изумруд.

Лючия засмеялась и обвела глазами собравшихся.

– Ничего не случилось, – сказала она весело. – Успокойтесь все! У девочки просто разыгралась фантазия. Я немного понимаю в камнях и уверяю вас, это такой же изумруд, как я... эскимос!.. Искать его не имеет смысла, он ничего не стоит.

– Он не должен был пропасть, – повторила Кристина. – Какой ужас!

– Найдется! – Лючия поднялась и отошла к кофемашине. – Или ваш поклонник подарит вам новый, точно такой же. Их полно в китайских сувенирных лавках.

– Пойдем? – Василий Васильевич потянул Кристину за руку.

– Я с вами, – быстро сказала Антипия. – Вдруг он и вправду... найдется?

Втроем они обыскали всю комнату студентки, сантиметр за сантиметром. Василий Васильевич на всякий случай излазил на карачках весь паркет в поисках возможных трещин и тайников.

Кольца нигде не было.

Меркурьев ползал по полу, заглядывал за шкафы, шарил рукой под ванной, стоявшей на выгнутых львиных лапах, и думал о том, что в разговоре неизвестных, который он слышал прошлым вечером, тоже упоминался какой-то камень. Камень на месте, сказал один невидимый собеседник другому. О каком камне шла речь? Именно об этом? Или, может, о валуне, который лежал на спуске к морю, со всех сторон заросший травой? Валун, должно быть, когда-то принес с собой ледник, шедший с севера на юг, и с тех пор, пару миллионов лет, камень не трогался с места.

Почему Лючия так уверенно заявила, что изумруд – всего лишь стекляшка, дешевка? Или на самом деле она разбирается в камнях?.. И конкретно в изумрудах?

– Ничего, – известил Василий Васильевич, поднялся с пола и машинально отряхнул колени.

– Да я говорила, – горестно подтвердила Кристина, – что мы его не найдем.

Она тоже ползала по полу, отодвигала шторы, даже плинтус зачем-то поковыряла, теперь села на пятки и обеими руками с силой потерла лицо.

– Что я маме скажу, – проговорила она из-за сложенных ковшиком ладоней. – Она мне тысячу раз твердила: только не потеряй, только не потеряй!.. И я... потеряла.

– Зачем ты его вообще носила, если оно такое драгоценное? – спросил Василий Васильевич с раздражением. – Если это настоящий изумруд...

– Настоящий, – вставила Антипия.

– ...значит, он стоит бешеных денег, – продолжал Меркурьев. – Разве можно его просто так на пальце таскать?!

– С ним нельзя по-другому, – непонятно объяснила Кристина. – Такой уговор. Оно обязательно должно быть у той, которой принадлежит. Не в сумке и не в кармане, а на руке.

Василий Васильевич пожал плечами.

Начались какие-то загадки, вроде вызова духа Канта и королевы Брунгильды, а он в таких вещах ничего не понимал и не желал разбираться.

В дверь постучали. Антипия открыла, на пороге возникли Виктор Захарович и Нинель Федоровна, очень встревоженные.

– Ну что?..

Антипия горестно покачала головой.

– В полицию звонить? Так оставлять это нельзя!.. Если перстень пропал и найти его мы не можем...

– Не нужно куда звонить! – крикнула Кристина. – Я не разрешаю!.. Это никого не касается, тем более полиции!

– Ну, это какие-то высокие материи, – пробормотал Меркурьев, – нормальным людям неведомые. По мне – вызывайте.

– Тебя никто не спрашивает.

Василий Васильевич развел руками.

– Вот, – сказал он хозяину и домоправительнице. – Тем более меня никто не спрашивает!

Потоптавшись на пороге и посокрушавшись немного, они ушли, Антипия закрыла за ними дверь.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – объявил Меркурьев. – У меня в комнате гости глодают кости, а я оставил их без присмотра. Может, уже все сглодали!..

– Что мне теперь делать? – прошептала Кристина и обратилась к вещунье. – Вы... не можете ни у кого спросить? Вдруг кто-то из них... из тех... знает?

– Я спрошу, – пообещала Антипия с сочувствием. – Но только не сейчас. Сейчас никак нельзя.

– Пойду я, – повторил Василий Васильевич. – Если никто ничего не собирается мне объяснять.

Девочки – студентка и вещунья – переглянулись. Переглядывались так многозначительно, что Меркурьев моментально разозлился.

– Не хотите, как хотите, – заключил он. – Крис, если найдешь кольцо, позвони мне. Или зайди.

Он спустился по чугунной лестнице – она встревоженно гудела у него под ногами, – очутился в вестибюле со стрельчатыми окнами и покосился на круглый столик.

Прошлой ночью он уронил книгу на пол и не стал поднимать. Сейчас она лежала на столе раскрытая, страницами вверх.

Ни за что не стану подходить, решил Меркурьев, и подошел.

Страница пятьдесят семь.

«Итак, философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти».

– И что? – спросил Меркурьев громко на весь вестибюль. – Дальше пятьдесят седьмой страницы дело не продвигается?

– Вы со мной изволите разговаривать?

Василий Васильевич обернулся.

Со стороны коридора мелкими шажками подходил маленький человечек по имени Емельян Иванович.

К нему дурацкая книга уж точно не могла иметь никакого отношения!.. Она принялась дразнить Меркурьева еще до того, как явился крохотный гость, но тем не менее Василий Васильевич спросил:

– Это не вы читаете «Философию Канта» все время на одной и той же странице?

Человечек подошел и заглянул Меркурьеву под руку.

– Нет, – наконец сказал он. – Не я. Фрейлейн нашла свой перстень?

– Фрейлейн чудит, – сообщил Меркурьев.

– Чудит? – переспросил Емельян Иванович, на старомодный манер откидывая полы пиджака и усаживаясь в кресло. – Что это означает?

– Я сам не понимаю, – признался Меркурьев. – Полицию вызывать не хочет, страшно убивается и, кажется, собирается обратиться за помощью к духам.

Емельян Иванович огляделся по сторонам без всякой тревоги и, кажется, с удовольствием, задержал взгляд на астрах, а потом перевел его на Меркурьева.

– Какие прекрасные цветы, не правда ли? «Что здесь встречает нас как красота земная, то встретит некогда как истина сама».

Меркурьев молчал.

– Шиллер, – пояснил Емельян Иванович как ни в чем не бывало. – К каким же духам собирается воззвать фрейлейн?

Василий Васильевич подошел и с размаху опустился в кресло по другую сторону столика.

– Емельян Иванович, – начал он проникновенно, – вы же взрослый человек! И все понимаете. Вы кто по профессии?

Человечек задумался на секунду, словно не мог вспомнить.

– Ученый, – сказал он наконец.

– Прекрасно! – одобрил Меркурьев. – Естественник или гуманитарий?

– И то, и другое в равной степени.

– Так не бывает, но ладно. Вот скажите мне, если у человека пропадает драгоценность, да еще, как он утверждает, фамильная, что нужно делать? Взывать к духам или обращаться в полицию?

Емельян Иванович молчал и улыбался.

– Духи – при всем уважении, – тут Меркурьев прижал руку к груди, – уж точно не найдут перстень! А полицейские... ну, полицейские тоже, скорее всего, не найдут, но так положено, понимаете? Так принято – обращаться в полицию. А они обе морочат мне голову!..

– Виноват?

– Кристина и Антипия. Которая ясновидящая. То есть никакая она не ясновидящая, конечно, а просто авантюристка! Она вызывала дух Канта, представляете? Я сам был свидетелем.

– И что? – живо спросил Емельян Иванович. – Явился?..

Меркурьев обеими руками уперся в колени:

– Ну, я его не видел. Но стол подпрыгивал, и блюдец вертелось!

– Блюдце, – повторил Емельян Иванович. – А почему вы не допускаете, что Иммануил Иоганн Кант на самом деле заглянул в этот прекрасный уютный дом, когда его пригласили?..

– Емельян Иванович! – свирепо зарычал Меркурьев. – И вы тоже!.. Кант умер сто лет назад!

– Двести тринадцать, – поправил маленький человечек. – И какой же вывод вы из этого делаете?

– Однозначный! – рявкнул Василий Васильевич. – Человек, умерший двести тринадцать лет назад, никуда войти не может и явиться на зов не может тоже! Потому что он умер.

– Возможно, возможно, – согласился Емельян Иванович. – Вполне материалистический, хотя и несколько примитивный вывод.

– Почему примитивный?! Единственно разумный!

А может, этот самый Емельян Иванович тоже не в себе, пронеслось в голове у Василия Васильевича. Они все тут странные! И он, инженер Меркурьев, ничего о них не знает!.. Вещушка вызывает духов, гость материализуется из воздуха, потусторонние силы крадут у студентки кольцо, а привидения сталкивают с маяка подвыпившего человека!

Может, он, Меркурьев, угодил в сумасшедший дом?..

– Этот дом, – словно подслушав его смятенные мысли, произнес Емельян Иванович, – по слухам, когда-то принадлежал Фридриху Бесселю. Это только слухи, они ничем не подтверждены, но так говорят...

– Бесселю? – переспросил Василий Васильевич, сбившись с мысли про сумасшедший дом. – Бессель был математик. Неравенство Бесселя мы проходили в университете.

– И астроном, – подхватил Емельян Иванович. – Открыл спутники Сириуса и Прочиона из созвездия Малого Пса. Крупный ученый!.. Что, если ему захочется навестить свой дом? Ну, если допустить, конечно, что дом на самом деле когда-то принадлежал ему?

– Бесселю? – уточнил Василий Васильевич. – Навестить этот дом?

– Так бывает, – продолжал Емельян Иванович. – Иногда нас тянет на старые места. Где мы были счастливы или молоды. Это так естественно.

– Кого... вас? – спросил Меркурьев мрачно.

Емельян Иванович засмеялся мелким смехом.

– Я имею в виду людей, – сказал он успокаивающе. – Просто если вдруг встретите Фридриха Вильгельма, не пугайтесь. Вполне возможно, он просто зашел навестить свой бывший дом. Дома ведь долговечнее людей, и это обидно, конечно.

– Понятно, – заключил Василий Васильевич и встал. – Спасибо за беседу.

– Всегда к вашим услугам, – слегка приподнялся в ответ Емельян Иванович. – А за перстень не переживайте. Есть вещи, которые уходят сами и приходят сами, и полицмейстерам не под силу их найти. Если вас не затруднит, пришлите ко мне юную фрейлейн!.. У которой пропало кольцо. Может, мне удастся дать ей некоторый совет.

Меркурьев кивнул и пошел по коридору мимо камина.

Как же, думал он злобно, совет! Ты просто выживший из ума старикашка, или на тебя ошеломляющим образом подействовали одежды и третий глаз Антипии! Еще и Бессель собирався явиться, кто бы мог подумать!.. Видимо, Кант уже явился.

На середине дороги Василий Васильевич спохватился и свернул в боковой коридор, в конце которого помещалась конторка красного дерева.

Сразу за конторкой располагались служебные помещения. Здесь выдавали и принимали ключи, здесь же расплачивались, здесь были компьютер, принтер, роутер, который то и дело барахлил, и гроссбух в роскошном переплете – Виктор Захарович не мог отказать себе в удовольствии записывать посетителей по старинке, ручкой на плотной желтоватой бумаге. Компьютер компьютером, но на бумаге как-то красивей и надежней, что ли!..

За конторкой никого не было, гроссбух лежал на месте.

Меркурьев перегнулся через бортик красного дерева, поволок на себя увесистый том и перевалил на эту сторону.

Посмотрим, посмотрим.

Все нынешние гости умещались на одной странице.

Вот он сам, Василий Меркурьев, записанный почти каллиграфическим почерком. Вот Кристина Кондратьева, студентка из Калининграда. Вот Марьяна Антипова, кем она записана, интересно?.. А, так и записана: Марьяна Антипова, ясновидящая.

Александр Федорович Морозов – это кто такой?.. Ах да, друг Саня, с утра пораньше засевавший в комнате Меркурьева!.. Надо же, как красиво, убедительно и солидно выглядит друг Саня, выведенный каллиграфическим почерком!..

Где Лючия?..

Людмила Вячеславовна Огородова, вот она! А тут совсем напротив – ничего романтического. Людмила Огородова, кто бы мог подумать!..

Василий Васильевич усмехнулся такому несоответствию имен и человеческой сути и закрыл было гроссбух, но тут ему попалось еще одно имя.

– Что такое?! – сам у себя строго спросил Василий Васильевич. – А?! Это чьи шутки?!

«Емельян Иванович Кант», – было твердо выведено черными чернилами на плотной желтоватой бумаге. «Емельян Иванович Кант, ученый».

Выходит, он на самом деле явился?!

На верхней ступеньке лестницы Меркурьев услышал, как с силой хлопнула дверь и затопали ноги. Из коридора навстречу ему выскочила Антипия. Одежды ее развевались и путались.

– Что такое?!

Она с разгону схватила Меркурьева за руку и тут же отпустила.

– У меня там... в комнате...

– Дух Бесселя? – осведомился Василий Васильевич. – Ничего удивительного. Он пришел навестить свой дом. По слухам, он когда-то здесь жил и теперь, возможно, скучает.

Антипия посмотрела на него, глаза – все три! – у нее были безумные. Василий Васильевич встревожился.

– Что случилось? – спросил он совсем другим тоном. – Кто тебя напугал?

– Зайди, – сказала она. – И посмотри.

Возле своей двери он задержался и послушал немного – внутри было тихо, у Меркурьева появилась надежда, что Саня изнемог и заснул. Следом за Антипией он вошел в ее комнату, показавшуюся ему веселой, благополучной и прибранной.

Сегодня же разберу вещи, поклялся себе он. Стыдно пред Асмирой, ей-богу!..

Он вопросительно оглянулся на Антипию.

– На кровати, – сказала она.

Василий Васильевич зашел за выступ стены, как бы отделявшей в просторной комнате гостиную от спальни, и заглянул.

Постель была аккуратно застелена, подушки выложены одна за другой, а в самой середине сидела небольшая коричневая обезьяна с грустной мордой. Меркурьев вдруг умилился. Это была... девичья постель, трогательная и словно целомудренная.

Смотреть на нее было приятно и немного неловко.

– С той стороны, – прервала его грезы хозяйка постели. – Ты что, не видишь?

Антипов заглянул.

На подушке лежал фарфоровый китайский богдыхан с отломленной головой. Василий Васильевич не сразу понял, что это такое, и сообразил, только взяв в руки. Тело богдыхана в расписанных золотом складках фарфоровой одежды он поставил на тумбочку и покрутил в пальцах голову.

Богдыхан щурил узкие глаза, прятаящиеся в круглых щеках, и крепко сжимал тонкие губы.

Василий Васильевич вдруг узнал в нем... упавшего с маяка Ванюшку. Слово богдыхана рисовали с натуры!..

– Где ты это взяла?

– Я не брала. Я поднялась после завтрака сюда и... нашла. *Это знак!*

– Началось в колхозе утро, – сказал Василий Васильевич. – Какой еще знак!

– Ты не понимаешь! – в отчаянии воскликнула она.

– Я это слышу все утро, – огрызнулся Меркурьев. – Хорошо, я ничего не понимаю, и точка. Примем это как данность. Откуда у тебя статуэтка? И зачем ты оторвала ей голову?

Антипия прошла к креслу, села и сложила руки на коленях, на белых складках одеяния.

– Я пришла от Кристины, – сказала она, стараясь быть как можно более убедительной. – Мне нужно было подумать. И села вот как сейчас сижу. Но мне что-то все время мешало, отвлекало.

– Флюиды? – предположил Василий Васильевич.

– Я встала, – продолжала Антипия, не обращая на его иронию никакого внимания, – и стала искать, что это может быть. И вот... – Она кивнула на разломанного богдыхана. – Нашла.

– На кровати? – уточнил Меркурьев.

Он взял с тумбочки туловище, попытался приставить к нему голову, вышло задом наперед. Он перевернул туловище.

– Точная копия Ивана Николаевича, – сказал он, разглядывая узкоглазое щекастое лицо.

– Конечно, – пылко сказала Антипия. – В этом все дело. *Это знак!*

– Знак чего?

– Здесь что-то происходит, – заявила она. – Такое, чего я не могу понять. И объяснить не могу.

– Ну, для такого вывода не нужно никаких знаков, – съязвил Меркурьев, поставил туловище на стол, а голову положил рядом. – Конечно, происходит! Человек погиб – это раз. Перстень за много миллионов поперли – это два.

– Он не просто так погиб, – произнесла Антипия почти шепотом. – Кто-то пытается мне что-то сказать и для этого принес статуэтку. А я не понимаю!..

– Да, – согласился Василий Васильевич. – Статуэтку действительно кто-то принес, если не ты сама это сделала. И голову ей отломали. Это... нехорошо.

– Плохо, – поддержала Антипия. – Совсем.

– Да что ты заладила: плохо, плохо! Ты утром, когда выходила на завтрак, дверь заперла?

– Да... по-моему. По-моему, да.

– Заперла? – грозно повторил Василий Васильевич.

Антипия огляделась по сторонам в растерянности.

– Я не всегда запираю. У меня и братья-то тут нечего, так что я не слежу...

– То есть ты не помнишь. Кто угодно мог зайти и положить статуэтку. Только вот вопрос: зачем?..

– Чтобы я поняла.

– Ты поняла?

– Нет.

– Тогда вопрос: зачем?..

И они уставились друг на друга.

Меркурьев постепенно осознавал, что появление богдыхана, как две капли воды похожего на покойного братка, в запертой или незапертой, не важно, комнате на кровати – явление совершенно материальное, и нет в нем никаких мистики и чудес. Вот как ему заморочили голову: на осознание этого простого факта потребовалось время! Статуэтку *принесли и положили*, а до этого еще и голову ей отломали! Зачем? Хотели напугать? Именно ее, духовную дочь Сантаны и последовательницу Пуришты? Чтобы она подняла панику?

Богдыхан на кровати – свидетельство чьего-то умысла, пока непонятно, злого или нет, но вполне человеческого.

Он покосился на вещунью. Она, должно быть, перепугалась всерьез. Самое отвратительное – это следы чужого непрошеного присутствия в чем-то очень личном, интимном: в одежде, в постели, в ванной. Скорпион в пустыне вызывает желание обойти его стороной. Скорпион на подушке – панику и ужас.

Кто и когда мог принести статуэтку в комнату Антипии? Во время завтрака или когда они втроем искали перстень в комнате Кристины?

– Ты кому-нибудь говорила, что не запираешь дверь?

– Нет, ну что ты!

– К тебе кто-нибудь заходит? Из гостей? – Василий Васильевич подошел и сел рядом. – За делом, вызвать духов, наложить проклятие?

– Я не накладываю проклятий, и ко мне никто не заходит!..

– И утром сегодня никто не заходил?

Это он спросил на всякий случай, для проверки.

– Приходила Нинель Федоровна, завтракать звала, потом еще Стас с новым паролем, и... еще кто-то, я забыла.

– Саня, – подсказал Василий Васильевич. – Он искал меня. Чтобы чокнуться. Кто-нибудь из них в комнату проходил?

Антипия подумала немного.

– Нинель точно на пороге стояла. Стас зашел, у него пароль был на листочке записан, он его на стол положил. А третий сразу мимо меня в комнату влетел. Он еще звал кого-то: дядя, дядя! А я ему говорю: нет тут никакого дяди!..

– Дядя – это я, – пояснил Меркурьев.

Расспросы не имели смысла – кто угодно мог подняться и положить статуэтку, если дверь все время была открыта.

Значит, думал дальше Василий Васильевич, точно так же можно было зайти в комнату Кристины и стащить перстень. Если она тоже не запирает дверей!..

Эта простая мысль приободрила его. Ну, конечно! Нет никаких духов и привидений, кольцо мог украсть – и украл! – человек! Человек вошел в комнату, взял кольцо и вышел, никем не замеченный.

– Заморочили вы мне голову, – сказал он Антипии. – И я тоже хорош!.. Кудахчете, с толку меня сбиваете. Знаки, духи!.. Чушь собачья.

Антипия громко чихнула, достала из складок одеяния носовой платок и вытерла нос.

– Я спрошу у Захарыча, может, в коридоре есть камеры, – продолжал Василий Васильевич. – Мы посмотрим, и все сразу станет ясно.

Вещунья покачала головой:

– Камера ничего не покажет.

– Ну конечно! – согласился Меркурьев язвительно. – Потусторонние миры! Тонкая грань Вселенной!.. Ты обещала мне прекратить маскарад и извиниться перед людьми. Забыла?

– Мне нужно сходить на маяк, – сказала Антипия.

– Зачем?!

– Мне нужно, – повторила она упрямо.

– Сходи, – махнул рукой Меркурьев.

– Ты меня проводишь? Одной... страшно.

– Прихвати с собой Канта, – посоветовал Василий Васильевич. – Или Бесселя, если он объявится. Кстати, ты знаешь, что фамилия Емельяна – Кант? По крайней мере, он так записан в книге посетителей!

Она кивнула как ни в чем не бывало.

– Может, он сумасшедший? – предположил Меркурьев. – Или тоже аферист, вроде тебя?.. Или жулик?

Тут он остановился от неожиданности. А что, если Емельян Иванович на самом деле жулик? В прямом смысле слова – вор?.. Что, если он приехал специально, чтобы украсть перстень Кристины? Он убеждал Меркурьева, что «полицмейстеры» помочь не могут, и это вполне понятно и объяснимо, если перстень утащил именно он.

Нужно узнать, что он делал утром – до завтрака и сразу после него. И где до завтрака была Кристина.

– Я пойду, – сказал Меркурьев. – Мне нужно кое-кого кое о чем спросить. Да! А почему ты сразу запричитала, что пропажа кольца – это очень плохо? Потому что оно дорогое?

Она вздохнула с сожалением:

– Я не могу рассказать. Если Кристина захочет, она сама тебе расскажет.

– Потусторонние силы не разрешают? – осведомился Меркурьев. – Ну-ну.

Он пересек коридор, ключом открыл дверь в свою комнату и вошел. И не поверил своим глазам.

В комнате никого не было. На столе стояли два стакана – один пустой, в другом капля виски.

– Саня! – позвал Василий Васильевич и прислушался. – Ты где? Мы в прятки играем? Выходи, выходи, маленький!..

Саня не отвечал.

Василий Васильевич прошел в ванную, заглянул за штору, под ванну на всякий случай тоже заглянул – никого.

Тогда он вышел на балкон и посмотрел вниз.

Никаких следов Сани.

Средь бела дня из запертого номера на втором этаже пропал человек.

Натянув теплую куртку, Меркурьев вышел на улицу, немного постоял на террасе, слушая, как шумит море – шу-уф, шу-уф!.. Туман уволокло за горизонт, облака поднялись, распушились, и днища у них налились синевой. Солнце светило, как летом, – щедро, широко, на все море и весь пляж, а ледяной ветер словно добавлял радости жизни.

«Э-эх, – подумал Василий Васильевич, – какой прекрасный у меня отпуск!..»

Откуда-то, словно и впрямь из параллельной Вселенной, взялись все эти люди, словно материализовались, и заняли все его воображение. Ему было... интересно.

Интересно, куда девался перстень, кто такой Емельян Иванович по фамилии Кант, что скрывает Кристина, а она явно что-то скрывает, долго ли пробудет Стас в рабстве у Лючии, удастся ли обратиться и образумить Антипию, вставшую на скользкую дорожку, – тут Василий Васильевич громко засмеялся, спохватился и оглянулся по сторонам, не слышит ли кто.

Никто не слышал.

Без всего этого в прекрасном доме на самом берегу Балтийского моря было бы скучно, признался он сам себе. Ему никогда не бывало скучно в отпуске – он слишком много работал и слишком долго мечтал о холодном море и шуме дождя, чтобы позволять себе скучать, заполучив то и другое, – но ему и в голову не могло прийти, что есть еще какая-то отпускная жизнь, кроме утренних пробежек, обедов, прогулок под дождем в полном и целебном одиночестве!..

Нужно было не кривляться, а пойти с Мурой на маяк, сказал он себе. То есть с Антипией, конечно!.. Впрочем, Антипия ему совсем не нравилась, раздражала даже, а Мура казалась милой – на кровати обезьяна с грустной коричневой мордой, маленький штрих, растрогавший его.

Василий Васильевич еще немного постоял, глядя, как сверкает за кустами море, потом решил взять кофе и посидеть с чашкой в плетеном кресле – что может быть лучше!..

Через стеклянную дверь он вошел в пустую, залитую солнцем гостиную и нажал кнопку на кофемашине.

И все же куда делся из его комнаты Саня? Василий Васильевич видел единственное объяснение – у Сани был ключ от его собственной комнаты, и он подошел к замку. Сани надоело сидеть, он открыл дверь своим ключом и вышел. И теперь беспробудно спит – Меркурьев стучал к нему, но никакого ответа не дождался.

– И что, – спросили совсем рядом. – Никакого ответа?

Меркурьев, только что думавший этими самыми словами, вздрогнул.

– Да есть ответ, как не быть, – сказал другой голос. – Только ни к чему он не ведет.

Василий Васильевич осторожно оглянулся.

Все ночные страхи и сомнения, когда он метался по темному коридору, пытаясь увидеть говорящих, сейчас вернулись. Он почти убедил себя, что тогда, в коридоре, ему слышались разговоры из другой части дома – звуковые волны иногда ведут себя странно! Просто где-то разговаривали люди, а ему показалось, что совсем рядом, и вот все началось заново, и не ночью, а в самый что ни на есть солнечный день!

– Нужно было не с этого начинать, – заговорил первый голос. – Конечно, сейчас ты никакого ответа не дождешься, да и дело это небыстрое.

– Рано или поздно дождусь, – перебил второй.

Никого не оказалось в гостиной и на террасе тоже – солнечный ветер отдувал шторы, и терраса отлично просматривалась. По ней ходили синие тени от облаков.

Меркурьев вспотел.

– А у нас времени нету, – продолжал первый. – Хорошо еще, что так все вышло, хоть и нельзя этого говорить, конечно, но все равно, все равно! Вот что ты будешь делать, если найдешь?

– Там посмотрим. Лишь бы найти.

О чем они говорят? О пропавшем изумруде? Или о чем-то совсем постороннем? И почему опять о том, что времени мало? Что должно произойти совсем скоро?

– Вот именно! Это сейчас – лишь бы найти, а так-то подумать надо, если по-хорошему рассуждать.

– Да, тебе бы только рассуждать, а когда до дела доходит, так нет тебя.

– Я что, не помогаю?! Вот новость-то! Я?! Да я каждый день с утра до ночи только и делаю, что работаю!

– Работаешь, работаешь, успокойся!.. Вечно ты все на себя переводишь, а я не об этом говорю!..

Кофемашина зафыркала, плеская в подставленную чашку крепкий кофе, и голоса затихли.

Василий Васильевич, инженер и материалист, человек образованный и неверующий, совершенно изнемог. Он подбежал к двери в столовую, распахнул ее и заглянул – никого! – и перебежал к двери в коридор.

Он толкнул обе створки, и они разом распахнулись.

В коридорной нише на полосатом диванчике сидели рядом Нинель Федоровна и Виктор Захарович. В руках у Захарыча были какие-то бумаги.

Увидев разъяренного Меркурьева, они будто немного перепугались.

– Вася? – спросила Нинель, словно не поверив своим глазам. – Ты чего, милый?

– Я ничего! – рявкнул Меркурьев. – Это вы сейчас тут разговаривали?!

Старики посмотрели друг на друга и снова на него.

– Разговаривали, да, – подтвердил Виктор Захарович. – Я вот ответ получил, и Нинуле рассказывал...

– Какой ответ? – потребовал Меркурьев отчета.

Они были так удивлены, что стали отчитываться сразу оба:

– Я уже год запросы посылаю в разные инстанции... Виктор дочку ищет, не может найти... А мне все время отвечают, нет такой и не было никогда... Он переживает, как не переживать, когда уже год дело с места не двигается...

Василий Васильевич, глядя в их растерянные лица, вдруг моментально остыл и застыдился.

– Прошу прощения, – сказал он. – Мне просто показалось, что здесь все какие-то тайны, духи, привидения, и я не сдержался. Извините.

– Да ладно, – сказал Виктор Захарович. – Бывает.

– А... какие запросы? – Меркурьев спрашивал просто так, чтобы сгладить неловкость. – Кому посылаете?..

– Да говорю же, дочку ищу. Уже год прошел, а дело не с места. Никто не может помочь, куда я только ни обращался.

– У вас дочь пропала? – поразился Василий Васильевич.

– Да ну, типун тебе на язык, – энергично вступила Нинель Федоровна. – И ты, Вить, как будто объяснить толково не можешь!.. Ничего она не пропала, она и не находилась.

– Ну, ты-то все понятно объясняешь! Куда мне!

– Так я и объясняю, – продолжала Нинель с напором. – У Вити в молодости жена была, и дочка родилась. Жена пожила в наших краях недолгое время, надоело ей тут все, она подхватила ребенка, да и укатила. И с тех пор Витя ни ее не видел, ни дочку. Это еще при советской власти было, давно.

– Деньги я посылал, – подхватил Виктор Захарович. – Такой у нас уговор был. Чтобы на ребенка деньги бесперебойно поступали. Я и переводил.

– А что, по тому адресу, куда вы деньги переводили, никто не живет? – спросил заинтересованный Меркурьев.

Нинель махнула рукой:

– Да и адреса никакого нету, Вася!.. Посылал он деньги до востребования, на главпочтамт или как это называется?.. А в прошлом году извещение получили, скончалась, мол, ваша супруга, уважаемый Виктор Захарович.

– Извещение? Кто его прислал?

– Да нотариус какой-то, фамилия указана, адрес конторы.

– И нотариус тоже не знает, где ваша дочь?

– Нет, – вздохнул Виктор Захарович. – Жена моя почему-то приказала меня известить в случае кончины, ну, он известил. А про дочь ничего не знает.

Василий Васильевич уперся спиной в стену и скрестил ноги.

– И вы никогда не пытались ее разыскать? Раньше?

– Ну как не пытались, – вступила Нинель Федоровна. – Конечно, пытались, Васенька! Особенно, когда девяностые начались и жить совсем трудно стало! Витя-то в море ходил, получал неплохо, всякие вещички привозил, когда технику бытовую, когда телевизор или магнитофон. Сколько он писал туда, на почтамт! И ни ответа ни привета. А ездил сколько раз!

– В Москву, – подтвердил Виктор Захарович. – Сам искал и жену просил, в письмах, конечно. И все без толку. Деньги получала, и дело с концом. Ни словечка человеческого ни разу в ответ не прислала. Одно только: отстань, мне без тебя веселее!

– Да, – сказал Меркурьев. – Видно, разозлили вы ее крепко, раз она за столько лет не отошла.

Виктор Захарович посмотрел на него.

– Так я и не понял, в чем тогда провинился, – сказал он с тоской. – Всю жизнь думаю: что не так сделал?! И не додумался ни до чего. Вот теперь бумагу извожу, во все инстанции пишу, на телевидение хотел обращаться!.. Даже не знаю, жива ли дочка моя, нет ли.

– Да что ты говоришь, Витя, – перебила Нинель Федоровна. – Молодая она совсем, конечно, жива! Найдем, найдем ее, дай время.

– Мало у нас времени, – сказал Виктор Захарович и встал. – А ты сам, Вася? Женатый? Меркурьев сказал, что холостой, и спросил, сколько лет дочке.

– Так тридцать, всего ничего! – ответила за Виктора Захаровича Нинель. – Я же и говорю, найдем. Найдем!..

Василий Васильевич забрал было остывший кофе, но домоправительница отняла и вылила, да еще выговор сделала, что Вася тянет в рот всякую гадость. Пришлось делать свежий.

С чашкой в руке он вышел на террасу, на ноябрьское солнце, сегодня так похожее на летнее.

– Нинель Федоровна! – крикнул он в дверной проем. – Вы меня слышите?

– Слышу, Васенька!

– А Емельян Иванович откуда взялся?

– Как? – Она показалась по пороге, отдернула занавеску. – Гость, откуда ему взяться!

Отдохнуть приехал!

– В первый раз?

– Раньше не был.

– А вы знаете, что его фамилия Кант?

Нинель Федоровна еще раз поправила занавеску, огладила ее, чтоб не топорщилась, и вышла к Меркурьеву на террасу.

– Так ведь... фамилии разные бывают, Васенька. Хорошо, у тебя фамилия простая, русская – Меркурьев! Артист такой был знаменитый, ах, как я его любила! Ты его полный тезка – Василий Меркурьев. А у нас на производстве инженер был, фамилию имел Филозопов! Мало ли какие они у людей, фамилии. Тот Филозопов, этот Кант.

– Кант, – сказал Меркурьев, полный тезка знаменитого артиста, – все же не Филозопов. А вы на производстве работали?

– В Калининграде, – охотно объяснила Нинель. – В конструкторском бюро «Факел» всю жизнь отработала, а потом на пенсию меня вытурили, Витя вот... подобрал.

– Вы всегда здесь жили?

– В поселке мы жили, – Нинель кивнула куда-то в сторону лип. – Родители там домик получили, когда в сорок шестом году в Калининградскую область по разнарядке приехали. Тогда немцев всех вон выслали, а нашим тут жилье и работу давали. Земли-то чужие, немецкие. Кенигсберг весь в сорок пятом сгорел, живого места не было. Бомбили его сильно. А Витя, Виктор Захарович, в этом доме родился и вырос. Папаша его генералом был и после войны здесь, на взморье, военным комендантом остался.

Она с любовью оглядела дом, и липы, и брусчатку.

– Родители Витины хорошие люди были, добрые, щедрые. Всех окрестных детишек принимали, подкармливали. Я, считай, в этом доме выросла. Когда Витя надумал его продавать, мне показалось, вот-вот жизни лишусь. – Она вздохнула и пригорюнилась. – Покупатели ему сразу сказали, что под снос. Не будет дома больше. Ну а он уже решил и отступить ни за что не хочет, как я его ни уговаривала!..

– Почему он решил дом продать?

– Так ведь годы, Васенька! Гостиницу держать – дело трудное, хлопотное. Сертификаты разные, и на алкоголь, и на продукты, и санитарные, и пожарные! И каждый год все по новой. А уж как начальство поменяется, так хоть криком кричи, сразу тыща нарушений, мильон претензий. Устал Виктор Захарович. И дочку хочет найти. Хоть, говорит, погляжу на нее напоследок, а может, и внуки есть! Мы же не знаем... Вот продаст дом и в Москву уедет...

– Отсюда? – усомнился Василий Васильевич и, прищурившись, посмотрел на сверкающее море. – В Москву? Разве можно?

– Да я отговаривала, – с сердцем сказала Нинель. – Не слушает он меня. Слава богу, бумаги пока не подписал, может, до весны и простоит дом, не погибнет.

– Да бумаги подписать дело пяти минут, – заметил Меркурьев.

– То-то и оно... Сварить кофейку еще? Или сам?

– Сам, Нинель Федоровна.

Он еще немного посидел в плетеном кресле, обдумывая услышанное.

Виктор Захарович продает дом и уезжает в Москву искать дочь. Емельян Иванович Кант здесь впервые, и его странное имя домоправительницу не удивляет. Она всей душой против продажи дома, но переубедить Захарыча не может.

Что из этого следует?

Ничего. Из этого ничего не следует.

Один из потенциальных покупателей погиб нелепой смертью – ночью упал с маяка и разбился насмерть. У гости пропал драгоценный перстень неслыханной цены. Другой гостье – ясновидящей вещунье – в кровать подложили разбитую фарфоровую статуэтку, как две капли воды похожую на покойного покупателя.

А из этого что следует?..

Василий Васильевич поежился – все же ветер был ноябрьский, ледяной и колкий. Курточка на рыбьем меху грела плоховато, но уж очень не хотелось уходить с террасы, где было так просторно, солнечно, и невдалеке шумело море.

А ночные странные голоса! И книга, которая словно дразнит его!

Дорого бы он дал, чтоб застать возле книги злоумышленника – того, кто вздумал над ним, Меркурьевым, шутки шутить. Поначалу он думал, что это Кристина веселится, а сейчас склонялся к мысли, что Антипия, то есть Мура.

Ох, если он ее застанет возле книги, он ей устроит! Так, чтоб ее до печенок пробрало! Чтобы стыдно стало по-настоящему!.. Одной лекцией она не отделается! И вообще – она обещала ему осознать, все обдумать и вернуться к честной жизни, но что-то не возвращается пока. Также Василий Васильевич не был уверен, что она осознает и обдумывает, хоть он и распорядился на этот счет.

Тут Меркурьев с удовольствием засмеялся.

Нужно было не кривляться, а пойти с ней на маяк. По дороге сделать ей внушение, надавить на совесть, воззвать к порядочности.

Меркурьев встал, зашел в гостиную и нажал на кнопку кофемашины. Еще чашку – и хватит.

В солнечном коридоре мимо распахнутой двери мелькнула легкая тень. Меркурьев отклонился назад, чтобы не мешал угол буфета, и посмотрел, но ничего не увидел. Тень промелькнула и исчезла.

Кофе не спеша лился в чашку. Меркурьев понюхал вкусный кофейный пар и выглянул в коридор.

В глубине дома тяжело бухнула дверь, Василий Васильевич понял, что кто-то вышел. Ему было страшно любопытно, кто именно.

Он забрал с подставки чашку, отхлебнул, зажмурился от удовольствия, вышел на улицу и с чашкой в руке пошел по брусчатке под липами. Разноцветные листья, еще не сметенные на клумбу, приятно шуршали.

По мощеной дорожке в сторону букового леса уходила прекрасная Лючия. Рядом с ней телепался Стас.

Меркурьев замер, выглядывая из-за угла дома.

– Стасик, послушай, – говорила Лючия негромко. – Ты должен меня понять! Я хочу побыть одна, ну хоть немножечко! Женщины иногда нуждаются в одиночестве гораздо больше, чем в обществе.

– В лесу? – недовольно переспрашивал Стас. Он широко шагал и был обут в зеленые резиновые сапоги. – В одиночестве? Это просто опасно, Лючия! Вы должны это понимать! Одну я вас не отпущу.

– Стасик. – Она остановилась, повернулась к нему и повысила голос.

Меркурьев поглубже задвинулся за угол.

– Стасик, ты не можешь меня отпустить или не отпустить. Я иду, куда хочу. А ты возвращайся к себе.

– Лючия, я должен вас проводить.

– Если ты от меня не отстанешь, я завтра же отсюда уеду, – сказала она, и непонятно, шутливой была угроза или нет.

– У вас свидание? – выпалил Стас.

– О господи, – пробормотала Лючия. Меркурьев скорее догадался, чем услышал.

Она была одета в клетчатый твидовый костюм – длинная юбка, узенький жакет с меховым воротником и маленькая шапочка на волосах. На руках коричневые перчатки – очень по-английски! Меркурьев из-за угла любовался ею.

– Стас, дальше ты не пойдешь. Или мы незнакомы.

Эта фраза – «мы незнакомы», – видимо, тоже из английской жизни, решил Меркурьев.

Лючия быстро пошла по дорожке, но остановилась, оглянулась, вернулась к Стасу и положила руку ему на грудь. Он моментально накрыл ее своей.

– Не обижайся на меня, – попросила Лючия ласково. – Мне правда нужно побыть одной. Я погуляю и вернусь, обещаю тебе.

– Правда?

– Ну, конечно!

И она вновь быстро зашагала по дорожке к буковому лесу. Стас поглядел ей вслед и побрел к дому. Возле самой двери он остановился и еще раз оглянулся.

Меркурьев голову мог дать на отсечение, что он ринется за ней – или покрадется, как получится, – но Стас посмотрел ей вслед и вернулся в дом.

Бабахнула, закрываясь, тяжелая дверь.

Ну а мы, решил Меркурьев, пристраивая чашку на каменный парапет, люди не романтические, не мистические и не тонкие. Мы, пожалуй, посмотрим, куда она направляется, наша красота.

Он дождался, когда она войдет под сень разноцветных буковых деревьев – очень высоких, странно высоких, в Средней Азии Меркурьев совсем отвык от таких деревьев, – еще раз оглянется на дом, и отправился следом за ней.

По дороге он выломал сухую ветку в ивовых кустах – если его засекут, он скажет, что ищет грибы. А что такого? Наверняка грибы еще есть.

Брусчатка уходила в лес, как дорожка в парке, и потерять Лючию Меркурьев не боялся. Вряд ли она полезет в мокрую траву!

Он шел, насвистывая, помахивал своим хлыстиком и думал о приключениях. Он не предполагал никаких приключений, когда уезжал из Бухары, мечтал только о холоде и дожде и неожиданно получил все сполна. Ему нравилось об этом думать.

В лесу было просторно и светло, на самом деле как в парке. Буковые деревья, еще не до конца облетевшие, шелестели кронами далеко вверху, и на дорожку и на траву время от времени ворохом сыпались листья. С правой стороны мелькнули в кустах какие-то развалины – то ли беседка, то ли садовый павильон. Василий Васильевич решил, что при случае непременно их исследует.

Можно позвать Антипию и исследовать развалины вместе. Она вызовет чей-нибудь дух. Интересно, духи приходят только в темные комнаты и непременно со столами, чтобы ими стучать, или в романтические беседки посреди леса тоже? Нужно будет спросить.

Дорожка все не кончалась, и Меркурьев удивлялся – кому и когда пришло в голову мостить дорожку посреди леса? Или здесь когда-то был парк?..

Гигантский муравейник попался ему у поворота, Василий Васильевич остановился и посмотрел. Грандиозность сооружения завораживала – муравейник был Меркурьеву примерно по колено. Невозможно было представить себе, что муравьи – самые обыкновенные муравьи! – возвели такое огромное здание. Как если бы Василий Васильевич и его рабочие взяли и соорудили Фаросский маяк.

Он прикинул, правильно ли пересчитал пропорции, и получилось, что неправильно. Он начал вычислять, и вышло, что сооружение должно было бы иметь двести пятьдесят метров высоты и метров четыреста в поперечнике.

Фаросский маяк, конечно, не кот чихнул, но до муравейника недотягивал.

Лючия совсем скрылась за деревьями, но Василий Васильевич несколько не тревожился. В конце концов, слежка была задумана и предпринята исключительно как развлечение!..

Впереди замаячило нечто, явно рукотворное и не имеющее отношения к лесу, – углы, прямые линии, жесткие грани.

Виктор Захарович говорил что-то про охотничий домик Франца Фердинанда, до сих пор сохранившийся в лесу. Может, дорожка ведет к нему?..

Василий Васильевич сошел с брусчатки, прошел через почти облетевший черничник и стал обходить развалины по дуге – слежка так слежка!..

Между деревьями мелькнула Лючия. Видно было плоховато, от света, тени, желтизны, зелени и пурпура листьев рябило в глазах, но Меркурьеву показалось, что она стоит, задрала голову, и рассматривает небольшое, почти обвалившееся здание красного кирпича.

Может, на самом деле решила просто погулять? Нет никакого свидания и Стас не останется с носом?

Проваливаясь ногами в мягкий изумрудный мох, Василий Васильевич осторожно прошел вперед и засел в кустах, наблюдая за красавицей.

Развалины и впрямь оказались живописными – с одной стороны красный кирпич осыпался совсем, а с другой уцелела даже круглая башенка, почти такая же, как в доме Виктора Захаровича. Перед строением когда-то была довольно широкая площадка, тоже, по всей видимости, замощенная. Лючия, заложив руки за спину, прыгала по уцелевшим камням, постукивали каблучки ее туфель, словно она играла сама с собой в классики.

Нет, подумал Меркурьев из засады, кого-то она поджидает. Не просто так взыскует одиночества!.. И сам удивился – поджидает? В лесу? Может быть, у нее ревнивый муж-кентавр, а из леса должен прибежать пылкий поклонник-фавн?..

Он захрюкал от смеха так, что затряслись и задрожали кусты, в которых он сидел. С них посыпались листья.

Как тогда Антипия сказала про помехи? Кто-то их наводит? Судя по всему, такие мысли, которым решительно неоткуда было взяться в голове у Василия Васильевича, тоже кто-то наводит!..

Он уже решил было выбраться из кустов и выйти ей навстречу – сидеть в засаде ему надоело, и ноги промокли, – когда увидел, что с другой стороны через лес пробирается человек.

Василий Васильевич замер в кустах.

Лючия тоже увидела движение в лесу, потому что остановилась, и спина у нее напряглась.

Человек вышел к развалинам. Это был самый обычный грибник – в ватнике, кепочке и резиновых сапогах. На локте широкая корзина.

– Ну? – негромко сказал грибник.

Лючия покачала головой.

– Что?

– Пока ничего нет.

Василий Васильевич вытянулся в струнку и почти не дышал – чтобы лучше слышать.

Мужик в кепочке нагнулся, сорвал травинку и сунул себе в зубы.

– Что так?

Лючия помедлила, потом ответила, голос звучал виновато:

– Непредвиденные обстоятельства.

– Какие еще обстоятельства! – сказал человек с досадой. – Все проще пареной репы.

– Нет, – возразила Лючия. – Не проще.

– Хорошо, – согласился мужик. – Когда? Я каждый божий день не могу сюда шляться.

Лючия еще немного помолчала:

– Давай послезавтра.

– В это же время, – сказал незнакомец утвердительно. Огляделся по сторонам и стал уходить в ту же сторону, откуда пришел.

Василию Васильевичу из разговора показалось, что человек этот – начальник, а Лючия – подчиненная.

Она немного подождала, постояла, глядя ему вслед, потом медленно пошла по дорожке к дому.

Меркурьев, сидя в кустах, прикидывал, о чем могла идти речь. Какие непредвиденные обстоятельства? Что проше пареной репы? Что должно было быть сегодня, но не получилось?..

Потом он перестал прикидывать, понимая, что ничего путного не надумает – у него не было никаких фактов, из которых можно делать выводы, и посмотрел на часы-компьютер.

Сориентировавшись и установив, в какой стороне море, Василий Васильевич двинул напрямик через лес. По его подсчетам, выходило, что он спустится к морю метрах в четырехстах от начала «променада», но промахнулся.

Он скатился с обрыва в совершенно незнакомом месте и долго оглядывался, прежде чем сообразил, куда идти. Со всех стороны были песчаные дюны и море. Далеко на горизонте облака собирались в длинные полосы.

Меркурьев так и сяк изучал часы-компьютер, но они мало помогали. В конце концов он сообразил, что если солнце от него слева, то нужно забирать правее, и пошел.

Он шел по песку довольно долго, ноги стали уставать, и очень хотелось остановиться, куда-нибудь сесть и сидеть долго-предолго, как вдруг на мысу он увидел маяк совсем с другой стороны!

– Ты даешь, Василий Васильевич, – себе под нос пробормотал Меркурьев. – А еще тезка знаменитого артиста и все барханы в Бухаре тебе известны.

Он повернул в ту сторону и пошел. Ноги заплетались и путались. Как это он так промахнулся?! И часы-компьютер, выходит, промахнулись тоже?..

– Ва-а-ся-я! Э-гей!..

Меркурьев приставил руку козырьком ко лбу и посмотрел. Стас радостно махал ему со стороны моря. Меркурьев вяло помахал в ответ. Он так устал, что даже дышал тяжело.

– Здорово, Вася! Откуда идешь?

Он показал, откуда именно.

– Так там ничего нет, – удивился Стас. – Я все окрестности знаю. Если в ту сторону идти, сначала будет пляж, километра три, а потом обрывы начинаются. А больше ничего!..

– Я упражняюсь, – сказал Василий Васильевич, вспомнив утро, свою тренировку и как Саня решил «Скорую» вызвать, чтоб его спасти от смерти. – Набираю форму.

– А, – сказал Стас уважительно, – ну, в таком случае бог в помощь.

И они вместе пошли в сторону маяка. Резиновыми сапогами Стас загребал песок, ветер закручивал маленькие песчаные вихри и сразу же разрушал и раздувал их.

– Эта Лючия хороша, да? Я таких в жизни не видел.

– И я не видел, – согласился Василий Васильевич.

– Как ты думаешь, кто она? Ну, чем занимается?

Меркурьев прикинул, чем может заниматься такая женщина. Получалось, что чем угодно: писать картины, играть на скачках, музицировать на виолончели – в общем, простыми, понятными, приземленными делами.

– Чем она может заниматься, – произнес он с досадой. – Ничем. Вариантов два: она жена богатого мужа или дочь богатого папаша.

– Вот, – обрадовался Стас. – Я тоже так думаю! Хорошо бы муж, конечно.

Василий Васильевич взглянул на него:

– Почему? Ты же за ней ухлестываешь!

– То-то и оно, – вздохнул Стас. – Ухлестываю. А вдруг она поведется?

Меркурьев ничего не понял:

– Так это ж хорошо? Если поведется. Или ты ухлестываешь, чтобы вызвать у нее отвращение?

– Да не-ет, – сказал Стас энергично. – Ну, смотри, я за ней ухаживаю, она ведется, у нас романчик, секс, то, се. Потом я уезжаю в Москву, а она здесь остается. Если у нее есть муж, все в порядке. А если нету? Начнутся претензии, слезы, не бросай меня, мы созданы друг для друга, всякое такое. Оно мне надо?

– Не надо! – горячо воскликнул Василий Васильевич.

– Провинциальные красотки только в провинции и хороши.

– А она провинциальная?

– Наверняка, – сказал Стас убежденно. – Слушай, Вася, а ты сам за ней не собираешься приударить?

Меркурьев промычал нечто неопределенное.

– Нет, скажи. Если собираешься, я тогда отступлюсь. Вон за Кристиной поухаживаю, тоже ничего девочка. Чего нам время зря терять! У тебя отпуск длинный?

– У меня отпуск только начался.

– Ну, все равно. Так не собираешься? Ухаживать?

Меркурьев посмотрел на Стаса. Тот вышагивал рядом, щурился от солнца и время от времени трогал свою бороду, словно проверял, на месте ли она – как всякая новая вещь, борода не давала владельцу покоя.

– Как ты думаешь, – спросил Меркурьев, оставив вопрос с ухаживаниями открытым, – кто мог у Кристины кольцо попереть?

Стас фыркнул:

– Без понятия. А ты?

– И я не знаю.

– А может, никто и не пер? Вон Лючия говорит, что цена ему, кольцу этому, грош в базарный день. Может, Кристина сама его припрятала и панику подняла? Просто так, для веселья.

– Да, – согласился Василий Васильевич. – Чего не сделаешь веселья ради! А почему Лючия с ходу объявила, что кольцо грошовой, мне совсем непонятно. Зачем она это сделала?

Стас удивился:

– Так она же сказала, что разбирается в камнях!

– Вот именно.

– Ну, значит, она знает, что говорит.

– Я ничего не понимаю в камнях, – признался Василий Васильевич. – Но даже мне очевидно, что камень настоящий, кольцо старинное и дорогое. Мы его все в руках держали и рассматривали!

Стас подумал немного:

– И чего ты там рассмотрел?

– Изумруд огранен так, что играет и переливается при любом освещении. Стекляшку так огранить нельзя.

– Откуда ты знаешь, Вася?

– Из химии, – буркнул Меркурьев. – Из школьного курса. Раздел «Природные минералы». А Лючия сказала – сувенир из китайской лавки! Зачем?

Стас пожал плечами:

– Ну, ей показалось, должно быть.

– Должно быть, – согласился Василий Васильевич. – Или она сказала это специально.

– Это что значит?

Василий Васильевич пожал плечами. Он и сам пока не понимал.

– Ты в лес ходил? – спросил он после паузы. – Захарыч говорил, там развалины какие-то интересные.

– Не хожу я в лес, – ответил Стас быстро. – Чего там делать? Сыро, темно. И какие там могут быть развалины? Небось дом заброшенный, и все дела. По области таких домов сколько хочешь. От немцев еще остались. Я как-то в старинный форт лазил, вот там интересно. Решетки, переходы, колодцы какие-то. Говорят, в одном таком форте Янтарная комната спрятана. Ее ведь так и не нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.